

Бийская история Чуйского тракта

Бийск — 2020

УДК 908.929
ББК 63.3
Б 59

Автор и научный руководитель проекта: Н. А. Фролов

Руководитель проекта: Я. А. Долинский

Авторский коллектив:

Е. А. Грехова, В. Ф. Гришаев, Н. И. Занина, А. Л. Кунгуров,
Л. Н. Новикова, Е. И. Ракитянский, А. В. Старцев, Н. А. Фролов,
М. С. Яскова

Бийская история Чуйского тракта [Текст] : сборник статей / авт. кол.:
Е. А. Грехова, В. Ф. Гришаев, Н. И. Занина и др. ; под науч. ред.
Н. А. Фролова. — Барнаул. — 2020. — 162 с. : ил.
ISBN 978-5-6044031-2-9

Книга знакомит читателей с историческим прошлым и настоящим Чуйского тракта. На основе многочисленных архивных документов и уникальных фотографий излагается история одного из самых заметных архитектурных памятников Бийска — особняка Г. А. Варвинского, известного предпринимателя Горного Алтая, игравшего заметную роль в хозяйственной и культурной жизни жителей дореволюционного Алтая вдоль Чуйского тракта.

Книга рассказывает об истории Бийска через призму судьбы этого особняка. Стены здания стали частью жизни очень известных людей Алтая.

Издание рассчитано на историков, краеведов и всех, интересующихся прошлым и настоящим города Бийска и Алтая в целом.

УДК 908.929
ББК 63.3

ISBN 978-5-6044031-2-9

© Коллектив авторов, 2020

Уважаемые читатели!

Материалы, собранные в книге, рассказывают об особняке купца Григория Варвинского, в котором сегодня находится музей Чуйского тракта. Дом, расположенный на историческом нулевом километре тракта, не просто хранит историю дороги, он сам — часть истории.

Чуйский тракт уникален, он входит в десятку красивейших дорог мира, проходит через четыре природные зоны — от лесостепи до каменной пустыни, преодолевает два перевала, пересекает множество рек. За несколько часов пути можно увидеть все разнообразие природы Алтая.

Не менее удивительна и богата история тракта. Она меняла направление и насчитывала не один поворот, становясь отражением эпохи. Путь на месте современной дороги существовал издавна, в преданиях его называют вечным. Своим развитием Чуйский тракт во многом обязан купцам-чуйцам, одним из которых и был Варвинский. Ведь строители появляются там, где ходят люди. Сегодня это транспортная артерия, соединяющая три региона и открывающая для России сообщение с Монголией и Китаем.

История дороги для нас так же важна, как и ее современное развитие.

Мы благодарны ученым, историкам, писателям и поэтам, журналистам, фотографам и художникам, нашим ветеранам-дорожникам, всем неравнодушным — тем, кто помогает беречь историю и красоту нашего края.

*Ярослав Долинский,
начальник ФКУ Упрдор «Алтай»*

Предисловие от редактора

В скором будущем жители Алтая и бийчане в том числе будут отмечать две знаменательные даты: 100-летие Чуйского тракта (26 мая 2022 г.) и 100-летие Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки — БКМ (14 апреля 2020 г.).

Далеко не все знают, что эти два события связаны между собой незримой, но прочной исторической нитью. Официально считается, что Чуйский тракт — это дорога «Новосибирск — Бийск — Ташанта», но бийчане уверены, что настоящий Чуйский тракт начинается в их городе — от музея Чуйского тракта (дом Варвинского). Это не противоречие, а скорее исторические оттенки существующих реалий.

Бийские краеведы в конце 2018 г. обратились к руководству организации ФКУ Упрдор «Алтай» (рук. Я. А. Долинский) с предложением совместными усилиями рассказать жителям и гостям Алтая об истории Чуйского тракта и музея, а также о длительном и плодотворном сотрудничестве этого коллектива и Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки, в результате которого родилась эта книга очерков, объединенных идеей исторической связи процессов освоения и развития Алтая.

Издание начинается очерком А. В. Старцева об истории появления и строительства Чуйского тракта во второй половине XIX — начале XX в. Автор называет объективные причины появления тракта, фамилии русских торговцев, ратовавших за превращение конной тропы в устроенную караванную дорогу, и анализирует усилия государства по выбору окончательного места прохождения и строительству Чуйского тракта.

В качестве развития темы в очерке Н. А. Фролова раскрывается неизвестная ранее судьба семьи туринского мещанина Г. А. Варвинского, который жил и торговал в конце XIX — начале XX в. на Чуйском тракте в селении Онгудай, имел там крупную транспортную контору и в 1911 г. построил особняк в г. Бийске, который вот уже более 100 лет символизирует начало Чуйского тракта. Советская власть «по достоинству оценила» вклад Г. А. Варвинского: реквизировала имущество семьи, а самого Варвинского с сыновьями выслала за пределы Ойротии...

Особняк Варвинского является памятником архитектуры Бийска начала XX в., и очерк Л. Н. Новиковой раскрывает архитектурные особенности здания.

Словно по какому-то провидению, история этого здания, о которой рассказывается в очерках Е. А. Греховой, Н. И. Заниной и других

краеведов, оказалась связана не только с жизнью г. Бийска, но и с Чуйским трактом.

За более чем вековой период своего существования особняк Варвинского был свидетелем нескольких исторических эпох. Здесь в разные годы размещались квартиры, контора, комендатура, библиотека, детский дом. С 1926 г. здание постоянно занимает Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. Удивительная судьба у этого здания: оно выстояло после того, как в него врезался огромный танк; осталось на месте, хотя всерьез обсуждался вопрос о его перемещении в другое место; сохранилось в пожаре и продолжало верно служить своему городу.

В 1930-е, 1950-е, конце 1980-х гг. и позднее в музее появлялись отдельные стенды и экспозиции о Чуйском тракте, но идея создания музея Чуйского тракта пришла в голову интересному человеку, начальнику ДСУ № 10 Ю. Д. Никишину. В сотрудничестве с Е. А. Греховой такой музей в 1992 г. был создан, а в 2010 г. он переехал в здание Бийского краеведческого музея. Об этой истории подробно рассказано в очерке краеведа Е. А. Греховой.

Руководители организаций «Росавтодора», обслуживающих Чуйский тракт на Алтае, не просто поддержали решение о переносе экспонатов по истории Чуйского тракта в исторический особняк Варвинского, но и стали друзьями и партнерами музея Чуйского тракта. Издание этой книги также стало возможным благодаря поддержке руководителя ФКУ Упрдор «Алтай» Я. А. Долинского, и авторский коллектив выражает ему свою признательность за оказанную помощь.

Как писал А. В. Старцев, размышляя о прошлом и настоящем, пытаясь понять сущность той или иной исторической эпохи, мы вспоминаем события, изучаем факты, восстанавливаем биографии людей, живших в интересующее нас время. При этом мы нередко забываем о безмолвных свидетелях, сопровождавших человеческую жизнь, — вещах, домах, улицах, дорогах. Создавая для своих нужд какую-то вещь, строя дом, прокладывая дорогу, человек вводил их в круг своей жизни, и они начинали оказывать влияние на своего создателя, а затем и на его потомков.

Надеемся, что в канун 100-летия образования Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки в 2020 г. и 100-летия Чуйского тракта в 2022 г. материалы этой бийской истории будут интересны и поучительны для современного читателя.

*Н. А. Фролов, к.э.н.,
научный редактор проекта*

А. В. Старцев

СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО ТРАКТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.¹

Вопросы истории транспорта и путей сообщения на Алтае во второй половине XIX — начале XX в. представляют большой интерес для исследования проблем хозяйственного освоения региона в дооктябрьский период. Развитие капитализма в стране, вовлечение Алтайского округа в орбиту общероссийских и мировых экономических связей неизбежно требовали совершенствования транспортных средств, строительства новых дорог, увеличения объема грузовых и пассажирских перевозок. Говоря словами К. Маркса, «...революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах связи и транспорта» [22, с. 395].

Несмотря на актуальность проблемы, она не нашла должного отражения в исторической литературе, и вопросы состояния путей сообщения и развития различных видов транспорта в Сибири, в том числе и на Алтае, исследованы далеко не достаточно [18, с. 32–33]. В этой связи изучение истории строительства Чуйского тракта в Горном Алтае, сыгравшего важную роль как во внутривозрастной жизни края, так и в развитии экономических контактов России с Китаем и Монголией, представляется необходимым и своевременным.

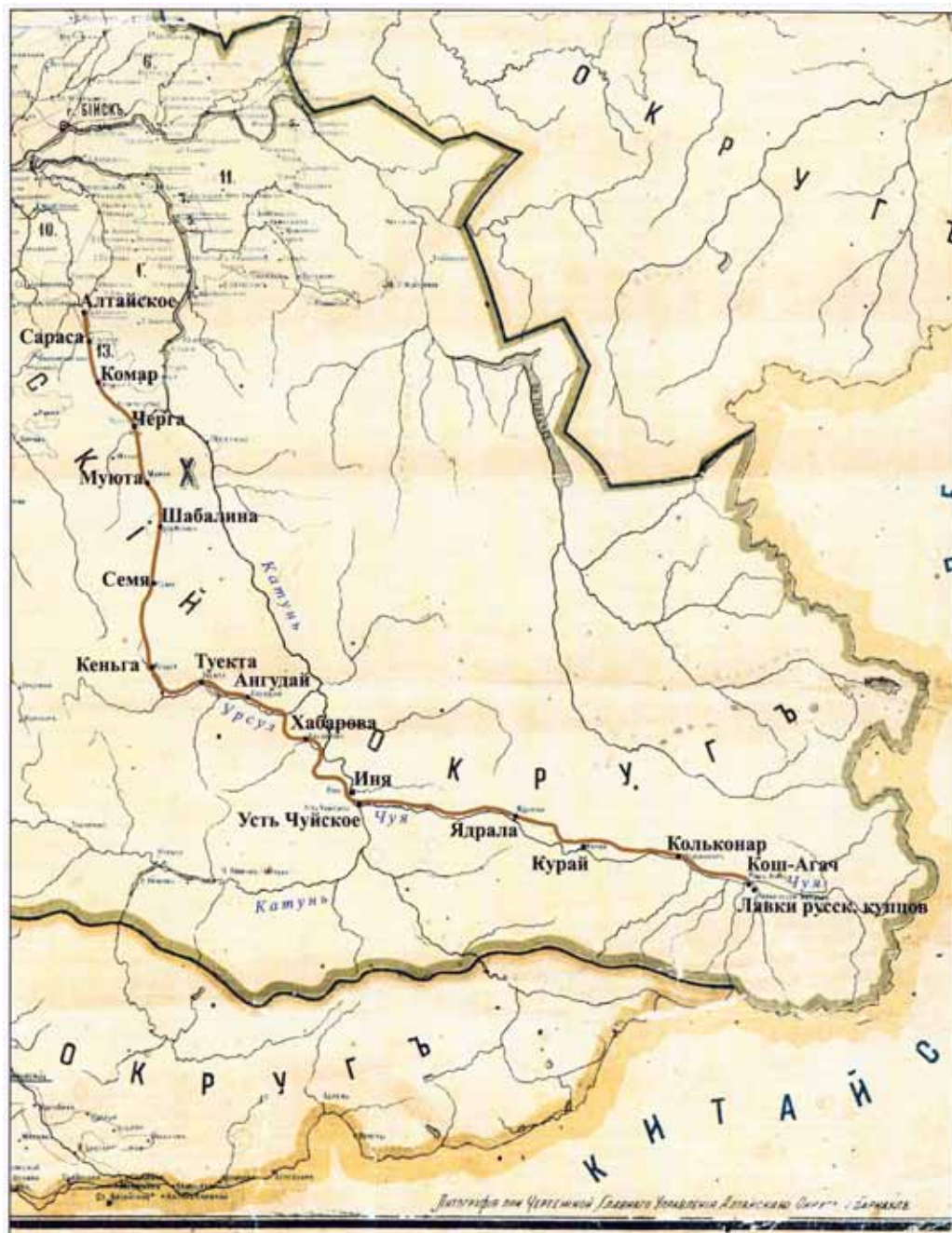
Чуйский торговый путь получил известность со второй половины XVIII в. Уже в 80-х гг. XVIII в. предприимчивые жители Бийска и Змеиногорска — Хабаровы, Мальцевы, Кузнецовы, Токаревы и Просековы — совершали поездки в Горный Алтай и завязывали торговлю с алтайскими племенами [7, л. 8]. Первоначально торговля велась с так называемыми двоedanцами (кочевыми народами, платившими ясак русскому царю и китайскому императору), но постепенно, по мере продвижения русских на юг и с принятием двоedanцев в русское подданство, необходимость в посредничестве отпала. По сведениям В. В. Радлова, в 20-х гг. XIX в. купцы «устроили избушки для склада товаров на берегах Чуи на месте, называемом Кожо-Агач», а для торговли ездили дальше к китайской границе, где проходила ярмарка, на которую приезжали монгольские солдаты ближайших пограничных пикетов и приказчики некоторых китайских фирм, торговавших в Северо-Западной Монголии [26, с. 599].

Чуйский путь в это время представлял собой горную тропу, перевозить товары по которой возможно было только вьючным способом.

«Чтобы иметь представление о современном пути на Кош-Агач, — писал бийский исправник Е. Замятнин, — нужно видеть его в натуре, каждое же сравнение мо-

¹ **Впервые опубликовано:** Старцев А. В. Строительство Чуйского тракта во второй половине XIX — начале XX в. // Ползуновский вестник. 2004. № 3. С. 276–282.

Чуйский тракт — торговый путь в Монголию

*Чуйский тракт на карте Алтайского округа,
составленной в 1896 г.*

жет показаться невероятным; как, например, на чуйских бомах есть места, где вьючные и верховые лошади прыгают с камня на камень... по временам ударяясь боком о скалу, поднимающуюся вверх от тропинки. Проезжая по таким путям, самый искусный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти» [7, л. 26–26об]. Таким образом, отсутствие удобной дороги в Чуйскую долину являлось важнейшим фактором, тормозившим развитие русско-монгольской торговли через Алтайский округ. Говоря словами известного французского историка Ф. Броделя, здесь сложилась ситуация, когда «обмен, представляющий орудие любого прогрессирующего экономического общества, оказывался стеснен пределами, которые устанавливал транспорт: его медленностью, слабой пропускной способностью, нерегулярным характером и, наконец, высокой себестоимостью» [5, с. 456].

Вопрос о необходимости прокладки удобной дороги в Чуйскую долину впервые возник в 60-х гг. XIX в. в связи с подписанием между Россией и Китаем Пекинского договора 1860 г., по которому русские подданные получили право ездить для торговли в пределы Монголии, входившей в состав Цинской империи. В 1865 г. с разрешения томского губернатора Г. Лерхе несколько бийских купцов в сопровождении штабс-капитана Генерального штаба А. Принтца совершили поездку в монгольский город Кобдо «...с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем» [28, л. 55].

А. Принтц высоко оценил перспективы торговли с Монголией и Китаем в этом направлении, однако считал, что торговля могла получить свое развитие лишь в том случае, если «...Алтай, населенный кочевыми, почти дикими людьми, пересечется не теперешнею едва проходимой конской тропой, а более устроенной караванной дорогой» [25, с. 15]. К такому же выводу пришли инспектировавший состояние торговли в Томской губернии в 1868 г. чиновник особых поручений Министерства финансов К. Яцевич, составивший по этому вопросу специальную записку [28, л. 3–37], и генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущев, который в своем докладе министру финансов подчеркивал насущную необходимость «устроить по р. Чуе от Онгудая до Кош-Агача колесную дорогу вместо существующей вьючной» [2, с. 82].

Эти материалы вызвали серьезную заинтересованность в правительстве, которое после подписания в 50–60-х гг. XIX в. ряда договоров с Китаем надеялось на укрепление своих экономических и политических позиций в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Министр финансов М. Х. Рейтерн считал идеи расширения торговых контактов через Алтай «заслуживающими особого внимания» и рекомендовал А. П. Хрущеву «войти в ближайшее рассмотрение обстоятельств настоящего дела» [28, л. 38об].

Целесообразность постройки дороги обуславливалась как экономическими, так и политическими интересами России в этом регионе Азии. Глава Азиатского департамента Министерства иностранных дел канцлер К. Горчаков считал, что постройка Чуйского тракта и развитие вследствие этого русской торговли в Северо-Западной Монголии даст основание поставить перед китайским правительством вопрос об учреждении «...в главных городах Западной Монголии и особенно в Улясугае и Хобдо постоянных консульств, которые поставили бы нас также опять в возможность следить за политическими делами в Западном Китае» [28, л. 175].

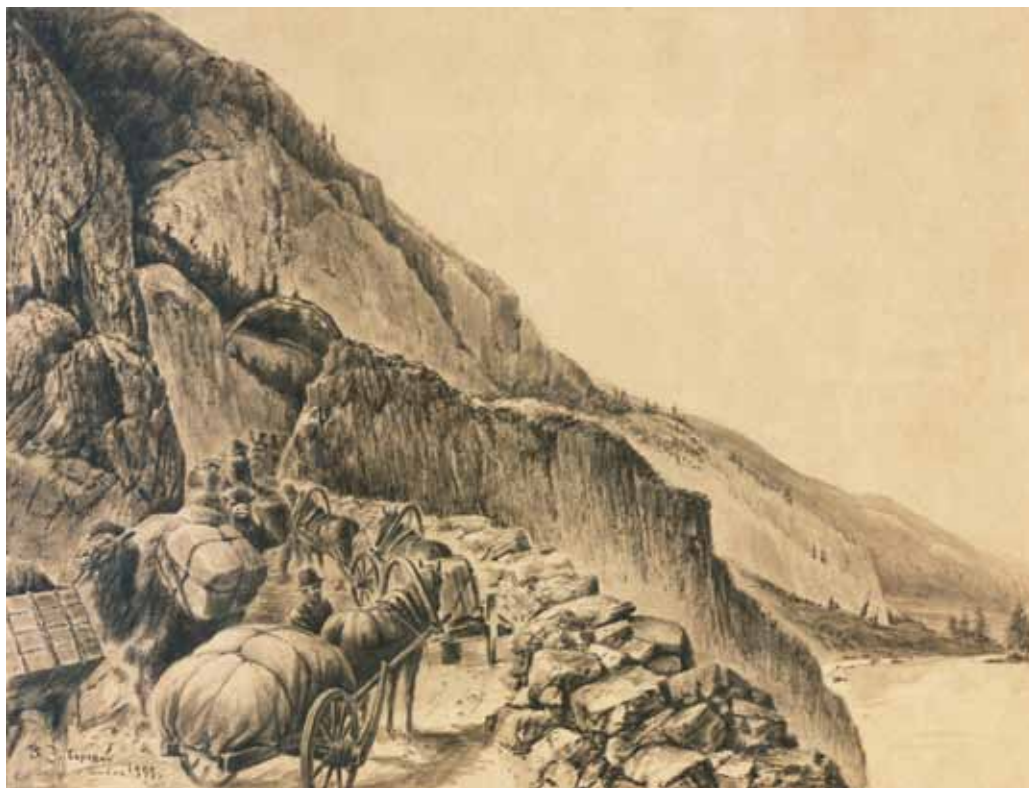
Самые первые предварительные обследования Чуйского пути, проведенные в 1868 г. чиновником для особых поручений Министерства финансов Яцевичем и в 1869 г. бийским исправником Е. Замятниным, дали основание генерал-губернатору Западной Сибири А. П. Хрущеву обратиться с ходатайством в Государственное казначейство об ассигновании 100 тыс. руб. для строительства тракта [27, л. 2об]. В то же время семипалатинский губернатор предложил устроить колесную дорогу к монгольской границе через Бухтарминскую долину и просил для производства работ 25 тыс. руб.

Соперничество сибирских администраторов по данному вопросу было продиктовано скорее чиновными амбициями, чем трезвым расчетом. Как отмечал русский консул в Кульдже Н. Балкашин, «оба пути... техническому исследованию не подвергались, и судить о действительной стоимости их разработки не имелось положительных данных» [1, с. 36].

Поскольку сумма, запрашиваемая на устройство Бухтарминской дороги, была существенно меньше, Министерство финансов остановилось на этом проекте и в 1874 г. выделило необходимые средства. Однако вскоре выяснилось, что торговля в данном направлении не получила большого развития. Как сообщалось в справке, подготовленной департаментом торговли и мануфактур, «семипалатинские и усть-каменогорские купцы, главную массу которых составляют татары, предпочитают вести торговлю с родственными им киргизами, нежели с китайцами и монголами через Кобдо и Улясутай» [27, л. 2об–3]. В этой связи Н. Г. Казнаков, сменивший А. П. Хрущева на посту генерал-губернатора Западной Сибири, распорядился прекратить строительство. В своем докладе министру императорского двора от 5 февраля 1879 г. он сообщал, что к этому времени большая часть денег оказалась истрачена, «а между тем, дорога была устроена на самом незначительном протяжении и притом в местах, наименее требовавших разработки» [27, л. 61об].

Неудача с Бухтарминским трактом вновь поставила вопрос о реконструкции Чуйского пути. По ходатайству русского консула в Урге Я. П. Шишмарева, поддержанного генерал-губернатором Западной Сибири Н. Г. Казнаковым, на Алтай был направлен инженер М. А. Брецинский с целью «исследования помянутого торгового пути и составления... соображений о том, насколько этот путь удобопроходим и какие могут быть местными же средствами сделаны приспособления к его улучшению» [4, с. 1]. Непосредственная работа по трассировке дороги и расчет необходимых затрат были проведены сопровождавшим М. А. Брецинского техником А. И. Александровым, который составил минимальную и максимальную сметы строительства. Минимальная смета предусматривала затраты в 75 тыс., а максимальная — 100 тыс. руб. По максимальной смете предполагалось не только соорудить дорогу, по которой можно было передвигаться на телегах, но и построить 16 постоянных дворов для отдыха и смены лошадей [12, л. 32]. В своем проекте А. И. Александров предполагал и простое улучшение существовавшего вьючного пути, которое по их подсчетам составило бы всего 20 тыс. руб., но это, по его мнению, могло дать «одну исключительную безопасность сообщения, которая несколько не понизит ценности перевозки, а потому рано или поздно потребуется сооружение дороги, возможной для проезда в экипажах» [12, л. 31, 32об].

В 1892 г. томским губернатором Г. А. Тобизеном в Горный Алтай был командирован инженер-технолог Ивачев, который должен был представить свои соображе-

Торговый караван на старом Чуйском тракте. Рис. В. К. Заборского из фондов БКМ

ния по улучшению почтового сообщения между Бийском и монгольской границей. Ивачев, сделав общее описание пути и профиля местности, определил стоимость его исправления в 48,6 тыс. руб. [6; 27, л. 28]. Однако далее разработки проектов и составления примерных смет строительства дело не двинулось. Причинами этого, помимо неимения средств, было отсутствие строителей, а также проблема поддержания будущего тракта в рабочем состоянии. В этот период Чуйский путь не считался дорогой государственного значения и относился к путям сообщения, которые должны были исправляться местными жителями бесплатно, в рамках исполнения дорожной повинности. Естественно, что это никак не стимулировало крестьян к добросовестной работе по исправлению дорожного полотна. Но главное заключалось в том, что Чуйский путь пролегал практически по безлюдной местности и следить за его состоянием в принципе было некому. Не считая Онгудая, население которого в 1897 г. насчитывало 522 чел., на протяжении почти 250 верст численность русского населения составляла всего 179 душ об. п. (д. Хабаровка — 94, заимка Куликова — 13, д. Иня — 7, пос. Кош-Агач — 65) [2, с. 79].

Бийские купцы-«чуйцы», наиболее заинтересованные в строительстве дороги, сами пытались приспособить Чуйский путь для безопасной езды и на свои средства провели некоторые работы по устранению на тракте «гиблых мест». Так, некоторые улучшения были сделаны в 1865 г. на Комаринском перевале и на участке от Черги до Шебалино,

в 1877 г. был исправлен участок дороги от Шебалино до Онгудая, а в 1879–1880 гг. — между Онгудаем и Хабаровкой. В начале 90-х гг. на всем протяжении от Хабаровки до Кош-Агача тропа была расширена, убраны камни, сделаны деревянные настилы и каменные барьеры над кручами [32, с. 10–11].

Разумеется, эти улучшения пути в техническом отношении были весьма примитивными. По описанию современника, «по щелям и крутым скалистым покато-стям... клались две-три листовничные жердочки повдоль тропинки; к ним, поперек настился слой плоских или угловатых камней, которые сверху заваливались щебнем, если таковой находился не особенно далеко. В самых опасных подобного рода местах устраивались незатейливые перила... Иной раз жерди, а даже и целые бревна, упираются на какой-нибудь незначительный выступ скалы, который, кажется, во всякое время готов обломаться и унести с собою всю настилку и проходящую по ней лошадь» [3, с. 67].

В исторической литературе отмечалось, что «чуйцы» не желали вкладывать в исправление дороги большие капиталы, объясняя это коммерческой недалечностью и повышенным стремлением к наживе [33, с. 45]. Анализ источников показывает сомнительность подобных утверждений, продиктованных не столько фактическим положением вещей, сколько классовыми позициями автора. Дело в том, что основную массу торгующих по Чуйскому пути в 60–90-х гг. XIX в. составляли мелкие предприниматели, обладавшие ограниченными капиталами. В 1869 г. из всех торговавших с Монголией только 4 имели торговый оборот от 20 до 50 тыс. руб. в год, а торговые обороты остальных предпринимателей не превышали 10 тыс. руб. [17, с. 231]. В 1892 г. торговый оборот всех чуйских торговцев составил, по данным Онгудайской таможни, 374,9 тыс. руб. [14, л. 9]. Поэтому даже при тех высоких прибылях, которыми славилась торговля с Монголией, купцы не имели таких капиталов, чтобы построить тракт на свои средства.

Также вопреки утверждениям исследователей, «чуйцы» не отказывались внести свой вклад в строительство дороги. Еще в 60-х гг., получив сведения о том, что на чуйскую торговлю было обращено внимание правительства, купцы, по свидетельству Е. Замятнина, «...заранее предположили, когда будет окончательно изыскана дорога и оценено исправление оной, ходатайствовать об отпуске на эти исправления суммы с возвратом, и для пополнения ее учредить в Бийске торговую депутацию со взиманием 1 % с торгового рубля с тем, чтобы $\frac{2}{3}$ этих процентов употреблять в возврат отпущенного капитала, а $\frac{1}{3}$ на ремонт самой дороги» [13, л. 27об].

Намерения «чуйцев» участвовать своими капиталами в строительстве тракта отмечал и техник А. И. Александров. Бийский торговец А. С. Дробинин даже высказывал желание взять подряд на строительные работы, но это предложение, по мнению А. И. Александрова, было «...едва ли основательно, тем более что Дробинин, во-первых, не имеет капитала для такой операции и, во-вторых, он никогда не занимался постройкой». Исходя из этого, Александров считал лучшим вариантом отпуск казной кредита с погашением его в течение достаточно продолжительного периода. Он писал, что «...весьма полезно было бы представить как изыскание дороги, так и исправление оной всему чуйскому торговому сословию, личный интерес которого будет состоять в том, чтобы провести дорогу удобнее, прочнее и дешевле» [12, л. 32об].

Русский торговец среди монголов

Некоторые сдвиги в решении вопроса о строительстве Чуйского тракта наметились в начале 90-х гг. XIX в. В связи с сооружением Транссибирской магистрали встала проблема необходимости подвода к ней разветвленной сети подъездных путей, которые обеспечивали бы ее нужным количеством грузов и тем самым способствовали ее скорейшей окупаемости.

По инициативе министра финансов С. Ю. Витте Комитет Сибирской железной дороги 18 ноября 1893 г. принял решение отпустить в распоряжение томского губернатора 3 тыс. руб. на изыскательские работы и 45 тыс. руб. на строительство колесной дороги до монгольской границы. Сверх этого императорский Кабинет распорядился выделить на строительство из своих средств железо, инструмент, взрывчатые вещества на сумму 3 тыс. руб. [16, с. 36].

В следующем 1894 г. на имя начальника Алтайского округа из Петербурга было отправлено 35 пудов динамита, 200 кругов бикфордова шнура, 7 000 капсюлей, 2 000 электрических запалов, а также приобретенная у фирмы «Людвиг Нобель» электрическая взрывная машина [8, л. 2об, 3].

Для трассирования дороги в Горный Алтай были направлены военный инженер Вараксин и поручик Гольшев, которые должны были составить проект и смету предполагаемых работ. Проведенные изыскательские работы показали, что минимальные затраты на строительство тракта должны были составить не менее 193 тыс., а с устройством более пологих спусков на перевалах — 560 тыс. руб. [11; 2, с. 82]. Ввиду того, что даже минимальная смета значительно превосходила сумму, отпущенную Комите-

том Сибирской железной дороги, начало работ пришлось отложить на неопределенное время. Во всяком случае, как сообщал в мае 1896 г. бийский лесничий, «...работы по устройству колесного пути от селения Онгудай до Кош-Агача в минувшем 1895 г. не производились, а также не производятся и в текущем году» [8, л. 5].

Убедившись, что дополнительных ассигнований на строительство выделено не будет, губернская администрация решила подготовить проект исходя из имеющихся средств. Эта задача была поручена чиновнику Кабинета, заведовавшему строительной и дорожной частью Алтайского округа, горному инженеру И. И. Билью.

Имя горного инженера И. И. Билия сегодня мало о чем говорит даже историкам и краеведам, занимающимся проблемами истории Алтая. Тем не менее в историю края он вошел как строитель первого колесного Чуйского тракта.

Иосиф Иванович Биль родился в 1852 г. в Радомской губернии в семье крестьянина. После окончания горного института в Петербурге с 1879 по 1883 г. работал на уральских заводах. В 1883 г. он подал рапорт с просьбой о переводе его на кабинетские заводы Алтая, где был определен помощником управляющего Зыряновским и Заводским рудниками, а в 1884 г. назначен механиком и одновременно архитектором Алтайского округа.

В связи с попытками перевода кабинетских предприятий на современные технологии выплавки серебра, администрацией Алтайского горного округа были приняты меры по переподготовке кадров для работы в новых условиях. И. И. Биль был командирован за границу для ознакомления с современными приемами ведения рудничного и заводского дела. За 9 месяцев командировки он побывал на горных заводах Германии, Австрии, Бельгии, Франции и Англии. После возвращения на Алтай он руководил разведочными работами на Черепановском серебряном руднике и на каменноугольных копях Оинак-Сор. Судя по его послужному списку, служба протекала в соответствии с принятыми нормами и требованиями. И. И. Биль успешно продвигался по служебной лестнице и в 1898 г. уже имел чин статского советника.

До 1898 г. он исполнял обязанности, соответствовавшие его профессии горного инженера: заведовал Павловским сереброплавильным заводом вплоть до его закрытия в 1893 г., руководил горноразведывательными работами и т. д. 5 августа 1898 г. И. И. Биль был назначен исполнителем поручений по строительной и дорожной части в Алтайском округе. В ноябре 1898 г. он был командирован в Семипалатинск для устройства шоссейной дороги от этого города через Шульбинский бор в Бель-Агачскую степь, где и работал до августа 1900 г. После окончания строительства дороги Семипалатинск — Бель-Агачская степь И. И. Биль по распоряжению томского губернатора Вяземского в сентябре 1900 г. был направлен в Горный Алтай для руководства строительством Чуйского тракта [9, лл. 33–36об].

Ознакомившись с имевшейся документацией, подготовленной А. И. Александровым, И. И. Биль убрал наиболее капиталоемкие работы и упростил технологию их производства. По его подсчетам, стоимость исправления тракта должна была составить 83 тыс. руб., что превышало отпущенный кредит на 45 тыс. руб. [3, с. 73]. На наш взгляд, даже при наличии необходимых средств И. И. Билью вряд ли удалось бы сделать большее, поскольку его опыт дорожного строительства был весьма скромным, а сооружение горных трактов требовало особых знаний и навыков.

«Несомненно, что горная, дикая местность, — писал по этому поводу дореволюционный обозреватель Н. Чмелев, — требовала большой силы и напряженной обдуманной борьбы человека с нею. Вследствие этого человек, идя на эту борьбу, должен был вооружиться, кроме терпения и капитала, еще и знанием... А здесь именно этого-то и не было» [30, с. 90].

Строительные работы на Чуйском тракте начались весной 1901 г. Для производства взрывных работ из Москвы в Горный Алтай была направлена воинская команда 6-й саперной бригады в 30 человек, возглавляемая офицерами Федоровым и Бурхановским. Производство взрывных работ решено было проводить одновременно со стороны Онгудая и со стороны Кош-Агача [33, с. 45–46].

Общее руководство строительством было поручено барнаульскому исправнику Ф. П. Лучшеву, служившему ранее отдельным алтайским заседателем и хорошо знавшему местные условия; техническое руководство — инженеру И. И. Биллю. Подряд на строительные работы по рекомендации купцов-«чуйцев» Н. И. Ассанова, А. Д. Васенева, Г. Г. Бодунова, П. А. Копылова получил торговец из с. Алтайского А. С. Смирнов. Последний привлек на строительство крестьян близлежащих деревень и местное коренное население. Всего в строительный сезон 1901 г. в работе участвовало от 80 до 158 рабочих [3, с. 73; 23, с. 28].

Начало работ породило множество проблем. Прежде всего, сразу же стала ощущаться нехватка средств. Несмотря на то, что еще в мае 1900 г. Министерством императорского двора было отпущено дополнительно 20 тыс. руб., денег не хватало. В декабре того же года последовало распоряжение начальника Алтайского округа об увеличении бесплатного отпуска лесных материалов для нужд строительства [8, л. 7–7об, 11–11об]. Тем не менее реальные расходы оказались больше, чем те, которые предполагались по смете. Кроме того, как сообщал И. И. Биль, «...рабочие предполагали, что они будут иметь дело с обыкновенной землей, разве только с небольшой подмесью камня; между тем в действительности вышло совершенно наоборот: везде камень или щебень, и очень мало такого материала, который привыкли называть землей» [3, с. 75]. Это привело к тому, что одна из партий рабочих покинула строительство. В результате этого, по свидетельству купца-«чуйца» А. Д. Васенева, «подрядчик Смирнов заявил губернатору, что далее он дорогу поведет только согласно сметы, но тогда получится только расширение существующей вьючной тропы, а желаемого колесного пути, т. к. не разработан участок в 90 верст, не получится» [10, л. 231об].

Для продолжения работ подрядчику А. С. Смирнову под давлением уполномоченного по постройке дороги Ф. П. Лучшева пришлось выйти за пределы сметы на 3 тыс. руб. Сообщая об этом Д. А. Клеменцу, А. Д. Васенев писал, что несмотря на все уверения со стороны губернской администрации в том, что «правительство оценит ихние труды» ему (Смирнову. — А.С.) «этот подряд будет стоить минимум 3 000 руб. и плюс два года бесплатных трудов» [20, л. 33–33об]. Бийские купцы обратились к губернатору о дополнительном финансировании строительства, но получили отказ. Также проигнорировали просьбу «чуйцев» и московские фабриканты. Обеспокоенные таким состоянием дел, коммерсанты организовали подписку среди лиц, торговавших в Монголии, и в короткий срок собрали 10 тыс. руб. [20, л. 35–35об]. Это позволило весной 1901 г. возобновить работы, прерванные на перевале Чике-Таман.

Стремясь максимально удешевить строительство, И. И. Биль проводил самые простейшие работы, что, конечно же, не могло не сказаться на качестве построенного дорожного полотна. Еще до окончания всех работ сооруженная дорога «...быстро разрушалась, приходила в негодность, становясь невозможной для экипажной езды и превращаясь в первобытное состояние». Проехавший по тракту весной 1903 г. Ф. П. Лучшев официально доносил томскому губернатору: «При проезде моем от с. Онгудайского до места работ, я нашел колесный путь во многих местах в самом жалком состоянии: каменные барьеры разрушены..., полотно дороги завалено мелким щебнем и порядочной величины камнями, так что проезд несколько затруднителен» [30, с. 85].

Наконец, в середине 1903 г. строительство тракта было завершено на всем протяжении от Онгудая до Кош-Агача. Однако вскоре выяснилось, что тракт весьма далек от совершенства и слабо оправдывал воз-

лагавшиеся на него надежды. Хотя проезд по нему стал безопасным и возможным для движения в экипажах, стоимость провоза грузов, на что рассчитывали предприниматели, уменьшилась незначительно. Если до постройки тракта доставка пуда груза от монгольского города Улясутая до Новониколаевска обходилась в 2 руб. 70 коп., то в 1910 г. она составила в среднем 2 руб. 50 коп. [14, л. 9; 31, с. 59].

Вскоре после окончания работ руководители строительства и, прежде всего инженер И. И. Биль, подверглись серьезной критике в печати. «Причину плохого устройства и не надлежащего направления дороги, — отмечал журнал «Сибирский наблюдатель», — нужно искать и видеть в отсутствии: на постройке дороги сведущего в этом деле лица — инженера-специалиста, который бы, руководя работами, не шел и не прокладывал бы дороги наугад — ощупью, как это делалось теперь, а несомненно, руководствовался бы известными данными науки и опыта, что, конечно, оградило, в известной степени, от тех промахов, которые имеют место теперь» [30, с. 90].

Развернутая критика построенного в 1901–1903 гг. тракта была дана в целом ряде работ, опубликованных уже после 1917 г. Основными недостатками старого Чуйского тракта В. В. Обручев считал неправильную трассировку первой части пути через три

Открытие «Чуйский тракт»

лишних перевала и «техническую убогость самого тракта» [24, с. 128]. Его поддержал Д. Кашинцев, указывая, в частности, на неудачную трассировку пути на перевале Чике-Таман: «Некоторые петли его по северной стороне так круты и мелки (радиусом метра 4), что лошади ползут и падают под напором груженных таратаек...» [21, с. 136]. Говоря о качестве строительных работ, В. Злобин в журнале «Жизнь Сибири» отмечал: «Тракт неоднороден ни по типу полотна, ни по типу искусственных сооружений и, сплошь и рядом, не отвечает самым упрощенным требованиям техники» [19, с. 69].

Как и предполагал купец А. Д. Васенев, подрядчик А. С. Смирнов на строительстве тракта получил серьезные убытки. «Представьте, — писал А. Д. Васенев Д. А. Клеменцу 23 ноября 1904 г. — строителю Чуйского тракта А. С. Смирнову казна отказалась уплатить его перерасход, до 7 000 руб. Вот это действительно несправедливо и жаль Смирнова. Потратив безвозмездно столько труда, он еще должен приплатиться за свою доверчивость к уполномоченному от казны и по настоянию которого затратил свои деньги. Деньги Смирнов может получить теперь только судебным порядком. И все это устроили наши губернаторские канцелярские крысы, под названием советников и проч. Просто возмутительно» [20, л. 38].

Таким образом, построенный в 1901–1903 г. Чуйский тракт не оправдал тех больших надежд, которые на него возлагались. После окончания строительных работ дорога фактически была брошена на произвол судьбы, никаких ремонтных работ на ней не производилось и, как сообщала газета «Жизнь Алтая», «всеразрушающее время, естественно, привело тракт в почти прежнее первобытное состояние» [15].

Между тем растущий интерес к Монголии как к источнику сырья со стороны иностранных держав заставил царское правительство вновь обратиться к проблемам путей сообщения между Россией и Монголией.

В 1911 г. Чуйский тракт был переведен в ведение Министерства путей сообщения. Это возродило надежды бийских капиталистов на коренную реконструкцию дороги. В 1912 г. Бийский биржевой комитет обратился с ходатайством в министерство о безотлагательном исправлении тракта, которое было поддержано губернской администрацией. Бюджетная комиссия Государственной думы нашла это ходатайство заслуживавшим внимания и отпустила 15 тыс. руб. для проведения изыскательских работ в Горном Алтае, которые были проведены летом 1913 г. За счет этой суммы была выполнена топографическая съемка всей существующей дороги от Бийска до Кош-Агача протяжением свыше 500 верст. Анализ собранного материала показал, что направление дороги было выбрано неудачно и что гораздо более выгодно строить тракт по долине реки Катунь, чтобы обойти три трудных перевала.

Чтобы решить проблему выбора направления будущего тракта и составить смету строительства, необходимо было продолжить изыскательские работы в обоих направлениях. Министерство путей сообщения направило в феврале 1914 г. запрос об ассигновании 40 тыс. руб. для производства изысканий на Чуйском тракте [29, л. 131об, 132]. На эти деньги летом 1914 г. в Горный Алтай была направлена экспедиция, которую возглавил известный сибирский писатель В. Я. Шишков, работавший в ведомстве путей сообщения.

Экспедиция, состоявшая из 10 человек, была разделена на две партии. В задачу первой входило продолжение изысканий в старом направлении дороги Бийск — Верх-

Катунское — Старая Белокуриха — Алтайское — Шебалино — Онгудай — Кош-Агач. Это направление называлось «левобережным», а группа изыскателей — «Чуйской». Руководителем группы был назначен техник В. П. Петров.

Вторая группа во главе с В. Я. Бабуриным должна была вести изыскания в направлении Бийск — Майма — Усть-Сема — Эдиган с выходом на левобережное направление в Кор-Кечу [32, с. 18–19].

В целом экспедиция проделала огромную работу по трассировке будущего тракта, но окончательные изыскания были прерваны начавшейся Первой мировой войной. Полученные материалы позволили определить примерную стоимость работ. С постройкой деревянных искусственных сооружений она составила сумму 6 млн 218 тыс. руб., а железобетонных — 7 млн 897 тыс. руб. [32, с. 21].

События революции, Гражданской войны надолго отодвинули проблему строительства Чуйского тракта, и ее решение было осуществлено только при советской власти.

Литература и источники

1. Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азией и Китайскими владениями // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей: сб. ст. и мат-лов. — Томск, 1999.

2. Ба-ов Г. Чуйский торговый путь в Монголию (его настоящее как вьючного пути и будущее как колесного) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Кн. II. — Томск, 1899.

3. Биль И. И. О проведении колесного пути до Кош-Агача по так называемому Чуйскому тракту // Алтайский сборник. Т. 5. — Барнаул, 1903.

4. Брежинский М. А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки ЗСОРГО. Кн. III. — Омск, 1881.

5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. — М., 1986.

6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 81. — Оп. 1. — Д. 6.

7. ГААК. — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 99.

8. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4023.

9. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 597.

10. ГААК. — Ф. 71. — Оп. 1. — Д. 1.

11. ГААК. — Ф. 81. — Оп. 1. — Д. 21.

12. ГААК. — Ф. 81. — Оп. 1. — Д. 79.

13. ГААК. — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 99.

14. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 3. — Д. 5019.

15. Жизнь Алтая. — 1914. — № 58.

16. Журнал Министерства путей сообщения. — Кн. III. — СПб., 1894.

17. Замятнин Е. О торговле бийских купцов с китайцами и монголами на Кош-Агаче в долине реки Чу // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. — Томск, 1871.

18. Зиновьев В. П. Промышленное и транспортное освоение Сибири во второй половине XIX — начале XX в. в советской историографии // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. — Новосибирск, 1988.

19. Злобин В. Чуйский тракт // Жизнь Сибири. — Новониколаевск, 1925. — № 3.
20. Институт восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН). — Ф. 28. — Оп. 2. — Д. 47.
21. Кашинцев Д. Чуйский тракт в Монголию // Новый Восток. — Кн. 8–9. — М., 1925.
22. Маркс К. Капитал. — Т. 1. — М., 1975.
23. Обзор Томской губернии за 1901 год. — Томск, 1902.
24. Обручев В. В. Больше внимания Чуйскому тракту // Новый Восток. — Кн. 8–9. — М., 1925.
25. Принтц А. Торговля русских с китайцами на реке Чуе и поездка в г. Хобдо // Известия ИРГО. — Т. 1, № 1. — СПб., Отд. II.
26. Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 2. — СПб., 1871.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 20. — Оп. 15. — Д. 817.
28. РГИА. — Ф. 20. — Оп. 5. — Д. 199.
29. РГИА. — Ф. 23. — Оп. 8. — Д. 244.
30. Сибирский наблюдатель. — Кн. 1. — Томск, 1904.
31. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. — СПб., 1911. Отд. III.
32. Табаев Д. И. Чуйский тракт. — Горно-Алтайск, 1975.
33. Третьяков В. Н. Русско-монгольская торговля по Чуйскому тракту (1861–1914 гг.) // Вопросы истории Горного Алтая. — Вып. 1. — Горно-Алтайск, 1980.

Н. А. ФРОЛОВ

ГРИГОРИЙ АКИНФОВИЧ ВАРВИНСКИЙ: ТУРИНСКИЙ МЕЩАНИН, КРЕСТЬЯНИН ОНГУДАЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ АЛТАЯ

У известного историка А. В. Старцева, автора первой статьи настоящего сборника, есть работа «Бийские купцы-чуйцы», в которой он называет фамилии И. П. Котельникова, П. А. Копылова, И. Г. Игнатьева, Н. И. Ассанова, А. Д. Васенёва и некоторых других бийских купцов, оставивших свой заметный след в истории русско-монгольской торговли второй половины XIX — начала XX в.

Имя Григория Акинфовича Варвинского, предпринимателя из с. Онгудай, на Чуйском тракте было бы совсем неизвестно, если бы ни сохранился каменный особняк Варвинского в городе Бийске по ул. Советская, 42.

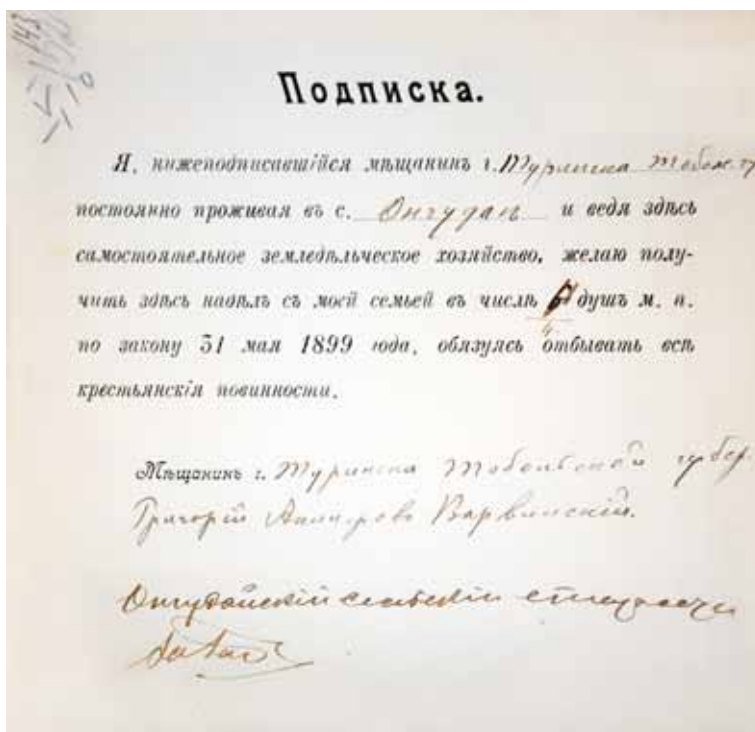
Род Варвинских, скорее всего, корнями уходит в Украину. По крайней мере, в современной Черниговской области существует с 1930 г. Варвинский район с центром в крупном поселке Варва. Фамилия Варвинских расшифровывается как «работник скотобойни». В архивных документах Григорий Акинфович Варвинский не раз упоминается как «туринский мещанин», т. е. выходец из г. Туринска.

Уездный город Тобольской губернии Туринск был основан в 1600 г. как ямская слобода. В XVII–XIX вв. этот городок являлся местом ссылки за тяжкие политические преступления, и здесь находилось огромное здание сибирской пересыльной тюрьмы. В 1868 г. в Тобольской губернии содержалось более 68 тысяч ссыльных. Особой торговой активностью город не отличался. В упомянутом году здесь было 44 купца второй гильдии и 129 мелочных торговцев. Из 76 ежегодных ярмарок Тобольской губернии в Туринском округе проходили только три.

Важнейшее значение г. Туринска в том, что он являлся последним местом остановки на пути из Азии в г. Ирбит, где с 1643 г. в России проводилась вторая после Нижегородской ежегодная ярмарка. В Ирбите встречались товары из Сибири, Китая, Средней Азии, Москвы, Урала и Архангельска. Сюда с конца января по 1 марта ежегодно стекались десятки тысяч торговых людей: немцев, французов, англичан, жителей Китая, Монголии, Персии и, конечно, российских торговцев. Товаров привозилось на 60 млн рублей. Ирбитская ярмарка была ежегодным огромным обменом товаров между Европой и Азией.

Жители г. Туринска, безусловно, были вовлечены в дела ирбитской ярмарки и хорошо владели информацией о состоянии торговли в Сибири и на Алтае в частности. Они слышали, как быстро богатеют торговцы на Алтае, работая с Монголией.

В 1886 г. на Алтай из Туринска переезжает семья мещанина Акинфия Федоровича Варвинского (1845 г. р.), в том числе и сын Григорий Акинфович Варвинский (1870 г. р.).

К моменту переезда Григорий уже успел получить домашнее образование. Местом жительства семья выбрала с. Онгудай (Ангудай) в Горном Алтае.

В некоторых источниках пишут, что селение Онгудай основано в 1626 г. Это не так. Появилось оно в 1857 г. как стан-поселение Алтайской духовной миссии. В списке населенных мест по сведениям 1859 г. здесь было семь дворов, 38 человек населения и православная церковь [1]. К 1877 г. колесный путь по Чуйскому тракту продвинулся от д. Шебалиной (с. Шебалино) до Онгудая, но поселение как будто замерло в развитии.

Проезжая в это время по Чуйскому тракту, Г. Н. Потанин останавливался в Онгуде и писал в 1877 г.: «В Онгуде до сих пор запрещено селиться крестьянам, и вот результат — стан существует 25 лет, а крещенные живут в берестяных шалашах, спят на голой земле и, кроме котла да долбленого ведра, не имеют другой утвари: ни изб, ни скота, ни русской одежды, ни русского языка здесь нет. Позвольте нашему мужику переселиться в Онгудай, и все те, которые теперь записаны в крещенные, в 15 лет обрусуют» [2, с. 112]. Он предвидел, что нарастающее переселенческое движение на Алтай требует от власти решительных действий, которые, действительно, определили дополнительные 26 мест на Алтае для переселенцев. Попало в число этих мест и селение Онгудай.

Инициатором переезда на жительство в Онгудай был, наверное, глава семьи — Акинфий Федорович Варвинский. Он же занимался обустройством семьи и начинал заниматься на новом месте привычным для многих мещан делом — мелкой торговлей. Его сын, Григорий Варвинский, рядом с отцом быстро вникал в торговое дело, проявляя при этом недюжинные способности и задатки будущего предпринимателя.

Неизвестно, как распределялись в семье обязанности по ведению торгового дела, но в журнале генеральной поверки торгово-промышленных предприятий Алтайской волости Бийского округа за 1897 г. записано, что мануфактурная лавка, находящаяся на усадьбе Варвинских в Онгуде, зарегистрирована на Григория Акинфовича Варвинского, а жена его, Анна Дмитриевна, является приказчиком в этой торговой лавке [4, л. 93]. У Акинфия Федоровича в 1889 г. родился сын Федор, к 1898 г. отец уже был вдовцом и являлся формально не первым лицом в семье.

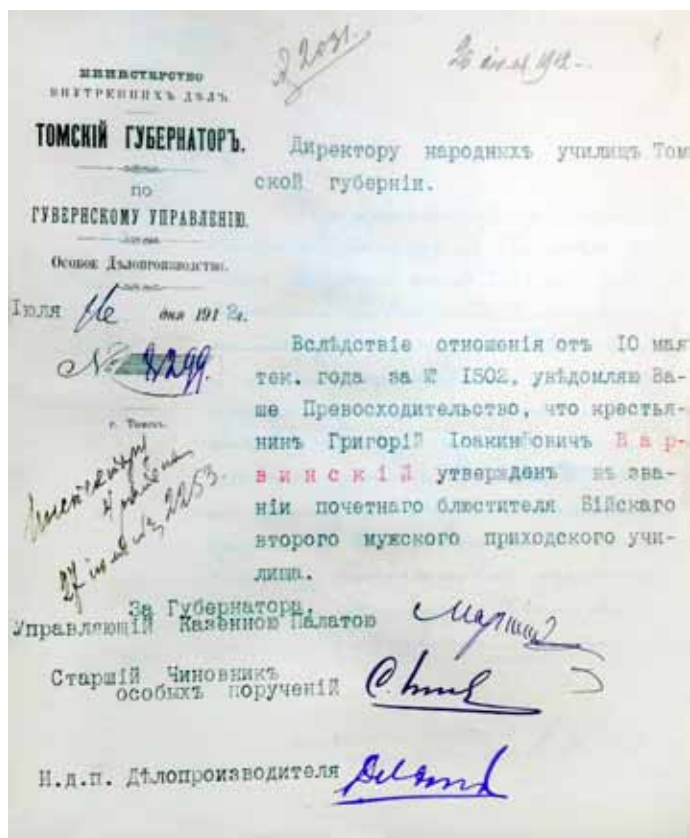
В 1898 г. «разночинцы» — ирбитский мещанин Н. И. Ассанов, крестьянин Сростинской волости А. А. Борзенков, туринский мещанин Г. А. Варвинский в числе прочих «выбирают гильдейские свидетельства» на право торговли в 1898 г. [5, л. 222]. В этом году объем торговли у Григория Акинфовича оценивался в 5 000 руб., размер прибыли составил 500 руб. Это был торговец средней руки в возрасте 28 лет, но при этом это

	дольна <u>Третьяковская</u> конюшня, два сарая, амбары, погреб и баня. III часть, <u>Алтайск. пр. и Чуйский тракт</u>		
Августа 25	<u>Винограду</u> ¹²⁶ <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> III часть, <u>Чуйский пр. и Сибирский тракт</u>	129	26 1/2
Августа 25	<u>Винограду</u> ¹²⁷ <u>Ивану</u> <u>Степанову</u> <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> II часть, <u>Чуйский пр. и Сибирский тракт</u>	130	26 1/2
Августа 28	<u>Винограду</u> ¹²⁸ <u>Ивану</u> <u>Степанову</u> <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> II часть, <u>Чуйский пр. и Сибирский тракт</u>	131	26 1/2
Августа 31	<u>Ивану</u> <u>Степанову</u> ¹²⁹ <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Иванову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> <u>Александрову</u> III часть, <u>Чуйский пр. и Сибирский тракт</u>	132	26 1/2
	Число Гривны <u>Шуваев</u>		
	Городской Секретарь <u>Мещеряков</u>		
	Губернский Секретарь <u>Арсенав</u>		

был человек, быстро набирающий авторитет в своем поселении Онгудай. В 1899 г. он вместе с другими жителями просит власть учредить в Онгудае почту. В конце 1903 г. Г. А. Варвинский обязался письменно сроком на 3 года, начиная с 1904 г., предоставить бесплатно отопление, освещение и помещение для почтового отделения в доме иностранца Степана Кайгина. В 1904 г. почту наконец-то открыли.

В самом начале XX в. торговый оборот Г. А. Варвинского возрастает до 25 000 руб., а прибыль — до 2 500 руб. Для сравнения: известный купец А. Д. Васенев в это время имеет годовой оборот в 116 000 руб., а прибыль — в размере 9 140 руб. [6, л. 1]. Только на одной ярмарке в декабре 1903 г. в Онгудае Г. А. Варвинский выставляет товара на 2 100 руб. и выручает 700 руб. Он становится крупнейшим торговцем Онгудая [7, л. 4].

Григорий Акинфович активно развивает торговлю: в 1903 г. он получает разрешение на торговлю порохом и расширяет свои возможности в скупке пушнины [8, л. 12].

По данным П. М. Юхнева, в 1903 г. «в левобережном районе центрами скупки орехов являются... мещанин Гр. Варвинский (Ангудай)» [9, с. 38].

Не все в торговой деятельности Григория Акинфовича происходит гладко, но в целом авторитет его как в предпринимательской среде, так и среди крестьян Онгудая постоянно растет.

В начале XX в. в Онгудае очень трудно проходила земельная реформа. В июне 1905 г. Онгудайское сельское общество заменило своего доверенного по землеустройству Г. Ф. Черемного, который обществу «показался не благорассудительным», на «вполне человека благонадежного Варвинского Григория Акинфовича» [10, л. 22]. В это же время сам Варвинский пишет заявление на получение земельного надела из расчета шесть душ в семье [11]. Впоследствии от этого надела советская власть оставит этой семье две десятины земли, лошадь, корову и избушку, но это потом...

Семья Варвинских приехала в Онгудай в 1886 г., но селение это, по словам С. П. Швецова, спустя 20 лет еще «с трудом отнимало у Шебалино его бывшее величие» [3]. Имеются в виду возможности оказывать транспортные услуги купцам-чуйцам и населению Горного Алтая.

П. М. Юхнев, занимавшийся в 1897 г. обследованием извоза в Горном Алтае, писал: «За последние годы с общим развитием торговых операций на Чуйском тракте местное население все больше и больше стремится завладеть этим доходным промыс-

лом, хотя наряду с ними не оставляют таких же притязаний и русские "степные" возчики, т. е. живущие в селениях по предгорьям Алтая, как говорят алтайские жители.

Но при постоянной потребности сбыта туземных продуктов, конечно, передвижение их не определяется одним Чуйским трактом, по которому производится собственно обмен русских и китайских товаров. Оно совершается одновременно по целой сети более мелких торговых путей. Направление их, впрочем, везде тяготеет все к тому же культурному пункту этого края — г. Бийску и только отчасти к ст. Чарышской» [9, с. 124].

П. М. Юхнев по итогам обследования сделал вывод, что абсолютное большинство возчиков являются наемными работниками с заработком 10–20 руб. в год.

Оказывается, что нанимал этих работников, как правило, не сам купец, нуждающийся в перевозке груза, а предприниматель-подрядчик, который принимал заказ от фирмы или купца и выполнял его не сам, а путем найма извозчиков [12, с. 169]. Варвинские как хорошие организаторы и предприимчивые люди быстро оценили перспективность и потенциал такого вида заработка и стали им активно заниматься.

После появления в Онгудае в 1891 г. таможни это поселение, по словам П. М. Юхнева, стало играть «огромную роль в жизни Чуйского тракта» [9, с. 125]. Варвинские оказались среди немногих лиц в Горном Алтае, которые смогли успешно и в больших объемах обеспечивать перевозки товаров.

В 1905 г. В. В. Сапожников писал, что в Онгудае есть транспортная контора Варвинского.

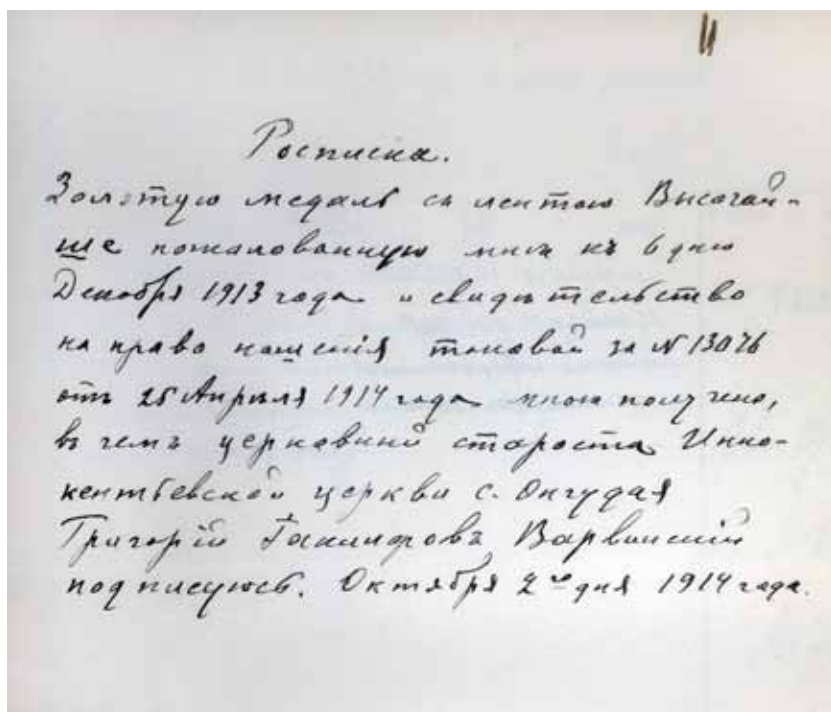
В 1907 г. В. И. Верещагин в своих путевых заметках отмечал: «Жизнь в Онгудае очень дорога. Устройство колесного пути по Чуйскому тракту, проведение телеграфа, транспортирование кладей (в Онгудае есть транспортная контора Варвинского), проезжающие купцы и путешественники (не редко иностранцы) приучили местных жителей к высоким ценам за продукты и труд» [13, с. 20]. Здесь же он добавляет, что и в Кош-Агаче «имеется отделение транспортной конторы Варвинского» [13, с. 39].

В 1910 г. транспортная контора Г. А. Варвинского осуществляла значительную часть перевозок в Монголию. Объем этих перевозок был очень большим и постоянно возрастал. Только с июля 1891 г. по конец 1897 г. через Онгудайскую таможню прошло товара (ввоз и вывоз) почти на 4 млн руб.: 364 600 пудов товара и 750 пудов серебра. Для перевозки указанного было сделано более 67 000 «ходов», но существовали еще и достаточно большие внутренние перевозки [3, с. 1].

Можно предполагать, что оказание транспортных услуг из Онгудая, который, по словам С. П. Швецова, к концу XIX в. «стал во многих отношениях центром Горного Алтая», стало для семьи Г. А. Варвинского основным источником постоянного дохода. Не зря он после 1917 г. никак не упоминает об этом виде своей деятельности.

Как ни выгодно было перевозить и продавать «чужой» товар, еще выгоднее сбывать свой товар, особенно если он обладает высокой доходностью и устойчивым спросом.

Еще до приезда Варвинских в Онгудай в записках ЗСО ИРГО в 1880 г. отмечалось: «Среди скотоводства в Алтае начинает играть также видную роль и разведение маралов. Выгоды, получаемые от домашнего марала, весьма значительны при умении держать и разводить это животное. Марал стоит в Алтае от 30 до 50 руб., самка от 25 до 30 руб., между тем рога марала, продаваемые в Китай, дают огромные барыши, они доходят от 10 до 70 руб. на месте и в Китае продаются за 25 и 75 ланов, т. е. до 200 руб.» [14, с. 91].

Фотографический снимок в маральнике на Алтае

Мог ли Г. А. Варвинский не заметить этого, когда рядом в Шебалино активно строили маральники А. С. Попов и его земляки, когда в Онгудае уже имел собственный маральник бийский купец И. П. Котельников, когда на маральи рога у китайских купцов в Монголии можно было с большой выгодой приобрести любой товар.

В 1902 г. газета «Сибирская жизнь» в статье «Мараловодство в Горном Алтае» писала: «Главными скупщиками маральих рогов на месте их пребывания — в Горном Алтае — являются отчасти сами мараловоды — Попов (д. Шебалино), Варвинский (с. Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие меновую торговлю с Монголией». Здесь же отмечается, что Варвинский, Попов, Шадрин (с. Мьюта) составили себе от маральников «весьма приличное состояние для крестьянского быта» [15]. В подтверждение этого приведем пример из сведений Онгудайской таможни за 1899 г. В этом году через таможню Г. А. Варвинский вывез два пуда маральих рогов на 1 000 руб. и ввез кирпичного чая на 2 984 руб. [16, л. 12].

Таким образом, Г. А. Варвинский в самом начале XX в. не только торговал с Монголией пантами, но даже имел собственный маральник. Известно, что маральник (40 голов) был у него в совместной собственности с Макаровым. Возможно, это был владелец знаменитого в Бийске ресторана Макаров.

К 1910 г. предприниматель Г. А. Варвинский был уже хорошо известен не только в Горном Алтае. С ним активно сотрудничали бийские купцы.

В это время Варвинские приняли решение о строительстве особняка в г. Бийске, так как помимо деловых интересов у них были планы по обучению здесь в гимназии подрастающих детей. В августе 1910 г. Бийская городская управа разрешила построить «жене туринского мещанина Анне Дмитриевне Варвинской каменный двухэтажный дом, деревянный флигель и брандмауэр» [17, л. 1]. В списке лиц, владеющих в Бийске собственностью, за 1912 г. значится сам Г. А. Варвинский с собственностью в 3 500 руб., постоянно проживающий в Онгудае [18, л. 46]. Однако в списке домовладельцев г. Бийска за 1916 г. записана А. Д. Варвинская со следующим имуществом: «двухэтажный каменный дом, двухэтажный флигель и надворные постройки». Средняя валовая доходность этого имущества оценена в 1 620 руб., но часть его облагалась как сдаваемое в наем, а часть — как жилое помещение [19, л. 26об].

Варвинские с 1913 г. поселились на 2-м этаже дома по ул. Большой. Их сын Петр поступил учиться в Бийское училище. Сам Григорий Акинфович основное время продолжает проводить в Онгудае. При этом он находит возможность активно сотрудничать с Бийским мужским приходским училищем, и еще до начала учебы сына Бийская городская Дума 24 февраля 1912 г. избрала Григория Акинфовича почетным блюстителем этого училища, а в мае 1912 г. Томский губернатор утвердил это решение. В этих документах Г. А. Варвинский является крестьянином из Онгудая с «постоянным местопребыванием в г. Бийске» [20]. Он также делает пожертвования в пользу общества попечения о начальном образовании. В 1917 г. он значится в числе жертвователей средств на создание в г. Бийске «Учительского дома». Некоторые краеведы сообщают, что у Варвинских в Бийске была хорошая библиотека.

Григорий Акинфович был православным, глубоко верующим человеком. Еще до переезда Варвинских в Онгудай здесь на деньги бийского купца Алексея Викуловича Соколова была построена Успенская (ныне Святотроицкая) церковь, восстановленная в 1995 г.

В 1908 г. в Онгудае была построена новая Иннокентьевская церковь стоимостью 20 000 руб., из которых 5 000 руб. пожертвовал лично Г. Варвинский. Он стал церковным старостой еще до начала строительства храма и был им постоянно три срока по три года. Очередной раз его утвердили в этой должности в 1913 г. [21, с. 101–102]. Церковным старостой из мирян мог быть избран прихожанин, отличающийся своим благочестием, преданностью церкви, ответственно относящийся к нравственному порядку прихода и его материальному благополучию, так как он ведал хозяйством церковной общины.

В декабре 1912 г. священник Константин Соколов написал рапорт с просьбой о награждении старосты Иннокентьевской церкви Г. А. Варвинского, крестьянина с. Онгудай, по духовному ведомству серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди, и в декабре 1913 г. его наградили золотой нагрудной медалью на Анненской ленте [22].

Находясь в Онгудае во главе транспортной конторы, Г. А. Варвинский объективно был хорошо знаком с большинством исследователей Алтая того времени. По информации историка А. В. Старцева, Григорий Акинфович, например, имел переписку с известным сибирским этнографом Д. Клеменсом. В статье В. Е. Гарутта «Изучение и разведение дикой лошади Пржевальского» (Зооинститут АН СССР, Ленинград) Варвинский упоминается как житель Онгудая, помогавший доставить шкуры дикой лошади из Монголии по заказу профессора Томского университета Н. Ф. Кашенко в университетский музей [23].

Первая мировая война 1914 г. резко снизила объемы торговли на Чуйском тракте, а революция 1917 г. принципиально изменила жизнь семьи Варвинских.

Во-первых, практически до нуля сокращается коммерческая деятельность Григория Акинфовича. На 01.01.1918 он вместо мануфактурной лавки в Онгудае показывает товарную кладовую [24, л. 34об].

Во-вторых, на него ложится бремя выбора — ему нужно было определиться, на чьей стороне быть в начавшейся Гражданской войне, и он не стал отсиживаться и прятаться, как многие. Вот что зафиксировано в материалах выездной сессии Алтайского губернского революционного трибунала 12 мая 1922 г.: «Следственным производством и опросами на суде обвиняемого установлено: весною 1918 г. после падения советской власти в Сибири гражданин Варвинский совместно с другими односельчанами в с. Онгудай организовал временный комитет, вызвал отряд белогвардейца Сатунина, которому предал сторонников советской власти. Этот же Сатунин был встречен Варвинским хлебом-солью. В 1919 г. во время партизанского движения Варвинский совместно с другими деревенскими кулаками вызвал карательный отряд Кайгородова, причем предал ему партизан и производил распределение оружия между мобилизованными Кайгородовым. При наступлении партизан Варвинский из с. Онгудай бежал, что не отрицает» [25]. Руководитель партизанского движения на Алтае в 1919 г. И. Я. Третьяк также сообщает: «Алтайским "патриотам" помогали осевшие в Горном Алтае кучки русских купцов, как то: в Онгудае — Варвинские, в Шебалине — Поповы, в Алтайске — Драчев, Смирнов и другие. Впоследствии большинство из них бежало в Монголию» [26, с. 65].

Г. А. Варвинский не сбежал в Монголию, а остался в п. Чибит. В конце 1919 г. у него в Онгудае конфисковали два двухэтажных дома и надворные постройки. Там разместили вначале Онгудайскую лечебницу, а затем аймакисполком.

В 1922 г. заведование Онгудайским врачом участком принял Б. Шипковский. Он докладывал на коллегии Ойротского областного отдела здравоохранения 01.11.1922: «Онгудайская лечебница находится в с. Онгудай в доме Варвинского. Здание, занимаемое лечебницей, 2-этажное, деревянное, крытое железом, состоящее из пяти комнат со следующими надворными постройками: 4 амбара, флигель, баня. Участок — 1/2 десятины».

Самого Г. А. Варвинского в это время нет в Онгудае. Он уже два года как сидит в «домзаке» г. Бийска и ждет суда за участие в борьбе против советской власти на стороне колчаковцев. Только 12 мая 1922 г. его приговаривают к заключению на три года, но с учетом отсиженного в тюрьме амнистируют. Дело рассматривал Алтайский губернский ревтрибунал в г. Бийске.

С 1923 г. Григорий Акинфович работает в системе советской торговли. По архивным документам, 30 сентября 1923 г. он, являясь «транспортёром» Кош-Агачского заготпункта «Монголгосторга», скупает панты у мараловодов Шадрина, Фоминых, Манджина. Через него проходит большинство закупочных операций в этой организации [27, л. 10, 21, 22, 45].

Уполномоченный НКВД Иванов 22.01.1924 обнаруживает, что «в Монголии во главе "Монголгосторга" находится бывший "кара-корумец" Варвинский и сообщает об этом в секретном докладе "О состоянии Кобдосского рынка в Монголии" начальнику отдела ОГПУ» [28]. Видимо, по результатам этого доклада Г. А. Варвинского перевели работать заведующим Онгудайским заготовительным пунктом «Монголгосторга», и одновременно ОГПУ начало проверку о злоупотреблениях Григория Акинфовича при закупке пантов. В его жилом помещении 02.04.1924 провели обыск, а 08.04.1924 поместили в «домзак» г. Улалы. В начале июля его выпустили под гарантийные обязательства двух лиц, разрешили работать, но уголовное дело продолжали расследовать. В этом же году его лишили избирательных прав. В 1925 г. на Г. А. Варвинского завели еще одно уголовное дело «за сопротивление властям», так как он отказался отдать кошёвку начальнику Онгудайской милиции по незаконному решению аймакисполкома. Ему назначили три месяца наказания, но дело отменила вышестоящая инстанция [29].

С 01.10.1925 по 15.04.1926 Г. А. Варвинский работает пушником-сырьевщиком в Ойротской окружной конторе Сибгосторга, затем переводится в г. Улалу товароведом в Монгольскую контору «Сибгосторга» «на постоянную службу». Здесь его характеризуют «честным и опытным» специалистом. В 1927 г. у семьи Варвинских в Онгудае имеются избушка, две десятины посева, лошадь и корова.

С 11.11.1927 по 20.01.1928 Григорий Акинфович служит товароведом в Ойротской конторе «Госторга». Наконец, 20.01.1928 Ойротский областной суд закончил рассмотрение дела о злоупотреблениях Г. А. Варвинского и приговорил его к одному году и шести месяцам строгой изоляции, но с вычетом нахождения его в следственном изоляторе оставил год и один месяц содержания под стражей. Позднее, 22 мая 1928 г., Кассационная коллегия по уголовным делам РСФСР снизила наказание с 1 года 6 ме-

СИБГОСТОРГ

СИБ ИР С К Р Д Е В О Е

ОТДЕЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНОЙ ТОРГОВОЙ КОНТОРЫ

„СИБГОСТОРГ“

Новосибирск, Советский, 11-а. Телефонный адрес: 11-111.

№ Заяв. № _____ от _____

№ подл. № _____ от _____

ВОПРОС: _____ Ответ ожидается к _____

11-111 1926 г. № 25-138
Индекс 506.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е .

Предъявитель сего, **ВАРВИНСКИЙ Григорий Анисимович**, действительно состоит на службе в Сибгосторге в должности **товароведа-пушника-сырьевника** Монгольской Конторы.

Действительно по 1-е Сентября 1926 года.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ / **СТЕНАКОВ** /
ЗАВЕДУЮЩИЙ ЧАСТЬЮ ЛИЧНОГО СОСТАВА / **И. КРАСИЛЬНИКОВ** /

Телефонный адрес: Новосибирск - СИБГОСТОРГ

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

КС.С.Р.
1927 г.
ОБРАТСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ КОНТОРА
СИБГОСТОРГА

Предъявитель сего, гр-н **ВАРВИНСКИЙ Григорий Моникович**, состоял на службе в Обротской Облконторе Сибгосторга, в должности **пушника-сырьевника**, к своим обязанностям относился всегда добросовестно и аккуратно и с полным знанием дела, а потому, Контора с своей стороны рекомендует его как честного и опытного по названной специальности работника.

Состоял на службе с 7 Октября 1925 г. по 15-е Апреля 1926 года.

Вышеизложенное подписано и приложением печати удостоверяется. -

Зав. Конторой (Толмачев) **Толмачев**

Секретарь (Осетовский) **Осетовский**

копия

Дело № 21722 1928 г.

230

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Кассационная Коллегия по Уголовным Делах Верховного Суда
Р. С. Ф. С. Р.

состав: *22/10.08.28*

Председательствующего КИСЕЛЕВА,
и Членов: ГЕОРГИЕВОЙ и ЗЛОВИНА

рассмотрен в заседании от 8 мая 1928 г. кассационную

дело гр. гр. ВАРВИНСКОГО Григория

по приговору Ойратского Облсуда

от 20 января 1928 г. по делу

гр-на ВАРВИНСКОГО Григория, обвин. по ст. 1 час. 109
с применением 51 ст. УК и 120 ст. УК приговоренного
к лишению свободы на один год и шесть месяцев.

и заключение пом. _____ прокурора Верховного Суда Р. С. Ф. С. Р. по
Кассационной Коллегии по уголовным делам ТАГЕРА

О П Р Е Д Е Л И Л А:

Приговор оставить в силе. Ввиду нецелесообразности
длительной изоляции Варвинского от общества, ввиду
давности совершенного преступления /1923 год/, в порядке
ст. 437 УПК, понизить ему срок лишения свободы до
шести месяцев без строгой изоляции и, в силу амнистии
к десятой годовщине Октябрьской Революции, от отбытия
таковой Варвинского освободить.

сяцев до 6 месяцев и амнистировала его в связи с 10-летней годовщиной советской власти [29].

Из справки ойротского финансового отдела от 19.01.1928 известно, что в начале этого года у Варвинских было в хозяйстве две десятины посева, одна пчелосемья, пять голов крупного рогатого скота, две лошади, семь овец на четыре едока в семье [29].

В начале 1930 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, обязывающее выселить из Ойротской автономной области 300 семей «кулацко-барского элемента». Уже 20 февраля 1930 г. на заседании бюро Ойротского обкома ВКП(б) было доложено органами ОГПУ, что из Ойротии к этому времени успели выселить 236 семей «кулаков II категории»: 1 187 человек, в том числе 544 ребенка до 18 лет [30, л. 56].

По именному списку кулаков и их семей в 1931 г. из Онгудайского аймака были в числе других высланы за пределы Ойротии Г. А. Варвинский с двумя сыновьями.

О ближайших родственниках Г. А. Варвинского известно немного. Родители его, скорее всего, похоронены в с. Онгудай. О судьбе жены Анны Дмитриевны никаких данных пока не найдено. Младший брат, Федор Акинфович Варвинский, по материалам переписи 1917 г., в возрасте 28 лет работал почтовым чиновником в с. Верх-Ануйское. Вместе с ним и женой Анной в семье проживал 5-летний сын Константин.

Старшая дочь Григория Акинфовича, Елена (1897 г. р.), навещала его в 1924 г. в тюрьме под фамилией Елена Зеченко. Больше ничего о ней не известно. Из посемейного списка на 01.01.1902 мы знаем, что у Варвинских были сыновья — Павел (1889 г. р.), Михаил (1902 г. р.) и Петр (1903 г. р.). О Павле и Михаиле ничего не известно.

В Государственном архиве Республики Алтай хранится личное дело Петра Григорьевича Варвинского, сына Г. А. Варвинского [31]. В своей автобиографии он сообщает, что является сыном «крестьянина села Онгудай, который наряду с сельским хозяйством занимался в селе торговлей».

Петр родился в 1903 г. В 1919 г. окончил 6 классов гимназии. Затем он работал корреспондентом народного суда в Онгудаяе, делопроизводителем в милиции, счетоводом в заготовительном пункте Онгудая, волорганизатором РКСМ. В мае 1925 г. окончил курсы секретарей РКов в совпартшколе. В 1926–1927 гг. в Москве окончил бухгалтерские курсы и с конца 1927 г. работал бухгалтером и старшим бухгалтером Ойротского земельного управления (ОЗУ). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Из уголовного дела следует, что у Г. А. Варвинского был еще младший сын Николай, однако о нем также ничего не известно. В музее г. Бийска есть информация, что кто-то из Варвинских сейчас проживает в Новосибирске, но найти их пока не удалось.

Недавно ушедший от нас, к глубокому сожалению, доктор исторических наук, профессор А. В. Старцев, соавтор этого сборника, подчеркивал в своих работах, что в экономической жизни государства центральное место принадлежит человеку, от энергии и таланта которого зависят результаты тех или иных хозяйственных действий. Не будь таких людей, не будет и предпринимательства, какими бы выгодными ни были внешние условия его существования.

История Григория Акинфовича Варвинского и его семьи — это горький упрек тем, кто бездумно и безжалостно проводил эксперименты над нашей страной, но это одновременно и урок ныне живущим — без поиска и поддержки новых Варвинских, Копыловых, Осиповых, Морозовых, Васеневых, Асановых нам ни Россию, ни родной Алтай не обустроить.

Литература и источники

1. Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1868.
2. Потанин Г. Н. Письма. — Иркутск, 1989. — Т. 3.
3. Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. — Барнаул, 1898.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 28.
5. ГААК. — Ф. 192. — Оп. 1. — Д. 17.
6. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 83.
7. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 127.
8. ГААК. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 197.
9. Юхнев П. М. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Горного Алтая. Вып. II. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. — Барнаул, 1903.
10. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). — Ф. Д-5. — Оп. 1. — Д. 21.
11. ГАСПД РА. — Ф. Д-5. — Оп. 1. — Д. 21.
12. Потапов Л. Н. Очерк истории Ойротии. — Новосибирск, 1933.
13. Алтайский сборник / Издание Алтайского отделения ЗСО ИРГО. Т. IX. — Барнаул, 1908.
14. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. III. — Омск, 1880.
15. Газета «Сибирская жизнь». — 1902. — № 204.
16. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 59.
17. ГААК. — Ф. 174. — Оп. 1. — Д. 304.
18. ГААК. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 299.
19. ГААК. — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 5.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 100. — Оп. 1. — Д. 349.
21. Томские епархиальные ведомости. — 1913. — № 4.
22. ГАТО. — Ф. 70. — Оп. 7. — Д. 575.
23. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки, фонды.
24. ГААК. — Ф. 225. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 34об.
25. ГАСПД РА. — Ф. 194. — Оп. 1. — Д. 649.
26. Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае. 1919 г. — Новосибирск, 1933.
27. ГАСПД РА. — Ф. 21. — Оп. 3. — Д. 1.
28. ГААК. — Ф. Р-1981(Личный фонд Н. А. Фролова).
29. ГАСПД РА. — Ф. 194, Оп.1., Д.387
30. ГАСПД РА. — Ф. 42. — Оп. 1л. — Д. 150.
31. Газета «Алтай». — 1913. — 25 авг. (№ 187).

Л. Н. Новикова

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ БИЙСКА НАЧАЛА XX ВЕКА — ДОМ Г. А. ВАРВИНСКОГО

Двухэтажное кирпичное здание дореволюционной постройки с вывеской на фасаде «Музей Чуйского тракта» встречает каждого, кто прибывает в Бийск по коммунальному мосту. Этот нарядный особнячок с фигурными фронтонами на фасадах был построен Г. А. Варвинским в 1911 г. Какое-то время он служил в качестве доходного дома, а после революции неоднократно менял свое назначение и формы эксплуатации. В 1918 г. здесь размещалось представительство английского акционерного общества «Сибунион», в 1919–1921 гг. — военная комендатура, в 1921–1925 гг. — детский дом имени Красного Октября. С октября 1926 г. и до настоящего времени в доме Варвинского расположился Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. С 1991 г. после переезда музея в особняк купца Н. И. Асанова в здании остался один из пяти его отделов — отдел природы, который в 2010 г. после открытия новых экспозиций был переименован в музей Чуйского тракта.

За свое более чем вековое существование фасады здания не подвергались серьезным переделкам, и в настоящее время его внешний облик сохранился в своем первоначальном виде. В решении фасадов здания, как и в других памятниках гражданской архитектуры Бийска, построенных в начале XX в., прослеживаются особенности так называемых «русских» стилей, иногда дополненных элементами модерна. Исключительно популярным на рубеже XIX–XX вв. был псевдорусский стиль, который опирался на наследие отечественной архитектуры XVI–XVII вв., с характерным для нее тяготением к декоративному «узорочью».

«Русские» стилиевые направления, псевдорусский и неорусский, в зодчестве России последней трети XIX в. были рождены патриотическим стремлением российского общества иметь собственную самобытную национальную архитектуру. На их развитие и популярность активно влияла демократически настроенная интеллигенция — известные общественные деятели, историки, писатели, ученые, для которых интерес ко всему русскому связывался с неприятием Западной Европы как образца для России. Российскому купечеству также была близка древнерусская архитектура XVI–XVII вв. с ее обильной фасадной декорацией. Эти настроения способствовали притягательности «русских» стилей, особенно псевдорусского, и их широкому распространению в архитектуре столичных, губернских и уездных городов России на рубеже XIX–XX вв. Яркое представление об особенностях развитого и последовательного псевдорусского стиля дают знаменитые произведения архитектурного искусства в Москве, такие как Государственный исторический музей (О. Шервуд) и Верхние торговые ряды — ныне здание ГУМа (А. Померанцев) на Красной площади, Казанский вокзал (А. Щусев).

«Знаки» псевдорусского стиля, преимущественно закрепленные в фасадном декоре зданий, были особенно привлекательны для бийского купечества с его растущим богатством и самосознанием, социальными претензиями и амбициями. Канонизированные формы стиля в декоративном решении плоскостей стен и крыш зданий сложились к концу XIX в. Эти формы используются в архитектуре старого Бийска и в частности в фасадном декоре описываемого нами дома. В гражданской архитектуре Бийска начала XX в. просматриваются общие черты: камерный (за редким исключением) масштаб здания, замкнутый тип объемной композиции, насыщенность декором фасадов и неравномерное распределение его по всему массиву здания, обнажение кирпичной кладки. Эти качества присущи и дому Варвинского.

Дом Варвинского расположен по адресу: ул. Советская, 42. Это кирпичное двухэтажное здание с шестью фигурными фронтонами: тремя — на южном фасаде, двумя — на восточном и одним — на юго-восточном углу, над бывшим парадным входом. Юго-восточный, «срезанный» широкой плоскостью угол венчает башня со шпилем. Объемно-пространственная композиция прямоугольного в плане здания проста — это цельный компактный замкнутый массив. Южный фасад обращен к реке, к мосту, восточный — к улице Советской, западный и северный выходят к переулку Коммунарскому. На углах южного и восточного фасадов — входы в здание под железными декоративными козырьками. К западной стене примыкает пристройка с открытым балконом во втором ярусе, оформляющая вход в музей для посетителей. Здание имеет довольно обширное подвальное помещение, обозначенное на северном и восточном фасадах низкими арочными проемами под железными навесами. В настоящее время подвалы очищены от многолетних наслоений мусора, в их помещениях проведены реставрационные работы и создана новая экспозиция в виде открытого хранения палеонтологической коллекции.

Нарядность и своеобразие дому Варвинского придает богатый кирпичный декор, размещенный, согласно требованиям стиля, на его фасадах. Обильно декорирован главный южный фасад, обращенный к реке. Чуть более скромно вследствие меньшего размера украшен восточный фасад. Совсем лишены кирпичного декора северный и западный фасады. Возможно, к ним примыкали двор, конюшня, сараи или другие хозяйственные постройки. Объемная композиция здания, таким образом, носит фронтальный характер.

Лицевой фасад, определяющий первое впечатление при восприятии здания, насыщен декором по всей своей высоте и ширине, от цоколя до фигурных фронтонов на крыше. Стена словно разрыхлена кирпичными узорами, от нее по существу остались только узкие полоски простенков между окнами. Но крупные окна и их обрамления в виде плоских лопаток и пологих дуг наличников как бы напоминают о стене, «восстанавливают» ее плоскость. Отчетливо выступая над поверхностью стены, вертикальные лопатки и гладкие арочные завершения простенков также подчеркивают значение стены и предлагают зрителю мысленно восстановить ее плоскость. Здесь мы видим точный расчет, выверенность каждой детали, позволяющей визуальнo сохранить массив стены при крупных оконных проемах и обилии декоративных форм.

Очевидно, что форма и особенно обрамление окон имеют большое значение в убранстве фасадов. Оформление оконных проемов было важнейшей заботой русских

Особняк Варвинского. 1932 г. Из фондов БКМ.

зодчих во все времена. В нашем случае проемы окон имеют точную геометрическую, традиционно вертикальную форму. Окна арочные, но арки пологие, с едва заметной кривизной. Окна на лицевом и восточном фасадах одинаковы по формам и размерам, но за счет оформления в их восприятии нет однообразия. Оконные проемы справа и слева от центральных окон объединены попарно невысокими плоскими выступами арочной формы в нижнем ярусе и треугольными выступами — в верхнем. Боковые окна украшены нарядными наличниками сложной профилировки. В нижнем ярусе наверх боковых окон имеют вид «разорванных» фронтонов с круглыми выступами, так называемыми «бусинами» — любимый мотив наличников в русской архитектуре XVII в. Нарядность боковым окнам второго яруса придают перспективные (т. е. уходящие ступеньками вглубь массива стены) арочки над ними.

В конструктивном и декоративном решении лицевого фасада господствует строгая симметрия. Центральная ось, образованная окнами нижнего и верхнего ярусов, подчеркнута их более затейливым оформлением и фронтоном, более крупным по масштабу, чем боковые. Особенно эффектно оформлено центральное окно второго яруса. На вертикальные лопатки, обрамляющие оконный проем, наложены квадратные, треугольные, ромбовидные выступы с бусинами и гранями четкого графического рисунка, образующие густую светотень. Это самые крупные вертикальные членения на главном фасаде. Усиливает центральное положение окна его завершение в виде ступенчатых арок, входящих в область карниза. Эти перспективные арочки напоминают излюбленные в русском зодчестве конца XVII в. мотивы так называемых «раковин», вернее,

представляют их имитацию в кирпичной кладке. Центральное окно нижнего яруса оформлено проще. Здесь мы видим вертикальные полосы-лопатки из прямоугольных выступов с неглубокими нишами, переходящими от оконного проема к цоколю. Все элементы композиции фасада распределены равномерно, симметрично, практически зеркально по отношению к главной оси. Боковые окна фасада выделены вертикальными рядами прямоугольных выступов, перспективными арочными углублениями и фигурными фронтонами.

Граница между нижним и верхним этажами обозначена невысоким карнизом в виде широкого плоского пояса. Междуетажный карниз оформлен очень просто: неглубокими прямоугольными нишами и рядами горизонтальных профилей, чуть выступающих над плоскостью стены. Разделяющий этажи карниз охватывает весь массив здания, за исключением части стены западного фасада, примыкающей к входу для посетителей музея.

Немаловажный момент в создании художественного облика здания — венчающий его раскрепованный (т. е. с перерывами в горизонтальном движении) карниз. Сильно выдвинутый от стены карниз поддерживают ряды фигурных консолей в виде кирпичей, поставленных уступами, уменьшающимися в порядке сверху вниз. Подобные мотивы кирпичного декора в древнерусской архитектуре получили название «городков». В данном случае консоли-городки служат для конструктивной и зрительной связи карниза со стеной. Городки чередуются с перспективными арочными нишками. Простой и красивый мотив, основанный на различных способах кладки кирпича, создает богатые светотеневые эффекты на фасадах и замечательно обогащает архитектурный образ здания. Здесь карниз, венчающий здание, не только имеет утилитарное значение — защиту стен от влаги, но и служит его нарядной пластической декорацией.

Важнейшим элементом выразительности архитектурно-художественного облика здания являются фигурные фронтоны на южном и восточном фасадах. Общий облик фронтонов определяется сложной тонкой профилировкой образующих их форм, разнообразием рельефной узорчатой кладки, контрастами размеров, чередованием прямых и изогнутых линий силуэтов. Четкий жесткий рисунок форм, ясность контуров и членений позволяют легко «прочитать» довольно дробные, измельченные объемы на крыше двухэтажного дома. В декоративном решении фронтонов мы находим легко узнаваемые старорусские мотивы: завитки-волнуы, бусины, треугольные и полукруглые выступы и углубления, сухарики, лопатки, тонко прорисованные профили карнизов. Общая живописная группировка тщательно отделанных деталей и форм напоминает об архитектурном «узорочье», которое так любили русские строители прошлых веков. В общих пирамидальных силуэтах фронтонов как бы «успокаиваются», находят завершение все вертикальные и горизонтальные линии фасадной кирпичной кладки.

Основной прием в оформлении плоскости стен южного и восточного фасадов, определяющий их художественные достоинства, — ритмическая организация вертикальных и горизонтальных членений, их соразмерность и соподчиненность. В четкой и ясной системе вертикалей используется простейший вид ритма — метрический порядок, который проявляется в одинаковых размерах окон, простенков, декоративных деталей. Важное место в организации вертикальных ритмов принадлежит оконным проемам. Выразительность ритмическому ряду окон придает утяжеленная часть бо-

ковых оконных проемов за счет обрамляющих их массивных лопаток, перспективных арок, переходящих в фигурные фронтоны. Широкие вертикальные лопатки, состоящие из квадратных выступов, акцентируют боковые и центральные окна, повторяются в плоских выступах простенков между ними. Арочным навершиям окон соответствуют арочные проемы фронтонов, треугольным завершениям простенков второго яруса отвечают заостренные формы декора и силуэтов завершающих здание фронтонов. Можно еще и еще приводить примеры вертикальных повторов в композиции лицевого и восточного фасадов, но важно то, что все вертикали не только вносят порядок в их общую сложную декорацию, но и «поднимают» вверх в целом довольно приземленный массив здания.

Вертикальным членениям фасадов противопоставлены спокойные горизонтальные тяги. В отличие от вертикалей, «работающих» только на двух фасадах, горизонтальным ритмам подчинен весь внешний объем здания. В круг горизонтальных ритмов входят: гладкая полоса цоколя, междуэтажный пояс с прямоугольными неглубокими нишами, мощный, сильно выступающий вперед карниз, ажурная лента парапета. Детали основных горизонтальных поясов находят многочисленные отклики в формах декорации фасадов.

Восточный фасад — короткая сторона в прямоугольной планировке здания — организован и насыщен декором, как и лицевой. Различие лишь в числе окон (пять вместо семи) и фронтонов (два вместо трех).

Все вертикальные и горизонтальные членения на фасадах отчетливо выявлены, упорядочены и уравновешены. Например, вертикальные выступы, обрамляющие боковые и центральные окна, соразмерны мощному карнизу и фронтонам по густоте и богатству светотени, которую они создают. Главная задача строителей — организовать пропорционально разделенную и пластически обработанную поверхность двух важных в эстетическом плане фасадов — решена умело, на высоком профессиональном уровне.

Самая эффектная и зрелищная часть, главный опорный узел здания, где сконцентрирован его архитектурный декор, — скошенный угол южного и восточного фасадов. Боковые части разукрашенных кирпичными узорами фасадов здесь как бы «срезаны» широкой плоскостью по всей высоте здания. В нижнем ярусе образовавшей стенки располагался парадный вход в здание, нынче заложенный кирпичом. В верхнем ярусе — окно с затейливым навершием, достигающим до линии карниза. Над карнизом — фигурный фронтон во всю ширину угловой плоскости. Еще выше — башня с ажурным шпилем. Оформляющие дверной проем лопатки с нишами в первом ярусе начинаются от цоколя, продолжаются во втором ярусе и доходят до карниза. Обильно украшенные дверной и оконный проемы, группа фронтонов и увенчивающая скошенный угол башня подчеркивают главную роль парадного входа во всей объемно-пространственной структуре здания.

Стену с парадным входом завершает широкий фигурный фронтон с глубоким арочным проемом в центре. Справа и слева к нему примыкают фронтоны южного и восточного фасадов. Три фронтона, образующие сложную по силуэту живописную группу, воспринимаются снизу и со стороны улицы Советской как основание для ступенчатой башни, словно вырастающей из их дробных, громоздящихся друг на друга объемов. В конструктивном и декоративном решении угловой башни мы видим неповторимо-

индивидуальное осмысление излюбленных мотивов древнерусского зодчества XVI–XVII вв. Вся композиция башни — свободная импровизация на тему древнерусской шатровой архитектуры. Башня представляет собой два восьмигранника, похожих на два усеченных шатра, с четко обозначенными ребрами, поставленные один на другой, уменьшающиеся кверху и разделенные сложнопрофилированным, сильно вынесенным вперед карнизом. Увенчивает это двухъярусное сооружение луковичная (т. е. со слегка заостренным верхом, напоминающая по форме луковицу) глава с ажурным металлическим шпилем, также отделенная от верхнего восьмигранника крупным карнизом. Система постановки восьмерика на четверик (в нашем случае восьмерика на восьмерик) — характерный прием для древнерусской гражданской и культовой архитектуры начиная с XVI в. Таким образом, в конструкции и внешнем облике угловой башни получил воплощение один из ведущих образов русского зодчества — мотив граненых форм, образующих шатер и заканчивающихся луковичной главой.

Кирпичный декор угловой башни также родственен отечественной архитектуре. Здесь получил развитие мотив арок: пологих, полукруглых, килевидных, заостренных кверху арок-кокошников, которыми так любили украшать храмы и парадные палаты русские строители прошлых веков. Плоскости верхнего восьмигранника расчерчены выступами ромбовидной формы, напоминающими «чешуйчатые» покрытия древнерусских деревянных и каменных строений.

Нагромождение разнообразнейших форм архитектурного декора на трех фронтонах и поверхности башни проникнуто движением вверх, которое слегка умеряется мощными карнизами, разделяющими восьмигранники и главу. Состоящая из множества drobных измельченных форм вся группа из трех фронтонов и башни над ними отчетливо воспринимается снизу благодаря богатой, сочной профилировке деталей, их ритмической организации, контрастам прямых и изогнутых линий контуров, общей стройности и выразительности силуэтов. Все многообразие затейливых форм объединяется в красивую живописную группу пирамидальной формы, которая смотрится как пышная шапка, венчающая парадный вход, и сообщает представительность внешнему облику здания, замечательно обогащая весь его силуэт.

Архитектуру иногда называют «застывшей музыкой». Основание для подобного сравнения — сходство ритмической структуры двух видов искусств. Ритм, как известно, наиболее сильное и красивое средство художественной выразительности практически во всех видах творчества. Ритм в музыке создается чередованием звука и тишины, ритм в архитектуре — чередованием объема, массы и пространства. Посмотрим, как «работают» контрасты массы и пространства в решении внешнего облика описываемого здания. Самый наглядный и простой пример: все декоративные выступы разной высоты и формы на стенах здания равномерно чередуются с крупными окнами. Спокойный мерный ритм, соразмерность стены и разбивающих ее плоскость оконных проемов дают фасаду завершенность и упорядоченность.

Особенно выразительны контрасты массы и пространства в композиции верхней части здания. Чередование выступов и арочных углублений под карнизом определяет богатую игру форм и светотени, а контрасты мелких drobных объемов подчеркивают крупные членения стен, создавая зрительную гармонию в восприятии облика фасада. Впечатление от узорных силуэтов фронтонов на крыше здания усиливает простран-

Особняк Варвинского. 1960-е гг. Из фондов БКМ

ственная среда между ними. Легкий ажурный парапет почти растворяется в воздухе и не мешает противостоянию объемов и пространства. Важная роль в эмоциональном восприятии здания принадлежит контрастам глубоких арочных проемов и сильно выступающих вперед деталей треугольных, квадратных, полукруглых очертаний на фронтонах. В темных провалах декоративных арок словно скрыта или угадывается тайная жизнь старого дома. Контрасты вообще сильное средство художественной выразительности архитектуры как искусства. Контрасты вертикалей и горизонталей, гладких и обработанных поверхностей стен, геометрических форм прямоугольных и криволинейных контуров, контрасты масштабные, светотеневые широко применяются в оформлении главных фасадов и парадного входа в здание, усиливая выразительность его архитектурно-художественного образа.

Следует отметить, что все обилие фасадного декора здания формируется комбинациями кирпичей. Выкладывая их в определенном порядке, мастера получают разнообразнейшие декоративные мотивы. В украшении фасада описываемого здания используются традиционные старорусские способы кладки: ложком (длинными боковыми гранями), тычком (короткими торцовыми гранями), ребром, плашмя. Эти приемы используются в создании кирпичных узоров арок, городков, лопаток, ниш и других разнообразных выступов и углублений на «теле» здания. Исключением можно считать только выступы круглой формы — бусины, где кирпичи подвергались дополнительной обработке или изготавливались в специальных формах.

Заслуживает особенного внимания западный фасад, который воспринимается как самостоятельная часть здания, как пристройка к нему, так как он ниже по высоте и лишен цельности, характерной для трех других фасадов. Здесь мы не видим карниза, нависающего над другими стенами дома. Вместо городков и богатых профилей по верху идет узкая простенькая полоска прямоугольных выступов-сухариков. Нет единства в общем решении плоскости стены, которая разделена на две почти равные и непохожие друг на друга части. Одна половина стены, сложенная из кирпича, гладкая, без декора, с узкими, разной ширины оконными проемами. Широкий проем ближе к середине стены заложен кирпичом и доходит до фундамента. Возможно, это был дополнительный вход в здание. Интереснее решена другая половина стены. Здесь середину нижнего яруса занимают два больших окна почти квадратной формы, разделенные лишь узкой резной деревянной колонкой. Нижний ярус выходит на лицевой фасад дверным проемом с железным козырьком. Нынче это вход в музей для посетителей. Верхний ярус — открытый балкон, все конструкции и декоративные детали которого выполнены из дерева. Три широких пологих арки опираются на резные колонны с базами и капителями. Ограждение балкона образуют ряды стройных балясин красивого строгого рисунка. Фриз таких же балясин проходит под окнами нижнего яруса, ритмически объединяя верхний и нижний этажи. На главный фасад балкон открывается широкой пологой аркой, поддерживаемой двумя резными колоннами. Верхняя часть балкона, выходящая на лицевой фасад, также завершена фронтоном. Плоскость деревянного фронтона украшена попарно объединенными короткими резными балясинами пластически выразительных, почти скульптурных форм и завершена невысоким тонким шпилем.

Кирпичный декор здания дополняют и обогащают железные «украсы». Это наверх водосточных труб из просечного железа, козырьки из кованого железа над дверными проемами южного и восточного фасадов, легкий ажурный парапет на крыше, фигурный шпиль над угловой башней. Мотивы железного декора — традиционные узоры из завитков и спиралей разных контуров и размеров — просты и красивы. Всю железную декорацию здания, особенно композиции из кованого железа, отличают удивительная светлота, легкость и прозрачность. Изящные завитки, как воздушное кружево, украшают массивное тело здания, нарядную одежду его фасадов. Эта легкость и воздушность достигается почти одинаковой толщиной железных прутков, чистотой и строгостью рисунка орнаментов, широким свободным пространством между его узорами. Обрамляющие дверные проемы козырьки, отбрасывающие на стены легкие подвижные тени, кажутся невесомыми, почти нематериальными. Очертания парапета на крыше и шпиля угловой башни словно тают, растворяются в воздухе — так тонки и изящны линии их контуров и орнаментальных узоров. Немногочисленные железные украшения органично сочетаются с кирпичными, формируя художественный облик здания.

Здание музея Чуйского тракта занимает значительное место в городской среде современного Бийска. Его обтекают бесчисленные потоки машин, входящих в город по коммунальному мосту или покидающих его по тому же мосту. Лишенное прямой связи с другими постройками, являясь центром наиболее оживленной части города, здание музея и нынче активно влияет на окружающее пространство. А в начале XX в. дом Варвинского являлся важным градообразующим элементом старого Бийска. Размещенный в одной из узловых точек городского пространства, он был его активной

доминантой. Своим главным фасадом здание обращено к реке, к переулку Шорному, ныне Коммунарскому, на который выходил понтонный мост. В начале XX в. понтонный мост был единственным средством связи Заречья и Чуйского тракта с «деловой» частью города. Всю массу людей и транспорта, переходящих реку по понтонному мосту, «встречал» дом Варвинского, красуясь своим убранством, как бы представляя лицо города. Дом также естественно входит в ансамбль улицы Успенской, ныне Советской. Улица Успенская была одной из парадных улиц дореволюционного Бийска с учетом его застройки по берегам реки. К улице Успенской обращен парадный вход в здание. Насыщенный обильным декором, увенчанный башней, скошенный угол подчеркивал свое первостепенное самостоятельное значение в наружном облике здания, свою красоту, раскрывающуюся при восприятии его как со стороны переулка Шорного, так и с улицы Успенской. Новый масштаб современной застройки Бийска в районе коммунального моста и улицы Советской не дает возможности представить положение дома среди современных ему строений. Но несомненно, что здание выделялось и тогда среди массы рядовых построек и своим положением в городской среде начала XX в. естественно включалось в живописный образ береговых панорам Бийска.

Красота архитектуры старинных русских городов создавалась постепенно, накапливалась столетиями. Все замечательные архитектурные памятники нашего города были созданы в течение одного-двух десятков лет. Бийские купцы, основные заказчики строительства, заботились о красоте города, индивидуальной выразительности облика своих жилых домов, торговых и общественных зданий. Все, что они успели создать до 1917 г., обладает для нас не только исторической, практической, но и художественной ценностью. Значение архитектурного наследия Бийска начала прошлого века для нас огромно. Мы называем старые здания памятниками архитектуры. Но их содержание гораздо шире. В них заключена память о России, ее истории, величии и богатстве, в них проступают образы ушедшей эпохи. Любуясь сохранившимися старинными зданиями, мы можем представить себе жизнь небольшого уездного городка, картины прошлого нашего Бийска.

Дом Варвинского по своим художественным достоинствам входит в число наиболее ценных архитектурных памятников Бийска начала XX в. Это здание вместе со многими другими строениями дореволюционного Бийска — небольшой фрагмент, скромная, но неотъемлемая часть великого целого, которое мы называем «русская национальная архитектура».

Е. А. Грехова

ДОМУЗЕЙНЫЙ ПЕРИОД ДОМА ВАРВИНСКИХ

Мало в каком здании Бийска работали такие известные личности, которые не только оставили в нашем городе заметный след в просвещении, культуре, здравоохранении, науке, литературе, краеведении, но и имели мировую известность.

Дом Варвинских, который сейчас ассоциируется как «Красное здание» Бийского краеведческого музея, а с 2010 г. — с расположенным в нем музеем Чуйского тракта, имеет очень богатую историю. В разное время в этом здании размещались и английская фирма, и военная комендатура, и детский дом, а с 1926 г. здесь поселился Бийский краеведческий музей, который к этому времени успел сменить несколько адресов.

В 1911 г. был построен этот дом по адресу: угол улицы Большой, 12 (ныне — ул. Советская, 42) и Шорного переулка (ныне — Коммунарский переулок). Здание сложено из красного кирпича в два этажа. В паспорте этого особняка, хранящегося в фондах Бийского краеведческого музея, можно прочитать: *«Характерное для города здание начала XX века с эклектическим декором, играющее важную градостроительную роль (формирует угол квартала)»*. В переписи городских строений за 1913 г. хозяйкой этого особняка числилась Анна Дмитриевна Варвинская, жена предпринимателя, известного владельца крупной транспортной компании на Чуйском тракте в селе Онгудай. Ей также принадлежали и два двухэтажных деревянных флигеля, расположенных рядом с особняком. Судя по этой же переписи, строения приносили немалый доход семье (*средняя валовая доходность имущества составляла 1 620 руб.*) и использовались как доходные дома. В городской газете «Алтай», выходявшей в те годы, можно встретить объявления следующего содержания: *«Окончившая Бестужевские курсы, с 1 сентября начнет групповые занятия для приготовления к весенним экзаменам и уроки по словесности. О. Московская. Успенская улица, д. Варвинского»* [1], или: *«Учительница берет уроки и репетирует, желательно по математике. А. Московская. Успенская ул., д. Варвинского»* [2]. В другой газете: *«Нужны кухарка и девочка для комнатных услуг. Большая ул., д. Варвинского, внизу»*. Аналогичных объявлений достаточно много, что позволяет сделать вывод, что квартиры сдавались внаём.

В 1913 г. сын Варвинских, Петр, поступает учиться в Бийскую гимназию. Вся семья переезжает в Бийск и селится на втором этаже своего особняка. Глава семьи — Григорий Акинфович еще долгое время будет вояжировать между Бийском и Онгудаем, где у него сохранялись коммерческие интересы. В это время был продан на слом один из флигелей. С поступлением Петра в гимназию старший Варвинский активно сотрудничает с городским обществом взаимопомощи учителям на протяжении всех шести лет обучения сына, делает пожертвования в пользу общества попечения о начальном образовании взамен Пасхальных визитов, а в 1917 г. его можно найти в списках жертвователей для создания в Бийске «Учительского дома». Искреннюю

*Казначей г. Бийска С. К. Тигин с женой.
Снимал апартаменты в доме Варвинского до 1917 г. Из фондов БКМ*

благодарность от правления Бийского общества взаимопомощи учителям принес через газету «Алтай» председатель правления А. Сухарев [3]. Хозяин дома слыл большим любителем русской литературы, сумел собрать хорошую библиотеку, о которой упоминают многие исследователи-краеведы [4].

В 1913 г. Бийское уездное казначейство снимает комнаты первого этажа дома Варвинского для семьи фининспектора Сократа Константиновича Тигина. К этому времени семья уже сменила несколько квартир. Они прибыли из Канска, где отец также работал в казначействе. Одна из дочерей пишет в воспоминаниях: *«Семья была большая (6 человек детей). В семье у нас жили так называемые нахлебники — учащиеся. Родители любили молодежь. Жили дружно, интересно. Под руководством мамы устраивались дома спектакли, концерты, к которым долго готовились. Летом отец покупал плохонькую лошадь и на тележке вывозил всю семью вечерами или в выходной день в лес, на природу. Отец и мать любили комнатные цветы, их было множество... Отец был страстным книголюбом, имел великолепную многотомную библиотеку, которую мать распродала после его смерти из-за нужды»* [5]. И еще из письма Юлии Сократовны Лихторович (в девичестве Тигиной) директору музея Борису Хатмиевичу Кадикову: *«Я все собираюсь в Бийск, но не могу рискнуть поехать (мне уже 82 года — старость одолевает, отнимает силенки). Если же поеду, то загляну в музей (в те комнаты, которые когда-то хозяин этого дома сдавал под квартиры, где жила я в детстве). 27 июля 1984 г.»*.

Все дети Тигиных выросли достойными людьми, получили хорошее образование. Старшая дочь Галина, в замужестве Власова, стала известным в городе врачом, работала в Монголии (прививала оспу), при ее содействии в Монголии была создана новая система государственного здравоохранения. В 1942 г. вернулась в Бийск, возглавила терапевтический отдел 1-й городской больницы. В 1955 г. ей присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР» [6]. Старший сын Иннокентий был всесторонне развитым человеком, увлекался спортом, театром, хорошо играл в шахматы, писал небольшие очерки под псевдонимом Ратонский. Учился в Томском университете на естественно-геологическом факультете, подавал большие надежды как будущий ученый, но в возрасте 31 года погиб при переправе реки Башкаус на Алтае. Про него написано несколько художественных произведений: «Тайна гор» М. К. Винкман, «Это было в горах», «Высота 2222», «Долина, где цветут пионы» Е. Ф. Иванова. Младший сын Дмитрий погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Еще одна дочь была ученицей В. В. Бианки, который в те годы жил и работал в Бийске [5].

В 1917 г. произошли хорошо известные события в стране. Происходит смена власти и в городе Бийске. Уездное казначейство, где работал Сократ Константинович Тигин, прекращает оплачивать квартиру, и семья вынуждена была съехать. Через полгода в город вошла армия Колчака.

В июле 1918 г. на первом этаже дома Варвинского открывается представительство английского акционерного общества Союза Сибирских Кооперативных Ассоциаций («Сибунион»). Общество бурно развивается, через газету «Алтай» даются объявления о наборе чернорабочих, кочегара, поломойки, а также рабочих «в отъезд» на сыроваренные заводы для закупки сыра для экспорта в Европу. По некоторым сведениям, дошедшим до наших дней, сыр упаковывали в ящики, изготовленные из кедра. «Сибунион» проработал в городе до конца колчаковского режима [7]. Вот как описывает внешний вид дома в этот период известный бийский краевед Леонид Александрович Мальцев (1912–1993): «На крыше был укреплен голубой глобус. Вывеска. На боковом входе — реклама американских тракторов и сельскохозяйственных машин» [8].

В конце 1919 г. власть снова перешла к Совету народных депутатов. В городе объявлено военное положение. Вместе с Белой армией Бийск покидают домовладельцы, купцы, промышленники и банкиры. Опустевшее здание по улице Большой, 12, занимает военная комендатура. Военный комендант города Бийска Беляев один за другим издает приказы военного времени. Вводится жесткая экономия всего. Даже перегоревшие электрические лампочки по закону военного времени собираются и отправляются на Томский завод для переработки. Особое внимание уделяется нарушениям дисциплины на улицах города. Вот, например:

П Р И К А З

Коменданта города Бийска

10 февраля 1920 года

№ 31

город Бийск

Мною замечено, что, несмотря на мой приказ от 30 декабря 1919 года за № 7, об упрощении появляться на улицах города всем красноармейцам и гражданам с гармошками и песнями, а также вести себя корректно, как то в общественных местах, квартирах и на улицах города, до сих пор такие лица продолжают появляться.

Предается на словъ деревянн., 2хъ-
 этажный домъ.
 Большая ул., № 12, спросить Г. И.
 Варвинскаго. 772-3-2
 Квартира сдается во 2-й части. Княжес-
 кая ул., д. № 13-й, Ф.
 Мальцева, 5 комнатъ, съ 15 мая. 731—12-3ч

Объявление в газете «Алтай». 07.09.1913 г.

Англійскому Акціонерному Обще-
 ству „Сибуніон“
 требуются чернорабочіе и кочегар
 в отъезд на сыроваренные заводы, спраглыться с 9 час
 утра до 3 часов дня. Большая ул., д. № 12 Варвинскаго
 1935

06.09.1918 г.

П Р И К А З
 Коменданта города Бийска.
 10 февраля 1920 года № 31 город Бийск.
 § 1.
 Мною замечено что несмотря на мой приказ от 30 декабря 1919 года за № 7, о
 запрещенн появлятья на улицах города всем красноармейцам и гражданам с гармош-
 ками и песнями, а также вести себя корректно, как-то: в общественных местах, квартирах
 и на улицах города, до сих пор такие лица продолжают появляться.
 Предупреждаю, что все допускающие бесчинство, хулиганства и некорректное
 обращение будут арестовываться и привлекаться к суду по всей строгости военного
 времени.
 Приказываю всем красноармейцам, военнослужащим и гражданам не допускать
 в центре города катание и быструю езду на лошадах, как на верховых, так и зипра-
 жечных в санки, если этого не требует служебная обязанность.
 Нарушившие этот приказ будут задержаны и привлечены к ответственности.
 Начальнику Городской Советской милиции предписывается следить за выполне-
 нием настоящего приказа.
 О всех задержанных за упомянутые выше поступки доносить мне для предания
 суду военно-революционного трибунала.
 Комендант города Беляев.
 Делопроизводитель Селиверстов
 № 87.

Газета «Серп и молот». 17.02.1920 г.

Предупреждаю, что все, допускающие бесчинство, хулиганство и некорректное обращение будут арестовываться и привлекаться к суду по всей строгости военного времени.

Приказываю всем красноармейцам, военнослужащим и гражданам не допускать в центре города катание и быструю езду на лошадях, как на верховых, так и запряженных в санки, если этого не требует служебная обязанность.

Нарушившие этот приказ будут задержаны и привлечены к ответственности.

Начальнику Городской Советской милиции предписывается следить за выполнением настоящего приказа.

О всех задержанных за упомянутые выше поступки доносить мне для предания суду военно-революционного трибунала.

Комендант города Беляев.

Делопроизводитель Селиверстов [4].

По инициативе коменданта организуется при комендатуре военная библиотека. Беляев обращается к жителям города: «...имеющиеся лишние книги, желательного военного характера, учебники, уставы и пр. пожертвования приносить в комендатуру по адресу: Большая улица, дом Варвинского № 12».

Прочитируем еще одно объявление коменданта города Бийска из газеты «Серп и молот» от 17 января 1920 г.: «*Всем войсковым частям, учреждениям и заведениям, а также учреждениям Гражданского ведомства, приказываю: никакие выемки, реквизиции, конфискации, а также получение откуда бы то ни было как имущество оставленного бежавшей буржуазией, так и всего имущества, принятого на учет Учетно-реквизиционной Комиссией, без участия представителя от Комиссии и представителя от Государственного полевого контроля 5-й Армии — не производить. За неисполнение сего виновные будут караться по всем строгостям законов военного времени.*

Комендант города Бийска Беляев.

Делопроизводитель по строевой части Плотников».

К середине 1920 г. в стране возникает очень сложная ситуация. Измотанная нескончаемыми войнами, катастрофическим неурожаем в средней полосе, Россия испытывает глубокий кризис. В Поволжье — голод. В Бийск хлынул поток беженцев, в том числе и беспризорников. Началась эпидемия тифа и холеры. Городские власти срочно подыскивают и наспех ремонтируют помещения для приема детей из голодающего Поволжья. Дом Варвинского к этому времени уже освободился, и его находят подходящим для размещения в нем детского дома. К концу 1920 г. в Бийске сформировано 10 детских домов, один распределитель (по адресу: ул. Советская, 23), и в уезде еще пять детских домов. Общее количество детей во всех детских домах достигло 933 человека, при общей численности населения Бийска чуть более 40 тысяч [9].

Для организации детских домов в город Бийск переводят из села Верхний Ануи Милитину Венедиктовну Волянскую, которая хорошо себя проявила в работе на предыдущих постах. Она переехала в город с дочерью-подростком Галиной. Проживали они во флигеле рядом с домом Варвинского, где к этому времени уже располагался детский дом. Галина Волянская (Николаева) в будущем стала известной советской писатель-

*Воспитанники детского дома № 3 летом на даче
в Тихвинском монастыре (с. Боровое)*

ницей, лауреатом Сталинской премии. Она автор таких произведений, как «Жатва», «Битва в пути» и др. Известный бийский краевед Леонид Александрович Мальцев оставил свои воспоминания о том, как встречался с ней будучи подростком.

В феврале 1923 г. Милитина Венедиктовна Волянская подает заявление об увольнении, этим же числом ее уволили, и они с дочерью переехали в город Барнаул [10]. На ее место была назначена Вольхина, а затем заведующей детским домом становится Е. Попова. Из годового отчета о работе по детскому дому ОНО № 3 имени Красного Октября: *«Детский дом № 3 имени Красного Октября, школьного типа, т. е. дети в нем имеются от 8 до 13 лет. Детский дом помещается по Советской улице № 38 в г. Бийске. Здание детского дома каменное, двухэтажное, вполне подходящее. В 1924–1925 годах был ремонт, а именно была перенесена кухня из верхнего этажа в нижний, а также был произведен ремонт печей и ремонт уборной, ремонт был не закончен, требуется поправить крышу, в двух местах потолок течет, а то как ненастная погода приходится подставлять ведра. Окраска полов, а главное окон, а то окна имеют грязно-серый цвет и застеклить и больше почти ремонта никакого не требуется»* [11].

Надо сказать, что проблема с потолками длилась долгие годы, несмотря на происходившие ремонты в разное время, пока не сделали капитальный ремонт кровли в 2018 г.

Сначала детский дом был рассчитан на 50 детей, а к 1925 г. уже было 66 детей младшего и среднего школьного возраста. Из 52 кроватей, имеющихся в детском доме,

30-ти требовался ремонт. Дети спали по два человека в одной кровати. Не хватало также матрасов, одеял, постельного белья. Из-за недостатка дров в комнатах всегда было прохладно, дети мерзли. Из-за плохой вентиляции в доме стоял неприятный запах, исходящий из уборной. Одежды и обуви также не было в достаточном количестве. Например, пальтишек имелось в наличии только 17 штук, поэтому школу могли посещать не все. Оставшиеся в доме дети занимались с воспитателями, которых в штате было всего трое на 66 детей. Трудностей хватало с избытком. Но самой большой проблемой было накормить детей. На питание каждому ребенку выдавалось от общего отдела Уисполкома 4 руб. в месяц. Все средства находились под строгим учетом и контролем. Заведующая распорядилась ими под присмотром контрольно-хозяйственной комиссии детского дома. Дети были обеспечены трехразовым питанием: с 8 до 9 часов пили чай (правда, у ведерного самовара не было трубы), с 2 до 3 часов был обед, и с 9 до 10 часов дети ужинали и ложились спать. Всем воспитанникам прививались трудовые навыки. Они убирали в помещении, могли растопить печь, их учили штопать одежду, вязать и вышивать гладью. Рядом с домом был небольшой огородик, где дети тоже работали. Много внимания уделялось идейному воспитанию. Выписывали на детский дом журналы «Пионер», «Барабан», «Вожатый», газету «Юный ленинец», и на свои средства весь персонал детского дома выписывал газету «Звезда Алтая». С детьми ставили спектакли, проводили праздничные мероприятия. К концу 1925 г. снова сменили заведующую — назначили П. Морковину. В качестве примера идеологического воспитания можно привести сохранившуюся до наших дней программу мероприятий, посвященных вождям революции.

«В Бийское УОНО.

Отчет о проведении недели вождей Революции в дет. доме № 3 «Красный Октябрь»

Начиная с 16 января начинается проработка программы данной УОНО.

Темы были распределены следующим образом:

6 января. «Биография Ленина. Кончая его последними днями». Воспитатель Гмертова.

7 января. «Наш детдом и город в день смерти Ленина». Воспитатель Богатырева.

8 января. «Заветы Ленина и Ленинский путь в будущем». Заведующая детдомом Морковина.

9 января. «Ленин и дети». Воспитатель Валуцкая.

10 января. Подготовка плакатов. Во время проработки программы разрабатываются материалы для стенных газет.

11 января. Проведение Литературного утра. Программа:

«Ленин и его заветы». Докладчик — воспитанница Л. Стахина.

«Ты умер, товарищ». Хор.

«Тебя уже нет». Декламация. Воспитанник В. Кочетков.

«Ильичу». Декламация. Воспитанник Н. Вебер.

«Любимые песни Владимира Ильича». Исполняет хор.

«Памяти Ленина». Декламация. Воспитанник М. Оленский.

«Умер Ильич». Декламация. Воспитанница О. Блинова.

«Ленин и дети». Живая газета.

«Мы не рабы, мы дети воли»

«Похоронный марш». Хор.

Выпущена стенная газета, посвященная вождям революции.

Заведующая детдомом № 3 П. Морковина.

1926 год, 27 января, Бийск» [12].

В летний период всех детей из детских домов Бийска вывозили за город на дачи, а воспитанников детского дома № 3 имени Красного Октября — в бывший Тихвинский монастырь [13].

К середине 1926 г. число беспризорных детей заметно уменьшилось. В УОНО Бийска провели реорганизацию. Сократилось количество детских домов.

Дом Варвинского опустел снова, но уже осенью сюда переехал городской краеведческий музей, который к тому времени сменил много адресов, последним приютом музея был дом по ул. Исаевской, 9 (ныне — ул. Красногвардейская). Директором музея в этот период был Борис Сергеевич Митропольский.

Литература и источники

1. Бийский краеведческий музей (БКМ). — Фонды. — Газета «Алтай», 24 августа (6 сентября) 1913 г.
2. БКМ. — Фонды. — Газета «Алтай», 7 сентября 1913 г.
3. БКМ. — Фонды. — Газета «Алтай», 10 (21) марта 1917 г.
4. БКМ. — Фонды. — Альбом Мальцева.
5. БКМ. — Фонды. — Дело Тигиных.
6. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия, Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. — Омск, 1994.
7. Архив администрации Бийска. — Ф-Р-240. — Оп. 1к. — Газета «Алтай», 6 сентября, 1918 г.
8. Архив администрации Бийска. — Ф-Р-240. — Оп. 1к. — Газета «Алтай», 20 июня 1919 г.
9. Архив администрации Бийска. — Ф-Р-240. — Оп. 1к. — Газеты «Серп и Молот», 17 февраля 1920 г., 3 января 1920 г.
10. Архив администрации Бийска. — Ф-84. — Оп. 3. — Д. 40.
11. Архив администрации Бийска. — Ф-84. — Оп. 2. — Д. 31.
12. Архив администрации Бийска. — Ф-84. — Оп. 3. — Д. 50.
13. Архив администрации Бийска. — Ф-84. — Оп. 2. — Д. 26.

Составитель Н. И. Занина

ЛЕТОПИСЬ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В. В. БИАНКИ В ДОКУМЕНТАХ И ФАКТАХ¹

1918 год

16 мая. Газета «Бийская правда»: «Союзом Культурно-просветительских учреждений и организаций совместно с Бийским Сельско-Хозяйственным обществом приступили к организации в Бийске научно-промышленного музея, а в уезде музеев местной природы и наглядных учебных пособий. Просьба ко всем учреждениям и лицам, сочувствующим новому особенно необходимому для местного края делу создания музеев, помочь, кто передачей, имеющихся у них коллекций вещей и пр. подходящего материала, кто денежной поддержкой или иным способом. Правление Союза Культурно-Просветительных учреждений и организаций Бийского Округа и Совет Бийского С.-Х. Общества».

1919 год

Март. Газета «Алтайский край»: «На заседании отдела по внешкольному образованию Бийской уездной земской управы был заслушан доклад 5 марта В. В. Беянина "Проект музейного дела в Бийском уезде"».

1920 год

Январь. Распоряжение по отделу Народного Образования при Бийском Ревкоме: «Тов. Донорский Михаил Иванович назначается заведующим музеем в городе Бийске с 23 января 1920 г.».

28 января. Отдел Народного Образования при Бийском Ревкоме. Заведующему Уездным музеем М. И. Донорскому: «Настоящим Отдел Народного Образования предписывает Вам немедленно взять все учебные пособия Катехизаторского и Барнаульского Духовных училищ и вместе с описью доставить в музей». Зав. отделом. Все лица, в ведении которых находились эти учебные пособия, обязаны беспрекословно выполнить распоряжение Отдела.

21 февраля. Удостоверение: «Дано сие Бийскому отделу Народного Образования в том, что ему предоставляется занять следующие помещения:

1. Церк. дома Архиеерея;
2. Дачу Хакина за рекой;
3. Каменный двухэтажный дом, занимаемый военным клубом и Сибирской Компанией по Успенской ул. Под № 8». Подотдел квартирно-жилищный при горхозе.

¹ Сохранены орфография, пунктуация и стиль изложения оригинальных источников. — Прим. ред.

ОХРАННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО № 5

Настоящим удостоверяется, что дом № 8 по Советской улице г. Шванова действительно занят Советским Народным Музеем на основании декрета Совнаркома от 2-го июля 1918 года, протокола Сибревкома от 8-го мая 1920 года, за № 242, циркулярного распоряжения Сибнаробраза от 22-го мая 1920 года, за № 2157

как имеющее учебное значение не может быть ни занимаемо никакими учреждениями и лицами, а равно не может быть подвергнуто уплотнению без разрешения Губернского Отдела Народного Образования, в непосредственном ведении которого находится вышеуказанное здание.

Лица и учреждения, нарушающие настоящее постановление и самовольно занимающие указанное здание, будут

предаваться суду Ревтрибунала и подвергаться суровым взысканиям по всей строгости революционных законов.

Настоящее удостоверение хранится на руках у заведывающего домом, или надзирателя на предмет предъявления при надобности представителям жилищных и иных советских органов.

17/IV-1920.

Представитель Алтайского Губисполкома

Заведывающий Губернским Отделом
Народного Образования

Пред. Губернской Чрезвычайной
Жилищной Комиссии

В. Стефанов

И. Иванов

М. Кузнецов

инв. 2774
о/ф 1574г.

Февраль. В Малую Коллегию от наробраза: «Просим утвердить следующие командировки специалистов музея:

1. Полякова М. И. и Кузнецова Д. И. по осмотру Архива в с. Смоленское с 15 по 16 марта 1920 г. выдать суточные проездные;
2. Донорского М. И. в г. Барнаул по делам музея с 6 мая по 17 мая;
3. Крота М. И., Раевского В. Г., Иванова А. И. в г. Барнаул с 7 июля по 23 июля;
4. Иогансена Г. Х. в Томск по делам музея с 18 июля по 22 августа;
5. Ирасека Юлия в Чемал за этнографическим материалом с 13 июля по 5 октября;
6. Сенгалевиц В. А. в Барнаул по делам музея с 5 августа по 15 августа;
7. Аверина А. И. в ст. Усть-Чарыш за этнографией с 8 августа по 18 августа;
8. Иогансен Г. Х. и Планкль О. Ф. в горы оз. Караколь за сбором зоологического материала с 9 сентября по 28 октября;
9. Белянин В. В. научная командировка в Быстрый Исток с 11 сентября по 17 сентября. Ничего не получили в ОНО ХООС».

17 марта. В Горхоз: «Для ботанического отдела Советского Музея собираются в настоящее время лучшие и редкие цветы, оставшиеся без всякого ухода и гибнущие в домах бежавших буржуев. В интересах музейного дела, а также для развития комнатного цветоводства среди широких демократических масс населения Советский Народный Музей просит разрешения взять по указанию музейного специалиста таковые цветы, а вместе с тем и подставки к ним. По имеющимся сведениям заведующие охотно предоставляют нужные для музея цветы, кои находятся в занимаемых ими помещениях, но самостоятельно не могут выдать подставки, считающиеся на учете Учетно-реквизиционной Комиссии». Врио. Зав. музеем А. Хребтов.

31 марта. Представителю Чуюснабарм: «Прошу предоставить в собственность музея три двустволки по возможности 12, 16 и 20 (или 24) калибра, необходимые для организуемых музеем научных экспедиций с целью сбора зоологических материалов». Заведующий музеем М. Донорский. Заведующий зоологическим отделением музея Вит. Бианки.

20 апреля. Газета «Серп и Молот»: «Бийский Советский Музей с четверга 15-го апреля открыт для всех граждан ежедневно с 5 до 8 часов вечера, а в воскресенье 18 апреля с 1 до 5 час. вечера».

20 апреля. Газета «Серп и Молот»: «14 апреля состоялось открытие первого советского музея в Бийске. В музее имеются коллекции, относящиеся к флоре и фауне Алтайского края. Из речей ораторов видно было, сколько пришлось перенести мытарств музею в черные дни колчаковщины. Власть Колчака дошла до того, что выбросила музей на улицу (музей Алтайского народного университета) и только благодаря восстановлению советской власти музей снова начал функционировать. С 15 апреля музей открыт для посетителей, причем будут даваться пояснения о предметах, собранных в музее. Музей, вероятно, разовьет свою деятельность, но жаль, что нет в настоящее время более обширного помещения».

«Первым директором музея был Михаил Иванович Крот-Донорский, геолог по образованию, организовавший еще в 1918 году естественно-исторический кабинет при Алтайском народном университете, где работал лаборантом. Ему удалось подобрать в число сотрудников музея способных и увлеченных людей: Хребтов Аристоклий

Михаил Иванович Крот-Донорский, первый директор музея

Александрович — преподаватель учительской семинарии, председатель правления Бийского общества любителей природы, организатор нескольких научных экспедиций в Горный Алтай, впоследствии профессор Пермского университета. Иогансен Ганс Христианович — тогда студент, позже ученый-орнитолог, заведующий кафедрой Томского государственного университета. Иванов Александр Иванович — тогда просто Саша Маленький, бывший ученик коммерческого училища, страстный любитель ботаники, впоследствии доктор биологических наук, зав. музеем зоологии при Академии наук (Ленинград). Сингалевич-Копылова Валентина Антоновна — высокообразованная женщина, знавшая пять языков, беззаветно любившая искусство, талантливый скульптор. Кузнецов Дмитрий Иванович — известный пейзажист, ученик Г. И. Гуркина, позже член Союза художников СССР. Копытов Михаил Дмитриевич — крестьянин

села Фоминского, талантливый археолог-самоучка. Белянин — Бианки Виталий Валентинович — заведующий зоологическим отделом, в будущем известный советский писатель». (В. Гришаев «Тропой памяти». Барнаул, 1987. С. 34).

24 апреля. Газета «Серп и Молот». В музее: «Зав. геологическим отделом Бийского Советского Народного Музея еще раз доводит до сведения граждан, что при отделе открыта лаборатория, где изготавливаются микроскопические шлифы из горных пород Алтая, производится определение руд и минералов с помощью паяльной трубы и простейших реакций. Желающие познакомиться с минералогическими методами определения минералов, а также с изготовлением шлифов, что является весьма важным и полезным в особенности для тех, которые желают себя посвятить службе по горноразведочному делу могут полностью, безвозмездно проработать в лаборатории Музея».

27 апреля. Заведующему Бийским Советским музеем: «Внешкольный подотдел сообщает Вам, что коллегией от 27 апреля сего года постановлено: послать экспедицию из товарищей: геолога Назаревского, зоолога Белянина, ботаника Донорского, толмача Тоцакова, энтомолога Аверина, помощника геолога Осипова, помощника ботаника Иванова и зоолога Иогансена в Юго-Западную часть Алтая, поручив временно заведывание музеем т. Штерн». Отдел Народного Образования при Ревкоме.

2 мая. Газета «Серп и Молот»: «В Советском Музее. Работа кипит. Музей с каждым днем и часом пополняется все новыми и новыми объектами. Геологический отдел обогатился на днях весьма ценными палеонтологическими предметами: рогами гигантского оленя и хорошо сохранившимся черепом ископаемого волосатого носорога, жившего по всей ю. Европе и Сибири в ледниковый период одновременно с мамонтами. В вечных льдах Якутской области и на Новосибирских островах можно находить целые трупы этих животных с сохранившимся мясом, кожей и волосами. В часы приема Музей переполняется иногда посетителями; заходят много крестьян, приезжающих из деревень и с захватывающим интересом выслушивают объяснения руководителей. Зав. Геологическим отделом Назаревский оборудовал примитивный шлифовальный прибор и изготавливает с успехом микроскопические шлифы из горных пород Алтая, не имея при этом почти никаких материалов, нужных для шлифования. Изготовление шлифов дело весьма трудное и важное, и в мирное время шлифы в большинстве случаев изготовлялись в Германии».

18 мая. Бийский уездный Совет Народного Хозяйства. В отдел Народного Образования: «Совнархоз сообщает, что им возбуждено ходатайство перед Губсовнархозом об удовлетворении научной экспедиции по исследованию края сапогами и одеждой. Частичное удовлетворение просьбы Отдела уже последовало». Член Президиума.

19 мая. Газета «Звезда Алтая»: «В Советском музее. Лекция. 1 сего апреля в Советском музее тов. Назаревским была прочитана вторая научно-популярная лекция на тему «Эволюция в животном мире» о изменчивости животных форм и воззрений ученых на изменчивость. В первой части лекции тов. Назаревский познакомил слушателей со взглядами ученых на эволюцию, начиная с древних времен, с философией античного мира».

22 мая. Охранное обязательство № 5: «Настоящим удостоверяется, что дом № 8 по Советской улице д. Иванова действительно занят Советским Народным Музеем на основании декрета.

Совнаркома от 2-го июля 1918 года, протокола Сибревкома от 8-го мая 1920 года, за № 242, циркулярного распоряжения Сибнаробраза от 22 мая 1920 года, за № 2157

как имеющее учебное значение не может быть занимаемо никакими учреждениями и лицами, а равно не может быть подвергнуто уплотнению без разрешения Губернского Отдела Народного Образования, в непосредственном ведении которого находится вышеуказанное здание. Лица и учреждения, нарушающие настоящее постановление и самовольно занимающие указанное здание, будут предаваться суду Ревтрибунала и подвергаться суровым взысканиям по всей строгости революционных законов. Настоящее удостоверение хранится на руках у заведующего домом, или надзирателя на предмет предъявления при надобности представителям жилищных и иных советских органов».

Май. В отдел Народного Образования при Бийском Ревкоме, в Совнархоз: «Внешкольный п/отдел Народного Образования просит отпустить Бийскому Народному Советскому музею для снаряжения экспедиции в Юго-Западный Алтай:

1. Брюки брезентовые 8 шт.
2. Френчи брезентовые 8 шт.».

Заведующий отделом. Заведующий Внешкольным п/отделом.

4 июня. «Тов. Донорский! На основании решения Исполкома волчат и рога марала одну пару я препровождаю в Москву как подарок Московскому Зоологическому саду. Прошу Вас для волчат приготовить ящик, покрытый железной сеткой. Отъезжаем, вероятно, завтра». Влад. Орлов.

4 июня. Бийский Народный Советский Музей. Председателю Совнархоза: «Для сбора научных материалов для музея в окрестностях гор. Бийска прошу предоставить две подводы на 6 и 7 июня за счет Отдела Народного Образования». Заведующий внешкольным подотделом. Заведующий музеем М. Донорский.

3 октября. Бийотнаробраза: «На ваш запрос от 25 сентября 1920 г. сообщаем:

1. Дом Ассанова передан музею не будет, музей остается в прежнем помещении, низ которого ремонтируется; под склад музея занимается лавка, находящаяся в непосредственном соприкосновении со зданием музея.

2. Художественный отдел музея обогатился 30-ю оригинальными рисунками алтайских орнаментов, вернувшегося из командировки музея художника-архитектора Ю. Ирасека. Ведутся переговоры с Чемалом и находящимся в нем известным алтаеведом т. Анохиным о передачи музею целого ряда интересных рисунков и экспонатов по алтаеведению. Изъявил свое согласие для поступления на постоянную должность при музее художник т. Слесоренко.

3. В северо-восточной части Алтая обнаружено местонахождение залежей сурьмяного блеска. Ряд небольших экскурсий специалистов дал материал. Поступила в распоряжение музея личная коллекция птиц (шкурки) числом более 500 штук Г. Х. Иогансена. Часть шкурок будет набита, часть выставлена в настоящем своем виде. Иогансен с препаратором музея находится в настоящее время в горах, где собирают птиц и млекопитающих. Предполагается еще ряд командировок в Алтай до конца года для сбора материалов.

4. Разработана и предоставляется смета в Барнаул по музейно-экскурсионной выставке на 1921 год. Общая сумма расходов по секции 6.364.644 р. по городскому музею 3.597.036 р.».

Сентябрь. В Горхоз. Заречье, угол Катунского переулка и Граничной ул., дом Нарожнева: «Ввиду неоднократных со стороны квартального старосты и других лиц притязаний на помещение (комната и кухня), занимаемое уездным инструктором му-

зейного дела и заведующим зоологическим отделением Бийского Советского Народного музея В. В. Беляниным, отдел Народного Образования удостоверяет, что Белянину действительно необходимо квартировать в указанном помещении, дающем ему возможность, благодаря своему местоположению на границе Орлово-Мочищенского леса производить научные наблюдения».

Ноябрь. В горхоз: «Ввиду того, что нижнее помещение освободилось, предоставляется возможность устроить маленькую аудиторию. Для слушателей лекций Музей совершенно не имеет стульев. Ощущается крайняя нужда в последних (штук 70)». Заведующий Внешкольным подотделом. Врио. зав музеем.

Отчет о работе Бийского Советского музея за 1920 г.: «Организация БСН музея начата с начала 1920 года и поручена она музейным работникам г. Бийска, а именно: заведующему музейной секцией, бывшему инструктору музееведу земства В. В. Белянину и бывшему заведующему музеем Алтайского Народного университета М. И. Донорскому. За 1920 год музей был открыт 75 дней, не считая дней, предоставленных для экскурсий, но и за этот короткий срок было зарегистрировано 6 778 человек. Было проведено 14 1–3-дневных научных экскурсий специалистами музея в окрестностях Бийска с целью сбора естественнонаучных материалов для музея. Было устроено 15 практических занятий для курсантов — учителей и интересующихся. Прочтено 5 лекций. Изготовлены чучела птиц и животных». Врио зав. музеем.

3 декабря. Протокол № 33, заседания УОНО, Бийск. Присутствуют: завуоно Алфёров, начальник адморса Комаров. Слушали: О музее. Докладчик т. Белянин — Бианки. Бианки в своем докладе обрисовал положение Бийского Советского Народного музея. Работа музея тормозится сложным (?) к нему отношением со стороны Отдела — на все минимальные требования со стороны музея получают отказы. В настоящее время музей не отапливается. О реальных возможностях музея докладчик указал, что музеем в настоящее время могут быть обслуживаемы школы СоцВоса и Профобра. Устройство лекций и восстановление лисятника Копылова для выводки черно-бурых лисиц. Заканчивая, докладчик предлагает принять следующие предложения:

1. Отчислить необходимый фонд, на который мог бы существовать музей.
2. Выселить склад п/отд. Снабжения УОНО, находящийся в нижнем этаже музея.
3. Удовлетворить дровами в количестве 35 саж. Или же признать музей лишней роскошью, прикрыть его, а служащих распустить.

Постановили: требования, предложенные докладчиком, удовлетворить.

1921 год

25 ноября. Удостоверение: «Сим удостоверяем, что практиканты Б.С.Н. Музея: Вульпе Лев, Вульпе Леонид, Тигин Иннокентий и Кайгородцев Александр состоят слушателями Музейно-экскурсионных курсов при Музее и участвуют в кружке для самообразования, работающего при Музее». Зав. Музеем М. Крот.

1922 год

20 июня. В управление Горюездной милиции. Справка: «Дана сия Крот Михаилу Ивановичу в том, что он действительно состоит на службе в Бийском Отделе Народного образования в должности заведующего совмузеем г. Бийска». Справка дана Отделом Народного Образования.

18 ноября. Газета «Звезда Алтай»: «Музей переносится в Рабочий дворец и через пару недель будет открыт».

1923 год

27 апреля. Газета «Звезда Алтай»: «24 апреля с. г. археологом Бийского музея М. Д. Копытовым и сопровождающим его в изысканиях В. С. Крыловым и Б. С. Митропольским, была собрана ценная археологическая коллекция. Среди предметов последней особенно обращает на себя внимание череп древнего неолитического человека (человека каменного века). Найден он по правому берегу реки Бии в четырех верстах от с. Енисейского, против поселка коммуны, в древнем, среднем слое аллювиального отложения. Там же, т. е. на месте нахождения черепа, найдены каменные орудия, оружия и разные домашние предметы в количестве тридцати штук. Все найденные вещи доставлены в Бийский музей». В. Крылов.

27 ноября. Газета «Звезда Алтай»: «Бийский народный музей до сих пор не приведен в порядок, задержка — столярные работы, которые не могут быть выполнены за недостатком свободных столяров. К столярным работам предполагается приступить в первых числах декабря. Несмотря на это, отделения археологическое и геологическое открыты для посещения учащихся небольшими группами по 10–12 человек под руководством учащихся и при условии предварительного извещения о посещении музея. Необходимо пополнение музея экспонатами. Но музей не имеет средств на покупку экспонатов. Приходится надеяться, что все лица, которые интересуются краеведением, придут на помощь, жертвуя в музей те или иные экспонаты, как, например, монеты русские и иностранные, кредитные билеты, старинные книги, чучела и шкурки птиц и зверей и т. п.».

1924 год

Июль. Газета «Звезда Алтай». *Закрытие музея:* «Ввиду командировки заведующего Бийским музеем на Алтай за экспонатами по естествознанию и истории, Бийский музей временно закрыт для публики. Открытие последует около 1 августа. Художественное и восточно-этнографическое отделение музея оборудованы и также будут открыты для посетителей».

Осенью 1924 г. музей переводят в двухэтажное каменное здание на Исаевской улице (ныне — Красногвардейская, 9) (из отчета музея).

1925 год

Июнь. Письмо Усть-Пристанскому отделению Алтайского Союза Кооперативов: «В Союзе имеется партизанская пушка. Просьба передать ее в музей». Зав. музеем Митропольский Б.

4 августа. Газета «Звезда Алтай»:

Раскопки Бийского музея

«В июле месяце научным сотрудником музея М. Д. Копытовым были произведены раскопки курганов в с. Сростки Бийского уезда. Всего им раскопано около 40 курганов, хотя средств было отпущено чрезвычайно мало. Результаты раскопок можно считать блестящими. Добыта масса различных бронзовых и железных предметов: ору-

жия, утвари, упряжи, украшений. Из отдельных находок особенно выдаются: шашка в ножнах с бронзовой рукояткой и украшениями из сочетания львиных фигур, затем бронзовые украшения с изображением скифов. До сих пор такие находки были известны только из скифских курганов на юге России и Крыма. Находки имеют настолько большую научную ценность, что экспедиция Российской академии наук задержалась в Бийске для того, чтобы изучить, сфотографировать, измерить и описать весь собранный Копытовым материал, а часть экспедиции отправилась в с. Сrostки производить раскопки для Академии Наук».

1926 год

Во второй половине 1926 г. по решению Окрисполкома музей переезжает в каменный двухэтажный особняк на Советской ул., 38 (сейчас 42). Создаются новые экспозиции. Для размещения экспонатов изготавливаются типовые шкафы и витрины.

22–23 декабря. «Общество по изучению производительных сил Сибири (г. Новониколаевск) совместно с Научно-исследовательским бюро Сибкрайплана приступило к организации печатного издания «Краеведение» и «Жизнь Сибири», где предполагается печатать методические статьи, исследования». По решению Музейного совещания в г. Новониколаевске.

1927 год

Декабрь. Газета «Звезда Алтая»:

Усилилась посещаемость

«В 1926 году посещаемость в музее была не свыше 76 человек в день, в текущем же году посещаемость достигает 84 человек в день. Значительное пополнение отделов музея за счет археологических, палеонтологических и зоологических экспонатов в этом году. Вновь открыт уголок революции. В ближайшем времени предполагается создание сельскохозяйственного, кустарного и восточно-китайского отделения».

1928 год

22 января. Газета «Звезда Алтая»: «Бийский музей завязывает связи во всем округе»; «СибОНО отпустил 500 рублей Бийскому музею на научно-исследовательские работы»; «В члены общества по изучению производительных сил Сибири вступил наш музей».

4 мая. Новосибирск. Общество по изучению производительных сил Сибири: «Бийский государственный музей сообщает на ваш запрос от 5 апреля с. г., что в текущем году им предложено послать две экспедиции на средства, полученные от СибОНО. Первая экспедиция на Алтай для геологических работ. Руководитель геолог Комаров Иван Петрович. Вторая тоже на Алтай для сбора этнографического материала (Алтай-кижи). Руководитель художник-этнограф Д. И. Кузнецов».

19 мая. В горкоммунотдел: «Бийский государственный музей просит о высылке ему фотографий о сносе Успенской церкви». Зав. музеем С. М. Сергеев.

28 августа. Газета «Звезда Алтая»: «Из научной командировки по Алтаю вернулся художник Кузнецов. Он собрал коллекцию насекомых, зарегистрировал 180 курганов и привез для музея богатую коллекцию этнографии. Им привезено полное оборудование и обстановка женской половины юрты: казан, архыт (кожаный мешок, в котором

квасят молоко для выгонки араки), туесья и кожаные мешки с орнаментом, инструменты по выделке кож, зыбку, костюм алтайки и пр.».

30 ноября. Газета «Советская Сибирь»:

Открылся Бийский музей

«После пяти месяцев капитального ремонта и большой организационной работы, состоялось открытие Бийского музея. На открытии присутствовали члены проходящего пленума окрисполкома, члены общества изучения производительных сил Алтая. Большое впечатление производят работы художника этнографа Кузнецова, собравшего и поставившего в музее алтайскую юрту со всем убранством женской половины и с манекеном алтайки из племени Алтай-кижи в ее национальном наряде, а также витрина охотника-кумандинца с принадлежностями охотничьего быта».

1 апреля. Отчет о состоянии Бийского окружного музея и его важнейшие задачи. Зав. музеем Б. Митропольский: «Бийский Окружной Музей открыт в 1920 г. Основанием Музея послужила небольшая коллекция Бийского о-ва Народных Университетов. За время своего существования Музей несколько раз перемещался из помещения в помещение. Каждый такой переезд, а их было четыре, был связан с порчей и утратой части коллекций. Помимо того недостаточное оборудование Музея витринами способствовало хищению наиболее ценных экспонатов посетителями, развитию моли — бича открытых хранений коллекций музеев, от которой значительно пострадали чучела птиц и зверей и экспонатов этнографического отдела. В конечном итоге общее число экспонатов Музея определяется в 2 574 номеров и 3 785 предметах. ... Если сравнить Бийский Музей с другими молодыми Музеями Сибирского края, то оказывается, что темп развития нашего музея резко понижен и не соответствует нормальному развитию этих культурно-просветительных учреждений. Медленность роста Бийского Музея определяются недостаточностью финансирования. Размеры ассигнования на чисто научную часть музейной работы исключают возможность какой-либо серьезной исследовательской работы и вся деятельность Музея сводилась к бессистемному пополнению коллекций. Посещаемость Музея за последние четыре года представляется в следующем виде: В 1924/25 г. число посетителей — 2 773 чел., 1925/26 г. — 4 762 чел., 1926/27 г. — сведения имеются только за 3 зимних месяца 984 чел., 1927/28 г. по 1/4 — 2 830 чел.».

1929 год

Февраль. В отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса: «Бийский Государственный музей местного края просит о высылке ему открытого листа на право производства археологических разведок и раскопок в пределах Бийского округа. В текущем году планом летних работ Музея намечены нижеследующие работы:

1. Выявление и регистрация памятников старины на правом берегу р. Бии от границы округа до слияния с р. Катунью.
2. Окончание таких же работ в Уч-Пристанском районе, начатых в прошлом году.
3. Раскопки могильника в окр. с. Клепиково Уч-Пристанского района.

Могильник этот обнаружен экспедицией музея в прошлом году и в настоящее время подвергся значительному разрушению в связи с развеванием дюнного холма, на котором этот могильник расположен.

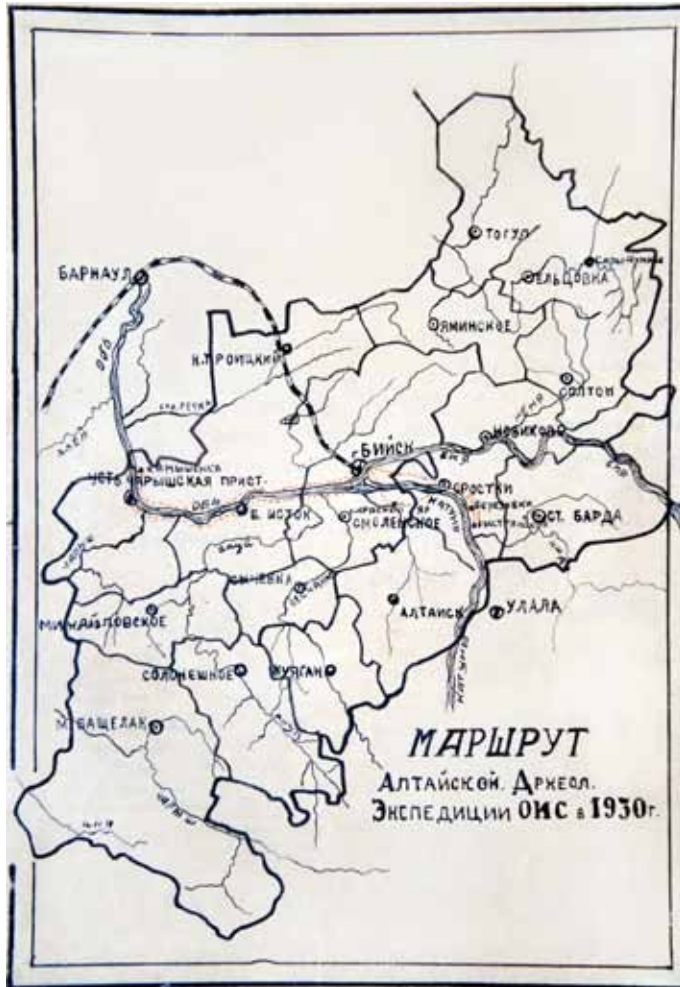
4. Работы будут вестись под руководством заведывающего музеем, имеющего специальную научную подготовку. Ввиду того, что полевые работы предположены начать в текущем году с 15 мая, просьба не задерживать высылку разрешения». Заведующий музеем Сергеев.

1930 год

1 февраля. Газета «Звезда Алтая»:

Все на Ленинскую выставку

«При музее открыта Ленинская выставка. На заседании, посвященном открытию выставки, говорилось: «Каждый рабочий должен посмотреть Ленинскую выставку и ближе познакомиться с жизнью вождя, т. к. она для каждого рабочего и крестьянина поучительна. На выставке имеется ряд фотографий, газет и др. материалов, посвященных жизни и смерти В. Ленина. В первый день выставку посетило больше 2 000 человек. В ближайшие дни выставка переносится на текстильную фабрику. Выставка открыта с 12 часов дня, вход бесплатный».

28 февраля. Газета «Звезда Алтай»:

Выставка к 12-летию Красной армии

«23-го февраля открыта выставка, посвященная 12-й годовщине Красной армии. По картам и плакатам можно проследить весь героический путь доблестной Красной армии. Здесь все участки борьбы: ликвидация Колчака и его последней, поход Деникина на Москву, перелом гражданской войны, германская революция и интервенция Антанты, белополяки и Врангель, ликвидация Деникина и Юденича, бандитизм и т. д. На выставке есть несколько экспонатов по химической и воздушной обороне. Следующий день работы музея — среда 26 февраля. Бийчанам следовало бы познакомиться с выставкой о Красной армии».

Апрель. Газета «Звезда Алтай» *Выставка картин:* «Сегодня в музее открывается выставка картин Барнаульской группы общества «Новая Сибирь». Выставка открыта с 11 час. До 5 час».

7 апрель. *Удостоверение:* «Дано сие удостоверение Заведующему Бийским Гос. Музеем, окончившему археологическое отделение 1 Московского университета С. М. Сергееву в том, что ему разрешается производство археологических раскопок и разведок в Бийском, Барнаульском округах и Ойротской области в целях сбора археологических коллекций для экспорта. Тов. Сергеев обязан по окончании работ представить в Главнауку отчет о произведенных исследованиях по форме и в сроки, указанные в инструкции к открытому листу Главнауки». Зам. Председателя Сибкрайсовнарпроса Кондратьев. Инспектор научных учреждений Кутафеев.

Апрель. Газета «Звезда Алтай»:

Выставка картин

«Сегодня в музее открывается выставка картин Барнаульской группы общества «Новая Сибирь». Выставка открыта с 11 час. до 5 час».

6 мая. Газета «Звезда Алтай»: «Приступили к организации ботанического отделения при Бийском музее. Для скорейшего восстановления этого отдела и получения практической помощи, музей держит связь с Томским отделом русского ботанического общества, главным ботаническим садом СССР (Ленинград), Академией Наук и отдельными специалистами».

13 июля. *В Правление общества изучения Сибири:* «Сообщаю, что сего 13 июля я выехал в экспедицию по сбору научных коллекций для экспорта. Первый пункт раскопок намечается в соответствии с планом в селе Красноярском Смоленского района, где экспедиция проработает дней 10–12». Руководитель экспедиции Сергеев.

Сентябрь. *Бийск, горпрос:* «Общество изучения Сибири по поручению Госторга текущим летом производило ряд экспедиций для сбора научных коллекций, предназначенных для продажи заграничным музеям. Участник Алтайской экспедиции А. П. Марков, учитель, работающий в Бийске, по возвращении из экспедиции, где он выполнял обязанности топографа и фотографа, мобилизован для отправки в деревню, в связи с чем срывается работа экспедиции, поскольку тов. Марков должен быть в порядке камеральной работы на основании полевых описей дать ряд планов и чертежей, связанных с работой экспедиции. Ходатайство начальника экспедиции тов. Сергеева о предоставлении тов. Маркову отсрочки на месяц для окончания работы экспедиции, профессиональные Бийские организации отклонили. Ввиду исключительной государственной важности экспортных экспедиций Общества, что подтверждено специаль-

ным распоряжением Сибкрайсовнарпроса весной этого года, Общество изучения Сибири ходатайствует о предоставлении т. Маркову отсрочки поездки в деревню на один месяц». Ученый секретарь Ауэрбах И. О. секретаря Кадомцев.

13 ноября. *Заведующему Домом крестьянина:* «7 ноября Бийский музей открыт для посетителей. Причем, ввиду перехода на непрерывную пятидневку не представляется возможным выделить для крестьянских экскурсий определенные дни недели, как это было в прошлом году, и взамен их выделяются числа месяца. Расписание на ноябрь прилагается. Музей просит командировать своего представителя, договориться о порядке и часах этих экскурсий. В минувшем году Домом крестьянина не были полностью использованы предоставленные дни для экскурсий, и число пропущенных через музей крестьян невелико. Между тем воспитательное значение краеведческого музея, каковым становится Бийский музей, едва ли может быть оспариваемо, особенно в настоящее время — культпохода». С. Сергеев.

Декабрь. «Бийский государственный музей имеет в своем составе отделы:

1. Геологический;
2. Зоологический;
3. Сельского хозяйства и коллективизации;
4. Лесного хозяйства и охоты;
5. Этнографический;
6. Археологический;
7. Историко-революционный;

В ближайшие дни будет переоборудован отдел сельского хозяйства, и предполагается открыть новый отдел промышленности и социалистического строительства нашего края. Организованные экскурсии музей проводит бесплатно. По заявкам завкомов, месткомов, клубов музей проводит лекции и беседы с проекционным фонарем на антирелигиозные, естественно-исторические и др. темы». С. Сергеев.

1931 год

20 сентября. *Выписка из протокола заседания правления коммуны им. Сталина с. Енисейское:* «Слушали: о взятии шефства над музеем г. Бийска. Постановили: шефство принять, для чего избрать в общественно-политический совет музея Зачаинова А. Г. и кандидата к нему Балахнина Я».

Ноябрь. Директору Зоологического музея Академии Наук: «Жесткое сжатие импорта поставило принципиальные и в частности Бийский Государственный музей в весьма тяжелое положение в отношении снабжения их принадлежностями для монтировки коллекций. Так, например, Бийский музей в конце прошлого и начале этого года нигде не мог достать энтомологических булавок и стеклянных глаз для чучел птиц. Ввиду сего музей обращается к Вам с просьбой, не найдете ли возможным снабдить его энтомологическими булавками №№ 0, 2, 4 и 6 в количестве хотя бы по 100 штук каждого из этих номеров, а также несколькими десятками стеклянных глаз для мелких птиц, 3–4 пары для уток, столько же для филинов, сов, орланов и крупных ястребов. Со своей стороны музей мог бы оплатить их себестоимость или выслать в обмен ряд палеонтологических объектов в виде черепных крышек бизона и нижних челюстей мамонта, а также отдельных зубов». Заведующий Бийским Государственным музеем Сергеев С. М.

Экспедиция музея в с. Сrostки, 1930 г.

Передвижная выставка музея в колхозе, 1931 г.

1933 год

13 марта. *Начальнику строительством Чуйского тракта т. Вишневному:* «Цудорттранс заключил на 1933 г. с Центральным бюро краеведения РСФСР договор по организации краеведческой научно-пропагандистской работы по авто-дорожному транспорту. В частности, краеведческому музею в Бийске поручена организация показательного отдела (уголка) дорожного транспорта, на материале Бийского района. Цудорттранс поручил, кроме того, Бийскому району по соглашению с центральным бюро краеведения через местный музей организовать специальную передвижную выставку по пунктам дорожного строительства (2-й квартал 33 г.). Цудорттранс предлагает Вам оказать всемерно содействие в предоставлении материалов, данных, необходимых цифр и копии документов и планов зав музеем в Бийске (т. Сергееву), а также оказать ему необходимую консультацию по реализации порученной ему Центральным Бюро Краеведения работы». Зам. Начальника техпропаганды ЦДТ Дукельский.

Март. *Заведывающему Бийским музеем т. Сергееву:* «Управление Техпропаганды Главдорттранса своим отношением от 13/III–33 г. за № ДП-133/1 сообщило, что Вам поручена организация показательного отдела (уголка) дорожного транспорта на материалы Бийского района. Управление Стройшосдора № 6 просит сообщить, какие Вам желательно получить от нас материалы для указанной цели, а также нужна ли Вам консультация». Начальник Управления Вишневецкий. Секретарь Руткас.

1934 год

2 октября. *Председателю жилищной кооперации:* «Художник Брянцев В. Л. пишет картину для археологического отдела и нуждается в помещении». Директор музея С. Сергеев.

3 декабря. *Письмо ученого секретаря ГИМ Крайнова и зав отделом учета памятников профессора В. Л. Городцова директору музея А. П. Маркову, Москва:* «Очень благодарны Вам за согласие включиться в работу по учету археологических памятников. Ждем присылки обещанных материалов (карточек и карты). Кроме того, не откажите на те из памятников, которые, по Вашему мнению, имеют наиболее музейное значение, составить особые паспорта по прилагаемой форме. Их желательно получить возможно скорее, чтобы дать к 1-му января 1935 года в Комитет по охране памятников при ВЦИК окончательно отредактированный список археологических заповедников и заказников, в целях утверждения его правительственным постановлением. Государственный Исторический Музей считает желательным привлечь Вас в число своих официальных членов-корреспондентов. Не откажите сообщить о согласии взять на себя это звание. Кстати укажите, если Вам известно, где в настоящее время работает бывший директор Бийского музея археолог С. М. Сергеев. С товарищеским приветом уч. Секретарь ГИМ Крайнов. Зав. отделом учета памятников профессор В. А. Городцов».

1935 год

Май. *Удостоверение:* «Предъявитель сего, директор Бийского музея тов. Марков А. П. является Начальником Краеведческой научно-исследовательской партии Бийского музея. В задачи партии входит:

1. Изучение и сбор материала на древних стоянках в пойме реки Бии и Оби.
2. Сбор материала по истории революционного движения и гражданской войны.

3. Запись фольклора.

4. Сбор материала по зоологии (энтомология, орнитология, ихтиология).

5. Сбор гербария (лекарственные, кормовые и дикорастущие волокнистые).

6. Сбор геологического материала. Район деятельности партии в границах бывшего Бийского округа, Большереченского района. Всем организациям и учреждениям просьба оказывать тов. Маркову содействие в проведении возложенных на него обязанностей». Председатель райисполкома.

23 июня. Из книги отзывов. С. В. Кисилев, действительный член Института материальной культуры им. Академика Марра: «Необходимо выставить те коллекции музея, которые иллюстрируют жизнь края в 1 тыс. до н. э. и в 1 тыс. н. э. Это позволит сомкнуть археологический ряд с этнографическим. Этнографические коллекции следует экспонировать — они подводят ярко посетителя к сегодняшнему дню».

11 июля. Из книги отзывов. Действительный член, ученый секретарь Государственного музея этнографии (Ленинград) Л. Потапов: «Музей произвел хорошее впечатление, главным образом, тем обстоятельством, что в сделанных экспозициях чувствуется много изобретательности. Что весьма облегчает восприятие показа и, несомненно, свидетельствует об интересе и любви к делу работников музея. Досадное впечатление производят лишь теснота помещения и недостаток музейного оборудования. Устранение этих моментов весьма ускорит развитие музея, который имеет все основания считаться одним из активных музеев края».

11 июля. Из книги отзывов. А. Данилин, этнограф, г. Ленинград: «Музей как научно-исследовательское учреждение должен иметь соответствующий бюджет. Смешно: в год музей имеет 500 рублей на все научные расходы! Можно отметить кое-какие неполадки в этикетаже, чрезмерном обилие текстов. Но музей правильно ставит и разрешает все специфические задачи. Можно, побывав здесь, составить почти исчерпывающее представление о местном крае».

22 июля. Из книги отзывов. Г. П. Сосновский, сотрудник Института истории материальной культуры: «Музей производит приятное впечатление не только на рядового посетителя, но и на научных работников центра. В экспозиции чувствуется желание дать представление о крае, его прошлом и настоящем».

22 сентября. Договор: «Западно-Сибирское Бюро Краеведения (ЗСБК) и Бийский краеведческий музей заключили договор о нижеследующем: Музей берет на себя обязательство организовать краеведческое изучение дикорастущих волокнистых растений в Бийском районе. Музей обязан представить в ЗСБК к 1 ноября отчет о проделанной работе, в котором должны быть указаны размеры зарослей волокнистых растений по каждому выделенному виду с приложением к отчету схематической карты района с указанием на ней выделенных массивов и приложением гербарных образцов растений. ЗСБК выделяет 350 рублей на исследование».

8 октября. Газета «Звезда Алтай»: «4 октября в Бийском музее открылась выставка работ художника Кузнецова. На выставке представлено 120 этюдов и картин. Выставленные картины охватывают период работы художника с 1906 по 1935 г. К числу больших и хорошо выполненных работ можно отнести картину «Алтай хмурится». Трудящиеся Бийска проявляют большой интерес к выставке. За три дня с 4 по 6 октября выставку посетило 933 человека».

1938 год

20 марта. *Акт:* «Составлен Филипповой Ю. С. и директором Бийского Госмузея Марковым А. П. в присутствии инженера Бошкова Г. М. в том, что первая — Филиппова Ю. С. сдала, а второй — Марков А. П. принял для передачи в архив Госмузея, оставшиеся после смерти горного техника Филиппова Константина Григорьевича следующие материалы: Черновики к сводным работам по месторождениям полезных ископаемых в с/зап. части Алтая. Дело по краеведческому Обществу за 1933–34 гг. Материалы по месторождениям золота в средней части сев. Алтая, составленные по архивным материалам Главного управления Алтайского округа К. Г. Филипповым в 1934 г. Папка с проектами докладов и перепиской. Три папки с разного рода черновыми материалами и картами о полезных ископаемых. Папка с делами Бийского промсоюза с черновыми записями о полезных ископаемых». Сдала: Филиппова. Принял: Директор Госмузея Марков. Инженер: Бошков.

15 сентября. *Договор между музеем и художником Д. И. Кузнецовым:*

«Кузнецов Д. И. обязуется написать 4 картины для музея:

1. Лесостепь — 80 x 200 см;
2. Лесная зона — 80 x 200 см;
3. Общий вид колхоза «Путь Ленина» — 85 x 200 см;
4. Уборка урожая комбайном — 85 x 150 см;

К 1 января 1939 г.».

29 октября. *В првление ЦРК:* «Бийский музей просит выдать ордер на получение двух пар мужских галош. Научные работники за неимением в продаже мужских галош и по неимению сапог, ходят в ботинках». Директор музея Сергеев С. М.

1939 год

25 января. *Заместителю заведующего крайоно т. Давыдову от врид. директора Бийского краеведческого музея Себелева И. С. Из докладной:* «Была назначена комиссия для приема дел и имущества музея. Означенная комиссия свою работу не закончила, была проведена только финансовая часть. Директором музея был назначен Бихалдин, который, не приступая к приемке, был вызван в крайоно. Районо приказом от 3 августа 1938 г. назначил сотрудника музея Антипенко ответственным лицом за проверку и передачу имущества. Все было проверено и составлены акты, но передачи не было. Прошу вызвать меня в Крайоно для информации о состоянии музея».

8 августа. *Командировочное удостоверение:* «Предъявитель сего научный сотрудник Бийского краеведческого музея т. Сергеев Сергей Михайлович совместно с 4-мя практикантами, членами археологического кружка при музее командирован в с. Фоминское и Одинцовку для производства археологических разведок и, в необходимых случаях, раскопок. Бийский краеведческий музей просит сельские учреждения и организации оказывать т. Сергееву необходимое содействие». Директор Бийского музея Антипенко.

1940 год

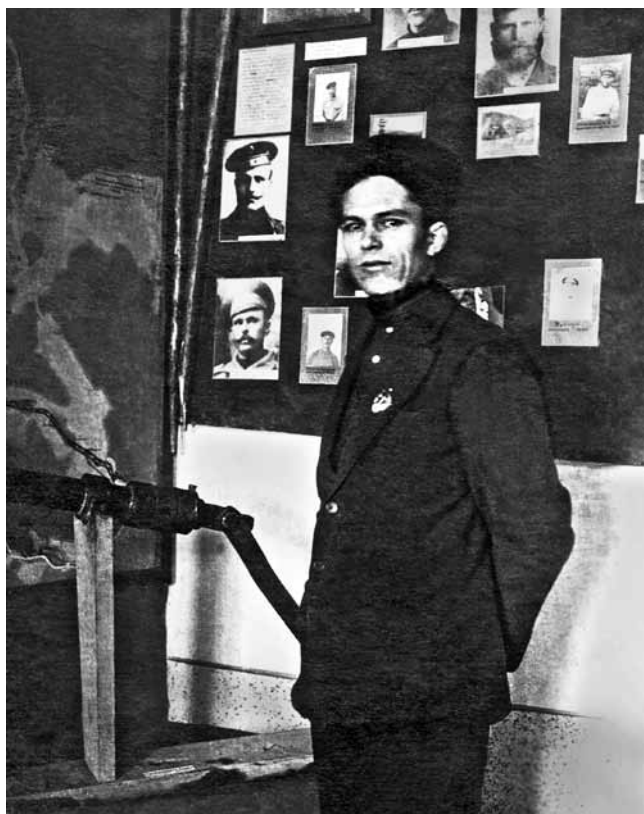
16 апреля. *Акт о передачи музею усадьбы по адресу ул. Советская, 44 согласно решению горсовета:*

«В наличии оказалось:

1. Изгородь наружная с воротами ветхого состояния не пригодная на 100 %;

Здание, построенное в 1940 г. для музея

Иван Семенович Себелев, директор музея. Погиб на фронте

2. Сад: деревья 20-летние — 4 шт., деревья 18-летние с засохшими кронами — 3 шт., куст черемухи, кусты черной смородины — 2 шт., грядка малины. Сдал домоуправляющий 6 домоуправления Титов С. М. Принял директор музея Антипенко Р. А.».

1941 год

6 января. Докладная записка в Горсовет директора музея Антипенко Р. А.: «В 1940 году для расширения выставочной площади музея путем постройки подсобного здания в порядке внелимитных ассигнований Бийскому музею было отпущено 30 000 рублей. Из них позднее Горфо было снято 3 200 руб. На оставшуюся сумму в 1940 году выстроено вчерне полукаменное двухэтажное здание. Бийский музей полагал бы необходимым, в интересах дела, теперь же приступить к внутренней отделке здания, используя имеющийся запас стройматериалов и рабочую силу в лице бригады из 5 плотников. Срочность достройки здания вызывается необходимостью как можно скорее перевести музейные запасные фонды в постоянное помещение, оставление их в сарае на более продолжительный срок может привести к порче или повреждению от сырости. На осуществление изложенного Бийский музей испрашивает разрешения на отпуск в январе месяце 10 000 рублей, не ожидая прохождения смет, которое обычно затягивается на несколько месяцев».

20 марта. Газета «Бийский рабочий»: «В связи с развитием практических навыков учащимся, музей для биологов стал насущной необходимостью. Под руководством И. И. Рычкалова с начала учебного года работает кружок биологов, который систематически посещают 6–8 человек учителей средних школ. За это время кружок основательно освоил изготовление чучел птиц».

22 мая. Газета «Бийский рабочий»: «Бийский краеведческий музей получил от института материальной культуры имени академика Марра «Открытый лист» на право проведения научной экспедиции. Экспедиция произведет исследование древних стоянок вниз по Оби на протяжении 150 километров. В селах Камышенка, Уч-Пристанского района и Большая Речка, Топчихинского района будут произведены раскопки для изучения Карасукского этапа древней бронзовой культуры. Найденные экспонаты пополнят отдел истории музея. Руководство экспедицией возложено на научного сотрудника музея тов. Сергеева С. М.».

27 мая. Газета «Бийский рабочий»: «При Бийском краеведческом музее из учащихся школы № 6 создан кружок юных археологов. Занимаются в нем 12 человек. Кружком руководит научный сотрудник тов. Сергеев. Наступающее лето этого года будет первым серьезным испытанием для юных археологов. В начале июня кружковцы на лодках спустятся по Бии до села Уч-Пристань. В селе Камышенка и Б. Речке юные археологи сделают раскопки на местах древних стоянок. В походе ребята познакомятся с бытом и орудиями производства древних времен».

19 июня. Газета «Бийский рабочий»: «Научный сотрудник музея тов. Сергеев С. М. по заданию Ленинградского института материальной культуры имени Н. Я. Марра пишет научную работу. Она выйдет в книге «Очерки по истории народов Средней Азии и Южной Сибири». В основу своей работы Сергеев кладет материал исследования верховьев Оби, Бии и Катуня».

2 сентября. Приказ № 32. По Алтайскому краевому отделу народного образования. Барнаул: «Во исполнения приказа Наркома Просвещения № 1745 от 16 августа 1941 г. директорам краеведческих музеев приказываю: Снять с экспозиции и выставок

1. Все цифровые данные, характеризующие экономику края, в том числе абсолютные цифры производительности предприятий, цехов и отдельных стахановцев.

2. Все топографические материалы, в особенности подробные географические карты, планы городов и карты размещения промышленных и прочих объектов.

3. Фотоснимки (в особенности панорамные) заводов и предприятий союзной, республиканской и местной промышленности, а также МТС, совхозов и колхозов, виды электростанций, гидростанций, имеющих оборонное значение.

4. Немедленно прекратить выдачу отдельным лицам каких-либо справок, характеризующих экономику края, области.

25 ноября. *Выписка из решения Бийского горсовета:* «Для размещения формирований госпиталей отвести следующие здания: Советская, 42 — 2 дома. Обязать директора музея все экспонаты сложить в склад, представленный горкомхозом, а часть экспонатов разместить в гортеатре». Председатель С. З. Елкин.

Декабрь. «Большинство музеев до сих пор не уделяют должного внимания собиранию материалов, относящихся к Великой Отечественной войне с германскими фашистами. В то же время музейным работникам хорошо известно, что многие очень ценные материалы, характеризующие период гражданской войны, бесследно исчезли только потому, что вовремя их не собрали. Необходимо немедленно организовать сбор и пополнение основных фондов музея экспонатами, относящимися к нашей героической эпохе. Собирать следует: документы, приказы, объявления, афиши, письма, фотографии, плакаты, художественные произведения (картины, рисунки, «Окна ТАСС», скульптуру), трофеи, реликвии и пр. Собранные материалы после инвентаризации должны быть использованы как в основной экспозиции, так и для выставок — стационарных и передвижных. Дублетные материалы собирайте в областной фонд. О проделанной работе информируйте». Зам. Начальника Управления политпросветработы и Начальник Музейного Отдела НКП РСФСР — Маненский.

1942 год

16 марта. *Соцобязательство:* «Включаясь в социалистическое соревнование в честь 24-й годовщины Красной Армии, беру на себя обязательство провести работу по оформлению музея добросовестно и в срок, готовиться к политинформации и посещать лекции агитпункта». Художник Кузнецов.

30 марта. *Акт:* «Хранитель фондов Рычкалов И. И. и зав. клубом военного госпиталя 25-01 Лендор Раиса Алексеевна составили настоящий акт о том, что музеем было выдано 29 декабря 1941 г. на временное пользование 15 экспонатов военному госпиталю 33054. При отъезде последнего из Бийска 7 марта 1942 г. все 15 экспонатов были увезены. Зав. фондами Рычкалов И. И. застал отъезд госпиталя на вокзале и потребовал возврат экспонатов. Начальник госпиталя Кроль и зав. клубом Дектер и военком Шилов заверили, что экспонаты оставлены ими в стенах госпиталя 25-01. Администрация госпиталя 25-01 категорически заявила, что экспонатов нет в госпитале». Зав. фондами Рычкалов И. И. Зав. клубом госпиталя 25-01 Лендор Р. А.

25 июня. *Заявление заведующему торговделом:* «Бийский краеведческий музей просит вас оказать содействие к получению одной пары обуви, необходимой для экспедиции, отправляемой для обследования стройматериалов по заданию Наркомстроя

в верховья Бии, т. к., приглашенный руководитель экспедиции геолог-разведчик т. Сивак эвакуированная и не имеет никакой обуви кроме босоножек. Мы пытались было добыть обувь в кожаной обуви и промсоюзе, но безуспешно. Сидящие там люди очевидно не могут понять важности и срочности этих работ». Директор музея.

Июль. Директору птицекомбината. Директору спичечной фабрики Бийска: «Бийский краеведческий музей организует в августе месяце 1942 г. выставку плакатов художника лауреата Сталинской премии Черемных. Открытие задерживается из-за отсутствия печатной бумаги. Музей убедительно просит Вас отпустить 50 метров за личный расчет». Директор Тужиков.

22 сентября. Директору Бийского музея: «В соответствии с решением Исполкома от 18 сентября 1942 года № 495 об уборке урожая свеклы вам установлено убрать в колхозе «Заветы Ильича» Ново-Чемровского сельсовета Зонального района 2,0 га. Срок окончания уборки 15 октября 1942 г. Выделенных людей направляйте в колхоз не позднее 23 сентября сего года. Об исполнении доложить Заместителю тов. Маторину».

23 октября. В горисполком Бийска: «Бийский краеведческий музей посылает вам справку от колхоза «Заветы Ильича» Ново-Чемровского Сельсовета о выполнении работниками музея работ по уборке свеклы. Убрано 2,5 га». Директор Тужиков.

1943 год

28 февраля. Газета «Бийский рабочий»: «Бийский краеведческий музей открыл комнату школьника. В этой комнате сосредоточены коллекции, наглядные пособия применительно к средней школе при прохождении программы по биологии, основам дарвинизма и геологии». Директор музея С. Тужиков.

Отчет музея за 1943 г.: «Музею принадлежат 2 здания. Подсобное полукаменное здание, построенное в 1940–41 гг., состоящее из 2 этажей и занимающее полезную площадь 229,8 кв. метров было отдано по распоряжению горисполкома для семей военнослужащих и занято ими по настоящее время. Второе главное здание, площадью 352,2 кв. метров. В этом здании расположены экспозиции музея, фондохранилище, библиотека, рабочая комната и комната сторожиков. Фонды занимают 2 комнаты площадью 49 кв. метров». Директор музея Ривлина А.

1944 год

16 марта. Газета «Бийский рабочий»:

В городском музее

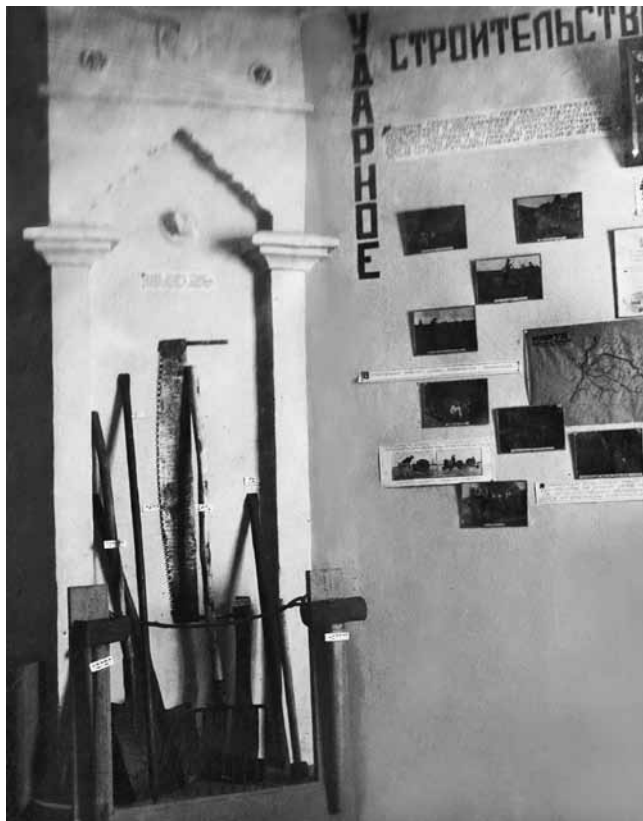
«При музее организуются курсы для преподавателей-биологов средних школ по сбору зоологических коллекций и набивке чучел».

27 августа. Газета «Бийский рабочий»: «Бийский краеведческий музей разработал план по организации отдела «История родного города». В документах и экспонатах этого отдела намечено отобразить «Бийск-крепость», «Бийск — караванно-торговый пункт», «Бийск в период Октябрьской социалистической революции», «Бийск в период мирного строительства», «Бийск в дни Великой Отечественной войны». Все работы к открытию этого отдела намечено закончить к октябрьским торжествам».

Август. Из воспоминаний В. С. Ужинцевой, младшего научного сотрудника музея с октября 1943 г. по август 1944 г.: «...Здание музея не отапливалось. Для музея

Фрагменты экспозиции БКМ в доме Варвинского, 1954 г.

выделялись делянки за рекой для рубки дров. Завхоз валил дерево, сотрудницы рубили сучья, распиливали. Иногда давали лошадь, но чаще вывозили на санках на себе распиленные кругляки до музея. Завхоз колот дрова, хотя был ранен в руку. Весь музей держался на нем. Коллектив — одни женщины...».

1945 год

15 апреля. *Директору Бийского краеведческого музея:* «Бийская контора Алтайторга для снабжения номерных заводов, госпиталей, детсадов и детдомов обязана произвести отстрел водоплавающей дичи в количестве 9 000 шт. и для этой цели нуждается в рабочей силе. В вашем аппарате работает специалист — охотник т. Рычкалов Иван Иванович, которого и просим откомандировать в наше распоряжение на сезон отстрела водоплавающей дичи, согласно нашей договоренности сроком на две недели». Зам. Управляющего. Начальник загототдела.

1949 год

Из отчета по отделу природы БКМ: «В марте был составлен план-эскиз построения экспозиции отдела природы, предполагая, что он будет занимать весь первый этаж здания по Советской, 42».

1955 год

Июнь. *Газета «Бийский рабочий»:*

Бийскому краеведческому музею 35 лет

«В этом году исполняется 35 лет со времени основания Бийского краеведческого музея. Музей основан в 1920 году по инициативе Бийского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Вокруг музея создался актив краеведов-любителей, в нем ведется научно-исследовательская работа по изучению родного края. Большинство экспонатов и материалов музея собраны трудом краеведов-любителей. По организации отдела археологии и сбору для него разных экспонатов многое сделал археолог Сергей Михайлович Сергеев. Им было открыто 34 городища, 9 стоянок, 40 могильников и курганов, 11 пещер. С. М. Сергеев за 20 лет обнаружил и доставил в музей 892 предмета: орудия труда, древнее оружие, кости человека и кости животных. Он собрал также множество материалов для отдела «Гражданская война на Алтае». Большой вклад в создание музея сделал писатель Виталий Бианки. В настоящее время в Бийском краеведческом музее имеется три отдела: дореволюционного прошлого, истории советского периода и отдел природы. Большой интерес посетителей вызывают разделы: «История возникновения города Бийска», «Развитие горного производства на Алтае». Большой популярностью среди горожан пользуется постоянная выставка китайского искусства. В библиотеке музея собрано около четырех тысяч книг и журналов. За 35 лет музей посетили многочисленные экскурсии — школьники, рабочие, служащие, экскурсии туристов, приезжающих на Алтай со всех концов Советского Союза. Только в этом году музей посетили более 13,5 тысяч человек. Сейчас тут ведутся работы по преобразованию отдела природы. На днях будет открыт отдел промышленности». Ф. Корда.

Ноябрь. *Институту истории материальной культуры Академии наук СССР. Заявка:* «Бийский краеведческий музей просит выдать открытый лист на право археологических разведок формы № 2 (с правом вскрытия незначительных участков памятника)

В Бийском краеведческом музее, 1954 г.

заведующему отделом истории дореволюционного периода тов. Кадикову Борису Хатмиевичу. Музей планирует работы на летние месяцы (май — август) 1956 г. в окрестностях озера Иткуль, Зонального района Алтайского края, где в октябре этого (1955) года тов. Кадиковым Б. Х. собран обильный подъемный материал из разрушаемых памятниках, расположенных непосредственно на берегах озера Иткуль. Тов. Кадиков окончил исторический факультет Молотовского госуниверситета со специализацией по археологии. За время учебы участвовал в ежегодных работах (1951–1955 гг.) в Камской археологической экспедиции под руководством О. Н. Бадера. Самостоятельные археологические работы проводил летом 1953–1954 гг. по открытым листам формы № 3. К заявке прилагается сообщение отдела полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР об утверждении его отчета по разведкам 1953 г.». Директор Бийского краеведческого музея Король А. К.

Декабрь. Из книги Малолетко А. М. «Алтайскому отделу Русского географического общества в городе Бийске 60 лет», Барнаул, 2015: «Активной группой краеведов — М. Р. Розеном, Б. Ф. Бельшевым, В. М. Остроумовым, Б. Х. Кадиковым и другими — создается Алтайский отдел Географического общества Союза ССР, "резиденция" которого находилась в музее. Алтайский отдел ГО СССР фактически возглавил координацию исследований естествоиспытателей путем проведения научно-практических конференций и издательской деятельности».

1956 год

«В этом году заканчивается построение новой экспозиции отдела природы, открывается отдел дореволюционной истории» (из отчета).

1958 год

«На 1 января 1959 года в Книгах поступлений числится 15 546 единиц хранения. В течение года фонды пополнились на 833 предмета» (из отчета).

«В летний период научный сотрудник Кадиков Б. Х. с кружковцами провел две научных командировки в районы среднего течения Катуня, откуда был привезен археологический материал» (из отчета).

«Опубликовано сообщение «Итоги трехлетней археологической работы Бийского музея» в сборнике материалов конференции по изучению древней истории народов Сибири, проходившей в Новосибирске в 1958 г.» (из отчета).

«Ежемесячно с апреля для телевидения готовился "Календарь природы". Установлена связь с ученым-археологом С. И. Руденко. От него получены фотографии с раскопок у села Усть-Кан» (из отчета).

27 февраля. Директору Бийского Гос. Музея: «Уважаемый Товарищ! Значительная группа видных ученых нашей страны проявляют заинтересованность в научно-правовом оформлении зоолога, тов. Бельшева Б. Ф., стремясь по возможности обеспечить ему наиболее благоприятные условия для работы. Это объясняется широкой известностью т. Бельшева в кругах отечественных натуралистов, как зоолога широкого профиля, при том единственного специалиста по отряду насекомых — стрекоз. Своими трудами т. Бельшев давно заслужил право стоять в ряду дипломированных ученых, на что не имеет формальных данных. Расстроенное здоровье т. Бельшева

Краевое совещание музейных работников в БКМ, 1956 г.

Геннадий Иванович Панаев, директор БКМ с 1957 по 1969 г.

затрудняет ему возможность подготовиться к сдаче кандидатского минимума, между тем как основа получения ученой степени — диссертация — у него фактически давно готова. Думается, что интересы дела требуют постановки вопроса о том, чтобы ВАК освободил тов. Бельшева, как ученого с большим стажем и солидным числом ученых трудов, от сдачи кандидатского минимума. Примеров такого освобождения много и требуется только ходатайство заинтересованных учреждений. Я надеюсь, что Вы, как руководитель учреждения, где работает т. Бельшев Б. Ф., присоедините свой голос к ходатайству об освобождении его от обязанностей сдать кандидатский минимум». Профессор Иркутского Сельхозинститута В. Н. Скалон, доктор биологических наук.

1962 год

Июль — август. Из отчета об археологических раскопках Бийского музея на оз. Ит-Куль Зонального района в июле: «Раскопки на оз. Ит-Куль проходили в период с 18 июля по 24 августа 1962 года. Основная задача археологических работ заключалась в изучении памятников ново-каменного века, подвергшихся различным разрушениям. Во время раскопок добыт исключительно ценный материал. В фонды музея поступило более 10 000 фрагментов древней керамики, орудий труда, украшения из кости и др.».

3 октября. Справка: «Дело по обвинению гражданина Маркова Александра Павловича 1904 года рождения до ареста, т. е. до 27 мая 1938 г. работавшего директором Бийского музея Алтайского края, пересмотрено Президиумом Алтайского краевого суда 3 октября 1962 г. Постановлением тройки УПКВД Алтайского края от 25 октября 1938 г. отменено, дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Гражданин Марков Александр Павлович 1904 года рождения по настоящему делу полностью реабилитирован». Президиум Алтайского краевого суда.

1964 год

Из отчета отдела природы: «Собирательская работа в 1964 году значительно активизировалась и, главным образом за счет экспедиций и выездов. За лето 1964 года собраны следующие материалы: гербарий травянистых и древесно-кустарниковых растений высокогорных районов Алтая (70 листов), коллекцию птиц в тушках (450 экземпляров), коллекцию млекопитающих (10 экземпляров). Экспедиция в район хребта Сайлюгем (Юго-Восточный Алтай) позволила собрать ряд коллекций и продолжить изучение орнитофауны, ее хозяйственное значение, вертикальную зональность и видовой состав». Зав. отделом Ирисов.

Из отчета музея: «В 1964 году строится экспозиция по Великой Отечественной войне, которая получает высокую оценку в научно-исследовательском институте музееведения Москвы».

Из отчета музея: «В июне с целью поиска археологических памятников совершена поездка в верховья Бии. В результате поездки открыто 7 новых памятников древности, в том числе две стоянки каменного века и 5 селищ железного века (р-н села Дмитриевка и Новиково)».

Из отчета музея: «Из кабинета управляющего Госбанком получена старинная купеческая мебель. В гарнитур входят диван, два кресла, четыре стула».

Апрель. «При музее создано "Городское общество коллекционеров". В обществе состоит 37 человек. Члены общества ведут работу по организации выставок, как в стенах музея, так и в других организациях».

Сентябрь. «С целью пропаганды антирелигиозных знаний, а также помощи сельским школам в развитии краеведческой работы на местах была предпринята агитпоездка по селам Смоленского района».

1965 год

Февраль. *Директору Бийского музея Г. И. Панаеву:* «Многоуважаемый Геннадий Иванович! Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного ордена Ленина Эрмитажа в этом году будет продолжать начатые в прошлый полевой сезон исследования древних памятников, лежащих к югу от Южно-Чуйского и Катунского хребтов. Было бы желательно, чтобы Ваш музей, оказавший большую помощь экспедиции в 1964 г., не остался бы в стороне от ее работы и в нынешнем. В случае Вашего положительного отношения к изложенному, сообщите официально, в какую приемлемую для обеих сторон форму могло бы вылиться участие Вашего музея в общей работе. С уважением С. Сорокин, ученый секретарь Государственного ордена Ленина Эрмитажа».

1966 год

Список экспонатов этнографического характера, собранных в период экспедиции 1966 г.:

1. Маховик гарусный со свастиками (полотенце), с. Верх-Уймон.
2. Маховик гарусный на бархатной основе, с. Верх-Уймон.
3. Маховик гарусный с растительным орнаментом, с. Катанда.
4. Узор к стеновому полотенцу, с. Мульта.
5. «Рукава» с вышитым воротом и манжетами, с. В-Уймон.
6. Одеяло мужской гарусный, с. В-Уймон.
7. Одеяло гарусный с ромбическим орнаментом, с. Катанда.
8. Пояс именной «Ласточка касаточка по свету летала к земле припадала...», с. Тюнгур.
9. Именной пояс с надписью: «Пречистая Богородица...», с. Мульта.
10. Шляпа самокатанная, с. В-Уймон.
11. Кумган (рукомойник) чугунный каслинского завода, с. Тюнгур.
12. Прялка с росписью (цветы и птицы), с. В-Уймон.
13. Прялка с росписью (цветы).
14. Предметы этнографии алтайцев.

1967 год

26 августа. Газета «Московская правда»:

Имени писателя-натуралиста

«Бийскому краеведческому музею присвоено имя писателя Виталия Валентиновича Бианки. Здесь, в старинном алтайском городе, начинал он свой творческий путь, преподавал биологию в школе, много бродил с биноклем и ружьем по окрест-

ным местам. В 1922 году писатель руководил первой экспедицией краеведческого музея в район Телецкого озера. В ближайшее время в музее открывается большая выставка, посвященная В. В. Бианки». Бийск (Алтайский край), сотрудник «Алтайской правды» Л. Паршукова.

1968 год

26 февраля. *Завещание:* «Гор. Бийск тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, февраля двадцать шестого дня. Я, нижеподписавшийся, Потарский Михаил Павлович, проживающий в г. Бийске по ул. Деповской, № 10 настоящим завещанием делаю следующее распоряжение на случай своей смерти: Все мое имущество, которое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, где бы таковое не находилось и в чем бы таковое не заключалось, я ЗАВЕЩАЮ:

1. Все предметы искусства, как то: фарфор, бронза, хрусталь, часы, посуда, библиотека, нумизматическая и филателистическая коллекции, мебель и т. д. Бийскому краеведческому музею.

2. Домовладение со всеми надворными постройками, а также все бытовое имущество, которое не пожелает взять Бийский музей — моему родственнику Шубенко Михаилу Васильевичу, проживающему в г. Барнауле по ул. Гоголя № 20.

3. Содержание ст. 534 и 585 ГК РСФСР мне разъяснено.

4. Настоящее завещание составлено в двух экземплярах, из которых первый остается в делах Бийской нотариальной конторы, второй выдается на руки завещателя Потарскому Михаилу Павловичу.

Подпись завещателя удостоверено нотариусом Государственной нотариальной конторы Бийского района Сазоновой В. Н. Завещание подписано гр. Потарским Михаилом Павловичем в моем присутствии собственноручно. Самоличность и дееспособность завещателя проверены».

1972 год

Сентябрь. В штат работников музея зачислен Леонид Александрович Мальцев, бывший работник Центральной городской библиотеки, вышедший на пенсию. Работая в музее, Леонид Александрович провел большую работу по выявлению памятников архитектуры Бийска, их истории. Собранные им материалы дополнили документальный фонд музея и вошли в научные работы многих поколений краеведов.

1975 год

«В 1975 году была подготовлена большая выставка: "Боевой и трудовой подвиг бийчан в Великой Отечественной войне" в выставочном зале. За 9 месяцев ее посетило 200 000 человек» *(из отчета)*.

1989 год

Январь. В Москву на учредительную конференцию Общества «Мемориал» был приглашен Владимир Львович Сосновский. Вернувшись в Бийск, он предложил организовать отделение Общества при Бийском краеведческом музее.

Заседание ученого совета в музее, 1976 г.

Экспозиция музея, 1982 г.

16 октября. Бийское отделение Общества «Мемориал» было зарегистрировано. Задачей Общества являлось розыск бывших репрессированных, сбор материалов и документов, розыск мест массовых захоронений.

Ноябрь. В Ленинграде скончался Михаил Федорович Розен — основатель Алтайского отдела ГО СССР в Бийске. Остался богатый архив, за которым выехала н/с музея. Архив удалось привезти в Бийск в краеведческий музей: 135 единиц хранения документального фонда, а также предметные материалы, в том числе уникальный кофр, который принадлежал прадеду Розена — герою Отечественной войны 1812 года.

1995 год

Июнь. Газета «Бийский рабочий»:

В музее тесно от гостей

«Столько именитых гостей сразу краеведческий музей имени В. В. Бианки принимал не часто. А тут выдался повод — на прошлой неделе отмечалось 75-летие нашего музея. Среди гостей были дочь и внук Виталия Бианки — Елена Витальевна и Александр Михайлович, а также представители музеев Барнаула, Горно-Алтайска и Сrostок, краевой и городской администрации, директора предприятий, люди разных профессий и возрастов — искренние друзья музея. А вообще-то подарки музею преподносятся не только в дни юбилеев. Несколько лет назад ему был предоставлен просторный особняк купца Ассанова, а через месяц после завершения капитального ремонта он получит свое второе, красное, здание на улице Советской, в восстановление которого вложено 400 миллионов рублей». Г. Уваров.

Август. Газета «Бийский рабочий»:

Юбилей за юбилеем

«Краеведческий музей имени В. Бианки буквально захлестнули юбилеи: сначала 75-летие этого учреждения отпраздновали, затем — юбилейные даты некоторых сотрудников. К примеру, 25-летие деятельности в музейных стенах Л. Н. Новиковой, директора выставочного зала, и 20-летие работы фотографа Н. Н. Пономарева.

А на днях друзья, коллеги, представители общественности поздравили опытного сотрудника, заведующего историческим отделом музея Б. Х. Кадикова. Борис Хатмиевич в ответ на поздравление заверил:

– Работал, работаю и буду работать, сколько позволит здоровье и время. Поскольку много еще надо сделать из запланированного.

Пожелаем творческой удачи этому неутомимому пропагандисту краеведения и музейного дела». К. Сергеева.

1999 год

Январь. Газета «Творческий Алтай»: «В одном из залов Бийского городского музея, расположенного в бывшем особняке купца Варвинского, четвертый год работает музыкально-экспозиционный салон. За это время он стал одним из своеобразных культурных родников, которых немало в Бийске. Основные цели салона — это через тематические вечера, камерные концерты, авторские встречи, выставки живописных работ и декоративно-прикладного искусства будить у горожан интерес к музею, знакомить с творчеством талантливых мастеров в различных жанрах, стилях и направлениях». Н. Толмачева, заведующая музыкально-экспозиционным залом.

Сотрудники музея на юбилее Б. Х. Кадикова

Музыкально-экспозиционный салон в доме Варвинского

2001 год

26 января. Газета «Бийский рабочий»: «В музыкально-экспозиционном салоне краеведческого музея им. В. В. Бианки выступил фольклорный ансамбль кумандинцев. История этого древнего народа полнится событиями и в наши дни. Большим праздником стало открытие в 1997 году зала по истории и этнографии кумандинцев на их исторической родине, на бийской земле. Музей явился научным центром их быта, мест компактного проживания, языка и культуры». Г. Баканова.

10 июня. Газета «Бийский рабочий»: «В музыкально-экспозиционном зале краеведческого музея прошли дни польской культуры. Мероприятие подготовили и провели члены общества «Белый орел», созданного в Бийске несколько лет назад. Звучали стихи на польском и русском языках, мелодии Шопена...».

2002 год

26 июля. Газета «Бийский рабочий»: «В отделе природы Бийского краеведческого музея открылась выставка, посвященная геологии Алтая. Открытие ее прошло в рамках конференции музейных работников Алтайского края».

2004 год

24 ноября. Газета «Бийский рабочий»:

Чуйский тракт — дорога дружбы

«Под таким названием в "красном" здании Бийского краеведческого музея открылась передвижная фотовыставка, представленная фондом имени Ю. Кондратюка (Новосибирск), Институтом археологии и этнографии СО РАН, фондом "Объективная реальность" (Москва)".

2006 год

25 мая. Газета «Деловой Бийск»:

Аквамарин принес удачу музею

«18 мая в Барнауле прошел краевой фестиваль «Музейный перекресток», где было представлено более 30 разнообразных идей, интересных музейных экспозиций. Победителем краевого фестиваля стал Бийский краеведческий музей, представивший в Барнауле свадебный обычай "К тайне камня прикоснись", основанный на красивой легенде и магической силе аквамарина. За победу в фестивале Бийскому краеведческому музею подарили сертификат на приобретение компьютера».

2010 год

20 апреля. Газета «Наши Бийск»:

День дарителя

«С 2004 года Бийский краеведческий музей имени В. В. Бианки проводит День дарителя, принимая в дар от жителей города документы и вещи, представляющие исторический и этнографический интерес. В этом году День дарителя проводится 23 апреля в отделе природы по адресу: Советская, 42».

13 июля. Газета «*Наш Бийск*»:

У Чуйского тракта — новая прописка

«Музей Чуйского тракта сворачивает свою экспозицию для того, чтобы отправиться на новое место жительства. Созданный около двадцати лет назад, единственный в России музей дороги располагался не на главной автомагистрали, а в одном из заречных переулков — на территории ДСУ-10. Поэтому основной поток туристов, направляющихся в Горный Алтай и Монголию, обходил стороной эту уникальную экспозицию. Как рассказала бессменная заведующая музеем Елена Грехова, все изменилось после того, как минувшей весной у них побывал глава Бийска. Увиденное настолько впечатлило Анатолия Мосиевского, что он сразу принял решение сделать дорожный музей визитной карточкой города. Теперь коллекция подлинных документов, фотографий, вещей, отражающих историю строительства Чуйского тракта, разместится на втором этаже отдела природы Бийского краеведческого музея имени В. Бианки. Это здание жители и гости города называют «красным». Оно построено из красного кирпича более ста лет назад и принадлежало купцу-чуйцу Варвинскому. Символично, что именно это место — у моста через Бию принято считать «воротами» Горного Алтая и нулевой отметкой Чуйского тракта. Кроме того, Елена Грехова сообщила, что изменится статус музея дороги. Скорее всего, это будет отдел Бийского краеведческого музея — их экспонаты объединятся, и экспозиция получится еще интересней. Также в планах — расширить тематику музея: уделить внимание автомобилизации Чуйского тракта и дополнить материалами о шоферах-чуйцах».

21 сентября. Газета «*Наш Бийск*»:

Весь Чуйский тракт — как на ладони

«Замечательное событие в музейной жизни Бийска произошло 17 сентября. Музей Чуйского тракта, ранее существовавший на базе ДСУ-10 в Заречье, сменил «Место прописки». Теперь познакомиться с его уникальными коллекциями может каждый, кто заглянет в «красное» здание Бийского краеведческого музея, что стоит перед коммунальным мостом через реку Бию».

Н. А. Фролов

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ (1894–1959)

Удивительно, но всемирно известный детский писатель Виталий Валентинович Бианки, автор 120 книг и более 300 рассказов, повестей, сказок и статей, изданных общим тиражом 40 млн экземпляров, причастен к Бийскому краеведческому музею, который с 1967 г. носит его имя.

Виталий Валентинович имел немецко-итало-швейцарские корни. Его прадед был известным оперным певцом, и в интересах карьеры он поменял немецкую фамилию Вайс на итальянскую Бианки.

Его отец, Валентин Львович Бианки (1857–1920), был ученым и работал в орнитологическом отделении Зоологического музея Академии наук в Санкт-Петербурге.

Виталий Валентинович был третьим сыном в семье, родился в г. Санкт-Петербурге 30 января 1894 г.

Страсть к природе Виталий унаследовал от отца, которому с детства помогал обрабатывать коллекции и сопровождал его в летних путешествиях по изучению птиц и животных.

В молодости Виталий очень увлекался футболом. После окончания гимназии в 1915 г. он поступил в Петроградский университет на естественное отделение для получения профессиональных знаний в орнитологии.

В феврале 1916 г. 22-летний Виталий женился на З. Захаревич, и в этом же году был призван в армию. После окончания ускоренных курсов Владимирского военного училища его в чине прапорщика направили в артиллерийскую бригаду. В феврале 1917 г. солдаты избрали его в Совет солдатских и рабочих депутатов. Он стал членом партии эсеров, успел попасть в комиссию по охране художественных памятников Царского Села, но весной 1918 г. вместе со своей частью оказался на Волге. Летом 1918 г. прапорщик Бианки работал в самарской газете «Народ».

С наступлением войск Красной Армии В. В. Бианки эвакуировался из Самары в Уфу, затем в Екатеринбург, вновь в Уфу, затем в Томск и, наконец, в конце 1918 г. оказался в Бийске. В ходе этих переездов он, скорее всего, стремился избавиться от своего недавнего прошлого, и в Бийск приехал с новыми документами как Белянин Виталий Валентинович.

В. Ф. Гришаев, изучавший судьбу В. В. Бианки в г. Бийске, писал: «Он никогда не рассказывал, как прожил этот год и что привело его в этот забытый богом окраинный уездный городишко. Видимо, это было своего рода "хождение по мукам", мучительные поиски самого себя, своего места в революции» [1, с. 30].

С ноября 1918 г., поселившись с семьей в Заречье г. Бийска, Виталий Валентинович стал работать писцом 2-го разряда в земской городской управе. По документам

В. В. Бианки, 1938 г.

он был В. В. Беяниним, студентом Петроградского университета и орнитологом-коллектором Зоологического музея Российской академии наук, где старшим хранителем был его отец — Валентин Львович [2, с. 3–4].

После прихода советской власти в город Бийск Виталий Валентинович начинает преподавать в Алтайском народном университете орнитологию, являясь при этом одновременно лаборантом-зоологом при музее университета и хранителем библиотеки этого же университета. Он проявляет себя не только как отличный лектор, но и как способный организатор. С приходом в Бийск летом 1918 г. войск адмирала Колчака Бианки был мобилизован писарем артиллерийского дивизиона в г. Барнаул. Осенью 1919 г. он с семью рядовыми бежал с фронта [8, с. 7].

Сразу после разгрома Колчака 9 декабря В. В. Беянин возвращается в Бийск, становится по паспорту Бианки-Беяниним В. В. и уже с 10 декабря начинает работать в Бийском уездном отделе народного образования «инструктором по внешкольному образованию, специально по музейному делу» [2, с. 5].

Из газетной заметки «По Бийску. Советский музей» от 20.04.1920 ясно, что музейная коллекция Алтайского народного университета во время колчаковщины в Бийске «была выброшена на улицу» [3]. Сам университет вскоре прекратил свою деятельность.

События в те годы развивались стремительно. Уже в конце 1919 г., скорее всего, при непосредственном участии В. В. Бианки, в Бийском уездном отделе народного образования было принято решение о необходимости создания Бийского советского народного музея.

Первым заведующим музеем с 23 января 1920 г. был назначен Михаил Иванович Крот-Донорский, геолог, еще в 1918 г. создавший при Алтайском народном университете естественно-исторический кабинет [1, с. 34].

С 24.01.1920 заведующим зоологическим отделом готовящегося к открытию музея по решению коллегии отдела народного образования был назначен В. В. Бианки, который оставался при этом заведующим музейной секцией отдела народного образования.

«Основой музейного фонда, — писал В. Ф. Гришаев, — явились коллекции Алтайского народного университета и бывшей земской управы. Многие экспонаты — произведения живописи, скульптуры... были получены от учетно-реквизиционной комиссии при ревкоме... из особняков бийских богачей, бежавших с белыми. Приносили коллекции и отдельные экспонаты трудящиеся города и уезда» [1, с. 34]. Музею было передано двухэтажное каменное здание бывшей купчихи Ивановой по ул. Советской, 8. В структуре музея организовали пять отделов: геологический, ботанический, зоологический, археологический и восточного искусства.

Торжественное открытие Бийского советского народного музея для посетителей состоялось 14 апреля 1920 г. Одним из главных основателей музея по праву считается Виталий Валентинович Бианки, который не только самоотверженно лично трудился над экспонатами создаваемого музея, но и сумел привлечь десятки добровольных помощников из числа учеников бийских школ.

На качестве экспозиций сказывались теснота помещений: из шести тысяч собранных к открытию экспонатов удалось выставить только 35 %. Музей сразу стал популярным у горожан. За полгода после открытия его посетило около 5 тыс. человек. Сотрудники музея прочитали 30 лекций и провели 22 практических занятия на биологические темы. На лекцию приходило по 50 человек, однако не все желающие могли попасть. На организацию музея были направлены большие средства. Месячный фонд зарплаты достигал 15 тыс. рублей. Из 14 штатных работников музея 8 являлись научными сотрудниками [4, с. 4].

Сотрудники музея ставили перед собой высокие задачи: «Первой целью музея является просвещение народа. Показать народу, какими колоссальными богатствами он обладает, научить его смотреть на эти богатства глазами понимания и знания» — так было написано в июле 1920 г. Бийскому уездному исполкому в докладе «О задачах, значении и нуждах Бийского советского народного музея» рукой В. В. Бианки.

С осени 1920 г. Виталий Валентинович начинает преподавать биологию и мироздание в школе II ступени им. А. Луначарского, помещавшейся в доме № 162 по ул. Л. Толстого, и в нем проявляется большой талант преподавателя. Слушали его, затаив дыхание. «Мы получали от него любовь к природе, любовь к жизни», — вспоминали ученики [1, с. 8].

Материальное положение музея тем временем резко ухудшилось. Уже в мае 1920 г. заведующий музеем просил, например, в Бийском кооперативе для нужд музея четыре коробки спичек и фунт мыла, но получил отказ [1, с. 35].

Е. Г. Лазарева, родственница первого заведующего, вспоминает о музее: «Дом был большой, недостроенный, с двумя выходами — парадным и черным. Отовсюду дуло. Окна были большие, плохо заделаны, полы не крашены...» [2, с. 6].

В письме от 27.01.1921 к своему другу Г. Х. Иогансену в Томск Бианки пишет: «...Ухожу из дома с утра, прихожу к ночи и полночи еще занимаюсь. За полной невозможностью заниматься в музее (–18°). Совершенно забросил орнитологию и с головой ушел в школу. Школа моя считается лучшей в городе и одна из всех функционирует сейчас (остальные стоят из-за отсутствия дров и преподавателей)» [2, с. 8].

Виталий Валентинович не жалуется другу, как трудно ему и одиноко. В ноябре 1920 г. от него ушла жена, он совсем не умеет заботиться о себе.

С приходом весны 1921 г. у В. В. Бианки появляется возможность снова трудиться в музее, совершать экскурсии по окрестностям Бийска, изучать местных птиц.

В мае он зарегистрировал брак с преподавательницей французского и немецкого языков Верой Николаевной Клюжевой. Летом 1921 г. Бианки организовал экспедицию в долину р. Чарыш, где в неблагоприятных условиях удалось собрать 84 экземпляра птиц.

Виталий Валентинович, работая в музее, продолжает вести уроки в школе им. III Коминтерна и в школе им. А. Луначарского. Он умеет увлекать педагогов и учеников интересными занятиями и литературными вечерами, несмотря на постоянный холод дома и на работе [2, с. 10].

Виталий Валентинович Бианки быстро становится очень популярным человеком в Бийске, и это не проходит без последствий. В 1921 г. его арестовывает ЧК.

В дальнейшем в своих показаниях при очередном аресте В. В. Бианки писал: «В 1921 году, в Бийске, был дважды арестован ВЧК и раз сидел вместе с 79 другими "заложниками" в тюрьме три недели» [8, с. 14].

Е. В. Бианки, дочь писателя, вспоминала: «Первый раз отец был арестован в Бийске, но вскоре его выпустили, перед вторым арестом в Бийске его предупредили друзья, поэтому он так спешно покидает Алтай» [5, с. 40]. На самом деле он уже 27.01.1921 написал Г. Х. Иогансену: «Осенью переберусь в Петроград» [6, с. 22]. Он не скрывал, что намерен возвратиться в Петербург с солидными орнитологическими сборами, и аресты, конечно, подталкивали его к переезду.

Опасения возможных новых арестов не были надуманными. По данным В. Ф. Гришаева, в недрах губотдела ОГПУ созревало дело о заговоре бывших эсеров против советской власти на Алтае, и 27 декабря 1921 г. В. В. Белянин-Бианки был признан членом Бийской подпольной группы эсеров и подлежал аресту [8, с. 14].

Если бы не отъезд в Петроград, то участь его была бы предрешена, и у нас не было бы всемирно известного детского писателя Бианки.

В 1921 г. он жил на горе в большом доме бывшего священника кладбищенской церкви, превращенном в здание метеостанции, у родного брата Анатолия, который заведовал этой метеостанцией. Братья и их семьи жили дружно и весело, хотя и голодно.

О музее в этот период В. Ф. Гришаев сообщает следующее: «В течение зимы 1921–1922 годов музей не отапливался: не было дров. С 1 января 1922 года он вообще

был снят с государственного бюджета. Существование его кое-как поддерживалось на скупые средства, изыскиваемые Отделом народного образования. Сотрудники по несколько месяцев не получали зарплату. К концу зимы распоряжением коммунотдела нижний этаж музея был передан под комиссионные торговые лавки. Экспонаты перенесли наверх и кое-как разместили в четырех оставшихся комнатах, а часть просто свалили в кучу» [1, с. 35]. В таких условиях в 1921 г. музей посетило больше тысячи человек, и маленький коллектив, в том числе В. В. Бианки, самоотверженно поддерживал жизнь музея.

Деятельность Бианки не ограничивалась зоологическим отделом. По его инициативе в садике при музее начали выращивать лекарственные травы для нужд города.

Всю зиму 1921–1922 гг. Виталий Валентинович продолжал преподавать. В школах не было еще ни программ, ни учебников, ни пособий, тетрадей и карандашей, и в этих условиях он работал так, что много лет спустя о его уроках вспоминали с восторгом. Особенно хороши были его литературные вечера.

Однако мысленно он был уже в Петербурге.

В декабре 1921 г. он вновь пишет другу Г. Х. Иогансену: «К Бийску меня приковывают исключительно орнитологические интересы (если не говорить о чрезвычайной трудности получить разрешение и физическую возможность осуществить отъезд отсюда) ... перебираю всю твою и свою коллекцию, привожу все в идеальный порядок...» [6, с. 27].

Летом 1922 г. В. В. Бианки организывает экспедицию в район Телецкого озера. Он руководит экспедицией, в составе которой заведующий музеем М. И. Крот-Донорский, метеоролог (брат) А. В. Бианки и помощник заведующего музеем А. И. Иванов. С 28 июня по 14 августа они проехали 700 верст по Алтаю, но собрали «довольно скудные трофеи» [1, с. 41]. Видимо, в экспедиции разладились его отношения с заведующим музеем М. И. Крот-Донорским.

На Отдел народного образования г. Бийска 7 августа 1922 г. пришло письмо от Совета Зоологического музея Российской академии наук, может быть, составленное заранее самим Бианки, с просьбой «командировать в Петроград служащего в Бийском Советском Народном Музее Виталия Валентиновича Бианки, который по поручению Зоологического музея собирал зоологическую коллекцию и должен предоставить отчет и сдать собранные коллекции Музею», а также вернуть в Музей предоставленную ему на время научную библиотеку и помочь с вагоном для отправки коллекции [7]. В. В. Бианки заранее составил каталог коллекции шкурок с Алтая, упаковал более 380 экземпляров шкурок птиц, сумел решить вопрос транспортировки коллекции, и уже 20 сентября 1922 г. его небольшая семья была в Петрограде [2, с. 12].

Виталий Валентинович оставил о себе яркое впечатление у бийчан, и сам он время, проведенное на Алтае, считал счастливым. Алтай запал ему в душу. «В жизни не видел ничего более прекрасного!» — восклицал он [2, с. 12].

В Петербурге В. В. Бианки окончательно отказался от идеи обучения в Петроградском зоологическом институте и активно занялся литературной деятельностью, склонность к которой у него проявилась еще в Бийске.

От дочери писателя Е. В. Бианки известно, что в очередной раз отец был арестован 5 декабря 1925 г. Он ждал этого ареста. По надуманному обвинению в причастности

к какой-то подпольной организации В. В. Бианки получил три года ссылки. Только весной 1928 г. по просьбе в том числе М. Горького ему разрешили из Уральска переехать в Новгород, а в начале 1929 г. вернуться в Ленинград. На этом его испытания не закончились: 3 ноября 1932 г. Виталий Валентинович вновь был арестован, но уже 26 ноября освобожден «за отсутствием улик». После убийства Кирова власть «чистила» Ленинград «от социально опасного элемента», и 24 марта 1935 г. В. В. Бианки вновь арестован как «сын дворянина», бывший эсер и участник вооруженного восстания против советской власти и получил пять лет ссылки в г. Иргиз Актюбинской области. Правда, уже 31 марта г. Иргиз заменили на г. Уфу, а 10 апреля 1935 г. по ходатайству жены М. Горького — Е. П. Пешковой ссылка была отменена [8, с. 15–16].

Какой величиной духа надо было обладать, чтобы продолжать активную литературную деятельность в такой невыносимой атмосфере.

Великая Отечественная война застала 47-летнего Бианки в деревне. Из-за болезни сердца его не призвали в армию. В 1942 г. он уехал на Урал в г. Оса, где продолжал одновременно писать, работать в музее и читать детям лекции.

После войны писатель вернулся в г. Ленинград, где в 1949 г. перенес инфаркт и затем еще два инсульта. Частично парализованный, он продолжал работать, хотя уже имел недостаток и невероятную известность. Умер Виталий Валентинович 10 июня 1959 г., похоронен в Ленинграде на Богословском кладбище.

Литература и источники

1. Гришаев В. Ф. Виталий Бианки в Бийске // Тропую памяти. Записки краеведа. — Барнаул, 1987.
2. Занина Н. И. В. В. Бианки в Бийске // Материалы научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. В. Бианки. — Бийск, 2004. — С. 3–4.
3. Газета «Серп и молот». — 1920. — 20 апр. (№ 82).
4. Ирисов Э. А., Цехановская Н. А. Бийскому краеведческому музею 50 лет // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. — Барнаул, 1970.
5. Грехова Е. А. Юбилейные чтения В. В. Бианки. Воспоминания очевидцев // Материалы научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. В. Бианки. — Бийск, 2004.
6. Козлова Л. А. Письма другу // Материалы научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. В. Бианки. — Бийск, 2004.
7. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. — Ф. 19. — Д. 2.
8. Гришаев В. Ф. Неизвестный Бианки // Дважды убитые. — Барнаул, 1999.

Н. А. Фролов

БОРИС СЕРГЕЕВИЧ МИТРОПОЛЬСКИЙ (1905–1973)

Поразительно, какие известные люди имеют непосредственное отношение к Бийскому краеведческому музею. С августа 1924 г. по март 1927 г. заведующим Бийским музеем являлся молодой краевед-любитель Борис Сергеевич Митропольский, ставший впоследствии известным советским геологом, открывшим более 30 новых месторождений, написавшим свыше 100 научных работ, из которых более 40 опубликованы в виде отдельных книг и статей в научных изданиях.

В 1926 г. в личном деле в графе «социальное положение» он смело писал — дворянин [1]. Известным предком Б. С. Митропольского был основатель Академии наук России и Санкт-Петербургского университета Герхард Миллер, автор огромного исторического труда «История Сибири». Прадедом являлся основатель Пулковской обсерватории Фердинанд Миллер, дедом — астроном и географ Фердинанд Фердинандович Миллер.

Борис Сергеевич Митропольский родился 15 мая 1905 г. в Санкт-Петербурге в семье исследователя Каспийского, Аральского и Черного морей Сергея Александровича Митропольского. Мама его, Эльза Фердинандовна Митропольская (Миллер), знала семь языков. Борис Митропольский до 5-го класса учился в гимназии г. Петрограда. В Гражданскую войну его отец был комиссаром на Юго-Западном фронте, а мама увезла сыновей от голода на Волгу и в конце концов оказалась в сибирском селе Гутово под Новониколаевском.

Борис Сергеевич писал о себе потом в личном деле: «Под сильным впечатлением проходивших в этом селе репрессий поляков и чехословаков (расстрелы, порки) организовал подпольную ячейку РКСМ, занимавшуюся обеспечением партизан оружием, краденым у отступающих белых войск...» [1].

За такую недетскую храбрость Бориса в 1921 г. приняли в члены ВКП(б) и назначили секретарем комсомола Гутовской области, где после разгрома Колчака он организовал в короткий срок 37 комсомольских ячеек. В Гутово он окончил школу II ступени и активно включился в строительство новой власти: с 1921 по 1922 г. работал председателем райкома РКСМ, с февраля по март 1922 г. трудился сотрудником музея в г. Новониколаевске.

По состоянию здоровья мамы семья в этом же году переехала в г. Бийск, где для нее был подходящий климат. Борис Сергеевич устраивает семью в нашем городе и работает сотрудником Бийского музея, но затем один вновь возвращается в Гутово делопроизводителем волкома ВКП(б) и райинструктором РКСМ [1].

В своей автобиографии Борис Сергеевич пишет: «С 15 марта 1922 г. по 19 июля 1922 г. сидел в Новониколаевской тюрьме ГПУ за убийство бывшего контрразведчика, примазавшегося к партии. Дело прекращено...» [1]. К сентябрю 1922 г. Б. С. Митропольский успел переболеть сыпным тифом, дизентерией, малокровием и был направлен на Алтай в Ново-Обинскую волостную организацию РКСМ, где он проработал с сентября до конца 1922 г.

Б. С. Митропольский

С 1 января по 1 сентября 1923 г. он вновь работал научным сотрудником Бийского музея. В сентябре 1923 г. стал научным сотрудником Геологического и минералогического музея АН СССР на Алтае и занимался сбором осколков Деминского метеорита под руководством академика А. Е. Ферсмана. Затем уехал в Ленинград отчитаться о проделанной работе, успел там окончить курсы для поступления в вуз. Однако у слабого здоровьем Бориса Сергеевича открылся туберкулез легких. Узнав, что в Бийске вакантно место заведующего музеем, он вернулся сюда для работы и поправки здоровья. Вот как было оформлено в приказе № 282 от 10.09.1924 по общему отделу горюездного исполкома его назначение: «Тов. Митропольского назначить Заведующим Бийским музеем с 15 сентября 1924 г. с содержанием на уездные средства по 14-му разряду тарифной сетки для сотрудников УОНО» [1].

Здоровье Б. С. Митропольского оставалось плохим. Осмотр 3 октября 1924 г. показал у него наличие «малокровия, неврастении и катара легочных верхушек». Работа в заброшенном музее оказалась нелегкой и очень нервной. Приказом по общему отделу горюездного исполкома № 22 от 23.10.1924 ему был объявлен выговор «за халатное отношение к служебным обязанностям» [1].

Тем не менее с приходом Б. С. Митропольского в работе музея наступило оживление. Музей получил новое помещение в 2-этажном каменном здании на ул. Исаевской (ныне — Красногвардейская, 9). Несмотря на малый бюджет, 5 мая 1925 г. по общему отделу Бийского горюездного исполкома был издан приказ № 166: «Зав. Бийским государственным музеем Митропольского Б. С. и научного сотрудника Копытина М. С. полагать в научной командировке по уезду для отыскания экспонатов». В командировочном письме, выданном Борису Сергеевичу, уточнялось, что он «командирован в Бийский уезд и Ойротскую автономную область для производства геологических и археологических изысканий и раскопок» [1]. Эта экспедиция обогатила музей ценными экспонатами.

В 1925 г. Б. С. Митропольский публикуется по вопросам музейного дела в газете «Советская Сибирь».

В своей анкете 27 апреля 1926 г. Б. С. Митропольский выражает «искреннее желание продолжать работу в Бийском музее по изучению Алтая и созданию Бийского музея» [1]. По своему характеру он исследователь и, видимо, не любит чисто бюрократическую работу. Об этом в какой-то мере говорит приказ № 127 от 28.06.1926 по общему отделу Бийского горюездного исполкома: «Зав. Музеем тов. Митропольскому объявляется выговор за несвоевременную отчетность задолженности по авансам с бухгалтерией ОКРОНО» [1].

Работники Бийского музея Э. А. Ирисов и Н. А. Цехановская писали в 1970 г.: «Во второй половине 1926 г. по решению Окрисполкома музею предоставляется каменный двухэтажный особняк на Советской улице № 42, в котором музей размещается и поныне. В то время это было одно из лучших зданий в городе, наиболее приспособленных для размещения музея. С переездом в это здание "кочевой период" музея заканчивается. Насколько болезненны для музея были эти кочевки, можно судить уже по тому, что за время с 1920 по 1926 г. фонды музея уменьшились более чем на 2 000 экспонатов» [2].

Нам сейчас трудно представить себе, какую огромную работу необходимо было проделать, чтобы перенести и оформить экспонаты музея в особняке Варвинского в условиях того времени.

Вот только один эпизод такой деятельности. Б. С. Митропольский 1 ноября 1926 г. пишет решительное письмо заведующему Бийским ОКРОНО Алферову: «После освобождения Детским домом здания, занимаемого в настоящее время Музеем, в нем осталась конструктивно сколоченная из половых плах сцена. Ввиду того, что полы в здании Детдомом были совершенно испорчены (выворочены из пола плахи для слива помоев и ссыпки мусора), мною эти плахи были употреблены на ремонт полов. В настоящее время зав. детдомом Н. Н. Федоров требует возврата этих плах, угрожая купить таковые в счет средств музея, если плахи не будут возвращены. Настоящим категорически протестую против такого образа действия и заявляю, что никакие счета на плахи для детдома я не под пишу, т. к. считаю свои действия совершенно правильными». По итогам этого письма ему «ставят на вид за самовольное израсходование плах Детдома № 1 на ремонт музея» [1].

Даже в условиях большой занятости организацией музея в новом здании, Борис Сергеевич не забывает про научно-исследовательскую работу. Он принимает участие в работе Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда в г. Новосибирске 15–21 декабря 1926 г.

Однако разлад в отношениях между Б. С. Митропольским и чиновниками Бийского ОКРОНО продолжал нарастать. Болезненный и нервный, он в начале 1927 г. подает заявление заведующему ОКРОНО следующего содержания: «Настоящим про-

шу освободить меня от заведывания Музеем, вследствие того, что за последнее время вокруг меня создалась такая атмосфера, в которой работать я не в состоянии. Своим преемником предлагаю ассистента кафедры геологии Сибирской сельхозакадемии в г. Омске, основателя Бийского музея Михаила Ивановича Крот. Настоящее заявление окончательное. По истечению законных двух недель буду считать обязанности зав. музеем с себя сложенными. Зав. Окруж. Музеем Б. С. Митропольский» [1].

Бийское ОКРОНО вначале решило считать Б. С. Митропольского уволенным с 01.03.1927 и велело ему сдать дела сотруднику музея М. Д. Копылову, но 01.03.1927 (приказ № 52) определило сдать музей преподавателю школы им. Крупской С. М. Мухину, которому после приема музея «вступить в исполнение в обязанностей заведующим Музеем» [1]. Таким образом, Борис Сергеевич проработал заведующим музеем в г. Бийске с 15.09.1924 по 07.03.1927 и оставил заметный след в истории его становления.

В 1927–1941 гг. Борис Сергеевич работал в различных организациях г. Новосибирска, публиковал статьи и заметки по вопросам геологии и минералогии, выезжал на Алтай для осмотра старинных заявок на полиметаллические месторождения, выполнял задания краевых государственных и хозяйственных органов.

Тяжелым испытанием для него в этот период был арест 1 февраля 1933 г. органами Новосибирского ОГПУ за то, что не поддержал на суде версию органов ГПУ о виновности группы геологов и врачей в подрыве советской власти и заявил, что знает их как наилучших специалистов, которые служат на пользу народу. В камере смертников Борис Сергеевич просидел семь месяцев, пока его не освободили, возможно, с помощью матери, которая работала в краевом комитете партии. После освобождения ему запретили три года проживать в других республиках СССР.

С 1941 г. он послан в АН Казахстана в г. Алма-Ата, где в июне 1946 г. стал кандидатом геолого-минералогических наук. Затем Б. С. Митропольский трудился заведующим отделом геологии в Горно-металлургическом институте г. Усть-Каменогорска.

В эти годы он открывает Семипалатинскую металогенную зону. Его представляют на Ленинскую премию, но из-за судимости Б. С. Митропольского премию получили директор института и несколько приближенных коммунистов.

Борис Сергеевич сильно обиделся, ушел из института и из семьи, и с новой женой и сыном переехал в Новосибирск, где работал главным инженером в Сельэнергопроекте.

На пенсии подрабатывал преподаванием в геологоразведочном техникуме, руководил дипломными работами, полевой практикой. В его доме всегда было полно студентов. Когда Б. С. Митропольский устал от хозяйственных забот, то говорил: «Бобик сдох. Если Лёнька Брежнев придет, попросите подождать», — и шел спать.

Очень переживал, что его материалами беззастенчиво воспользовались другие и написали учебник по геологии полезных ископаемых. Умер Б. С. Митропольский от остановки сердца после операции 6 сентября 1973 г.

Литература и источники

1. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. — Ф. 19.1. — Д. 3.
2. Ирисов Э. А., Цехановская Н. А. Бийскому краеведческому музею 50 лет // Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР. — Вып. 11. — Барнаул, 1970. — С. 4–5.

А. Л. Кунгуров

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ¹ **(1879–1947)**

Сергей Михайлович Сергеев — директор Бийского, а затем Ойротского областного музеев, последние годы жизни — научный сотрудник Бийского музея, является первооткрывателем практически всех основных древних культур Алтая. По его следам шли такие ведущие исследователи 1930–1940-х гг., как С. И. Руденко, М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский. До сих пор исследуются памятники, открытые С. М. Сергеевым, широко используются добытые им материалы. Поэтому имеет смысл вспомнить доброе имя этого исследователя и охарактеризовать его жизненный путь.

Сергей Михайлович Сергеев родился 4 июня 1879 г. в г. Варшаве в семье военного. В 6 лет он лишился отца, семья попала в трудное финансовое положение, и ему не удалось получить вовремя какого-либо определенного образования. Его мать, Марта Августовна, через некоторое время вновь вышла замуж, опять за военного.

Но несчастья продолжали преследовать семью Сергеевых. За участие в антиправительственных выступлениях отчим С. М. Сергеева был сослан на поселение в Красноярск, с ним в изгнание отправилась и семья. Сергей Михайлович поступил в гимназию, однако долго учиться не мог, так как вскоре умер отчим и средств на обучение не стало. Марта Августовна занималась надомным шитьем, и ее заработка едва хватало, чтобы свести концы с концами. С. М. Сергеев окончил только три класса духовного училища в Красноярске, где обучение было бесплатным, и в 1895 г. поступил на строительство Средне-Сибирской железной дороги.

Он работал переписчиком, конторщиком, начальником станции Кара-Чокот. В 1904 г. в связи с началом Русско-японской войны С. М. Сергеев был откомандирован на Забайкальскую железную дорогу, где работал до 1908 г. В 1905 г. Сергей Михайлович активно участвовал в революционных выступлениях на станции Байкал в качестве члена стачечного комитета. В 1908 г. С. М. Сергеев перешел на работу в Министерство земледелия, сначала работал в переселенческих пунктах, а с 1918 г. — в аппарате Наркомзема. В 1910–1917 гг. С. М. Сергеев являлся заведомом переселенческого пункта в г. Красноярске. На государственную службу он был зачислен только в 1916 г. (до этого работал по вольному найму), и тогда же получил первый классный чин.

Именно в это время Сергей Михайлович впервые заинтересовался древним прошлым Сибири. Его учителем в этой области был политически ссыльный народоволец М. П. Овчинников.

¹ Статья А. Л. Кунгурова перепечатана из сборника Алтайского отделения Всероссийского фонда культуры. Выпуск XV. Барнаул, 1992 г.

Г. П. Сосновский, С. М. Сергеев, А. П. Марков

В 1910 г. С. М. Сергеев был принят в члены Красноярского подотдела Географического общества и по его заказу вел самостоятельные работы. В 1912 г. он обнаружил стоянку «Переселенческий пункт». В 1914 г. состоялась его встреча и беседа с И. Т. Савенковым, известным исследователем палеолита Северной Азии, который заинтересовался находками палеолита, в том числе и его сборами четвертичной фауны в районе известной стоянки Афонтова Гора. Любительские исследования С. М. Сергеева получили должную оценку в научных кругах, и в 1915 г. он получил звание действительного члена Московского археологического общества. В 1916 г. Сергей Михайлович сдал экстерном экзамен за Красноярское реальное училище.

С 25 октября 1917 г. С. М. Сергеев непрерывно работал в органах советской власти. В 1917 г. он поступает в Петроградский археологический институт, где учится без отрыва от своей основной работы. В 1919 г. он перевелся в Московский археологический институт, а затем в МГУ.

В годы учебы С. М. Сергеев слушал лекции ведущих историков и археологов того времени, участвовал в раскопках В. А. Городцова. С 1923 г., закончив МГУ, С. М. Сергеев

предпринимает попытки вновь вернуться в Сибирь и заняться археологическими изысканиями. В 1925 г. он переехал в Новосибирск на работу в Управление уполномоченного наркомзема по Сибири. Там ему удалось обнаружить и описать два городища близ д. Курбес Новосибирского округа: «Паш-Тура» и «Крепость».

В 1927 г. С. М. Сергеев получил приглашение на работу в Бийский краеведческий музей на должность директора, на которую он немедленно соглашается. Исполнилась его заветная мечта, в 48 лет археология становится не увлечением, которому он отдает все свободное время, а работой. С этого времени по инициативе Сергея Михайловича Бийский музей начинает активную научную и общественную деятельность. Несмотря на ограниченность средств для работы, Сергеев сумел создать большой актив краеведов-любителей и кружок юных археологов, при помощи которых развернул большую работу по сбору коллекций для музея. В этом ему помогли М. Д. Копытов, один из создателей музея, первооткрыватель алтайского палеолита, и А. П. Марков, бывший учитель, талантливый художник-самоучка и увлеченный краевед. Первые разведки он проводил с Михаилом Диановичем Копытовым, который показывал ему открытые ранее памятники и знакомил с собранными коллекциями.

В 1934 г. С. М. Сергеев был переведен в Ойротский областной музей, который к этому времени был свернут, а часть его сотрудников репрессирована. Сергей Михайлович к тому времени обладал уже значительным опытом музейной работы и в короткое время воссоздал музей, который был открыт для посетителей. В музее была развернута экспозиция, пропагандирующая исторические знания, организовывались передвижные выставки по аймакам. Редакция «Крестьянской Газеты» премировала музей за активную работу в области автомашиной и патефоном.

В 1937 г. С. М. Сергеев вновь возвратился в Бийский музей, но уже не директором (директором после перевода Сергеева в Ойротский музей стал А. П. Марков), а научным сотрудником. Ему уже было 50 лет, он выработал пенсию по старости и, кроме того, был тяжело болен открытой формой туберкулеза, получил вторую группу инвалидности. За время работы в Бийском музее С. М. Сергеев три раза награждался почетными грамотами и два раза денежной премией, в 1945 г. получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Научным сотрудником Сергей Михайлович работал до последних дней. 23 июня 1947 г. его не стало.

Вклад этого человека в археологию Алтая огромен. Мало кому из исследователей удавалось открыть такое количество древних страниц истории от палеолита до средневековья.

Уже в 1928 г. С. М. Сергеев и М. Д. Копытов обнаружили андроновское захоронение у с. Шипуново, провели сборы керамики бийского этапа большереченской культуры и раннего средневековья в районе с. Вихоревка, в 10 км западнее Бийска, осмотрели известные М. Д. Копытову памятники в районе Фоминского и Одинцовки. В 1929 г. экспедицией Бийского краеведческого музея (БКМ) под руководством С. М. Сергеева проведена разведка в районе с. Красный Яр и обследован ныне широко известный могильник Змеевка, содержащий захоронения андроновской (11 могил) и ирменской (одна могила) культур, раннего железного века (три могилы) и средневековья (восемь могил).

В 1930 г. на памятнике были проведены раскопки совместной экспедицией Общества изучения производственных сил Сибири и БКМ, вскрывшие 8 курганов из 38. Полученные материалы до сих пор привлекают к себе внимание исследователей, и из года в год появляются публикации, посвященные Змеевке.

Следует отметить, что 1930 г. — самый результативный год работы С. М. Сергеева на Алтае. В этом же году не менее интересные исследования проведены в Камышенке (Долгая Грива), где было вскрыто 17 могил ирменской культуры. Затем С. М. Сергеев организовал исследования у сел Березовка и Быстрянка. В Березовке было раскопано 22 кургана раннего железного века и обследовано городище, давшее затем наименование заключительному «березовскому» этапу большереченской культуры.

Не менее интересные работы проведены и в Быстрянке. Видимо, во время этих раскопок С. М. Сергеев побывал у М. Д. Копытова, изучившего курганы эпохи средневековья и раннего железного века на горе Пикет у с. Сrostки, и в этот момент было сделано еще одно замечательное открытие. При раскопках кургана Л. П. Марков уклонился несколько в сторону от могильной ямы. В суглинке на глубине около 1 м ему неожиданно встретился обработанный камень. Марков передал находку Сергею Михайловичу, и тот узнал в ней палеолитическое скребло. Неожиданное открытие в Сrostках архаичного орудия, залежавшего на значительной глубине, настолько поразило его, что, как вспоминает А. П. Марков, у него вывалилась изо рта знаменитая курительная трубка — его неизменный спутник. Кроме скребла в курганах № 10 и 14 были найдены два двусторонне обработанных топорovidных орудия и несколько отщепов. Сергеев придавал этой находке очень большое значение и даже возил орудия в этом же году в Новосибирск и показывал известному палеолитчику Н. К. Ауэрбаху, но тот не признал их палеолитический возраст, как в свое время сомневался в древности изделий, собранных М. Д. Копытовым в районе с. Фоминского.

Тем не менее находки в Сrostках стали широко известны, и в 1935 г. специально с целью ознакомления с коллекциями каменных орудий в Бийск приехал Г. П. Сосновский. Он сразу же признал их палеолитический возраст. А после изучения материалов БКМ организовал разведку, а затем в течение ряда лет и раскопки Сrostкинской стоянки, ныне известной, пожалуй, палеолитчикам всей страны.

Однако работы С. М. Сергеева в 1930 г. на этом не закончились. Уже осенью, 28 сентября, С. М. Сергеев и М. Д. Копытов у с. Одинцовка раскопали разрушающееся средне-

Археологические раскопки в Сrostинском районе.

Вскрыто 14 курганов

Археологическая экспедиция, организованная обществом изучения Сибири и Сибторгом, под руководством заведывающего музеем местного края тов. Сергеева, работает в Смоленской и Сrostинском районах.

Около сел Красный Яр и Сrostки экспедицией вскрыто 14 курганов, найдены погребения, начиная от Андроновской культуры (3500 лет тому назад) и, кончая 800 и 900—ми годами нашей эры, временем так называемой „классической железной“ эпохи.

Вскрыты также интересные погребения Карасукской культуры (3.000 лет тому назад.)

Найдены интересные и ценные в научном отношении предметы. Между прочим, найдены хорошо сохранившиеся берестяные колчаны со стрелами.

Экспедиция, окончив работу около сел Красный Яр и Сrostки, сейчас переехала в окрестности села Тарханского. После окончания работы в этом месте экспедиция направится в Уч Пристанский район и возвратится в Бийск в начале осени.

А. К.

вековое погребение. Материал этой могилы (сосуд, бронзовые серьги — колты и бусы из бронзы и янтаря) был настолько показательным, что послужил эталоном для выделения сначала одинцовского этапа верхнеобской культуры, а в дальнейшем самостоятельной одинцовской культуры. Там же, в районе Одинцовки, С. М. Сергеев и А. П. Марков провели сборы разновременной керамики и каменных орудий на песчаных раздувах. Немного позже Сергеевым были найдены средневековые железные наконечники стрел и костяной нож с другой стороны г. Бийска у с. Боровое (бывший женский монастырь). В 1931 г. С. М. Сергеев и А. П. Марков, осматривая разрушенные андроновские могилы между Бийском и Одинцовкой (Центральный рабочий кооператив у озера Крутленькое), обнаружили в одной из ям палеолитический культурный слой. Заложив небольшой раскоп (15 кв. м), они исследовали древний очаг и собрали выразительную коллекцию каменных изделий.

До отъезда на работу в Ойротский музей С. М. Сергеев обследовал разрушающиеся стоянки в районе Бийска, на острове Иконниковском, по берегам Би, Оби и Катуня, участвовал в раскопках М. П. Грязнова на могильнике Бийск I и II, продолжал исследования М. Д. Копытова на горе Пикет (II). После переезда С. М. Сергеева в Горно-Алтайск пост директора Бийского краеведческого музея занял А. П. Марков. С этого времени интенсивность работ БКМ значительно снизилась, так как Марков не был специалистом-археологом.

В Горно-Алтайске С. М. Сергеев включился в работу по исследованию области. В 1934 г. он раскопал два скифских кургана у с. Майма-Чергачак, в 1935 г. руководил работой второго отряда Саяно-Алтайской археологической экспедиции, исследовавшей курганы в окрестностях с. Туекты (Онгудайский аймак) и другие памятники в долине Катуня. В этом же году Сергей Михайлович раскапывает курганы бронзового и раннего железного веков у с. Суртайка, обследует городище VII–VI вв. до н.э. и поселения в устье р. Иша.

С 1935 г. полевая активность С. М. Сергеева заметно снижается, так как сказываются сильная загруженность административной работой в Ойротском музее, почтенный возраст исследователя и прогрессирующая болезнь. Он больше уделяет внимания обработке материалов, старательно составляет описи, хранящиеся сейчас в архиве БКМ, пишет две статьи, посвященные раскопкам Бийской стоянки (1939 г.) и скифским находкам у с. Красный Яр (1946 г.), составляет два значительных по объему, научно обоснованных труда «Андроновский этап древней бронзы в верховьях Оби» и «Карасукский этап древней бронзы в верховьях Оби» (позднее М. П. Грязнов полностью включил эти работы в свою монографию). Тем не менее Сергей Михайлович обследует курганы на Ануе и Песчаной, продолжает сборы материалов с уже известных разрушающихся дюнных стоянок, в 1939 г. раскапывает андроновскую могилу в Мокром Яру (с. Мало-Угреново) и проводит там сборы разновременной керамики, в 1940 г. раскапывает могилу раннего железного века на юго-западной окраине Бийска. Часть сборов (прежде всего с поселения «Понтонный мост» и старая скотобойня) позволили М. П. Грязнову выделить особый «бийский» этап в развитии большебереченской культуры раннего железа.

Благодаря работам С. М. Сергеева уже к 1939 г. БКМ по количеству собранного историко-археологического материала вышел на одно из первых мест в Сибири. Его коллекции до сих пор являются неисчерпаемым кладом информации для современных исследователей.

В. Ф. Гришаев

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ МАРКОВ (1904–1976)

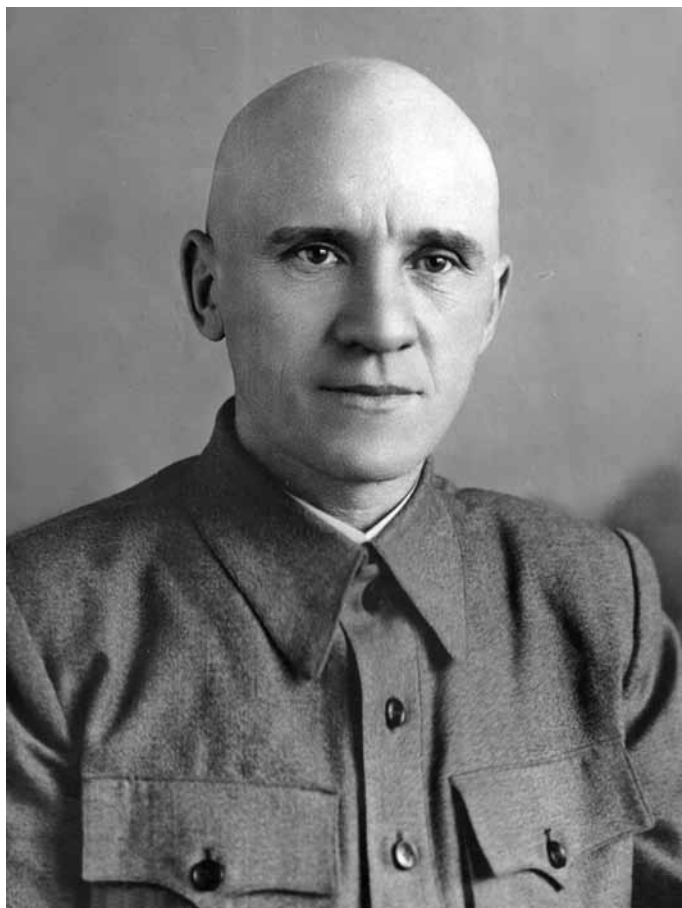
Александр Павлович Марков частенько заходил в Бийский краеведческий музей, где я тогда только начинал работать. Войдет, бывало, приветливо покивает всем наголо обритой головой, сядет в уголок и молча слушает, о чем судачат музейщики. Изредка вставит деликатно два-три словечка и опять молчит, лишь улыбкой участвуя в разговоре. Улыбка у него была хорошая: скромная, даже застенчивая, она замечательно освещала все его носатое худощавое лицо, и только глаза, небольшие, карие, внимательные, всегда оставались как бы в тени. Держался он чуть-чуть стесненно, хотя относились к нему прекрасно — он давно был здесь своим человеком. А, может, мне все это только казалось. Вскоре от старых музейщиков я услышал нелегкую историю его жизни.

Он родился в 1904 г. в Забайкалье, в старинном горнозаводском поселке Нерчинский завод. Отец погиб в Гражданскую войну, на руках матери осталось пятеро детей, Александр — старший из трех сыновей. Однако школу-восьмилетку, несмотря ни на что, сумел окончить, затем — трехмесячные курсы учителей. Но прожить на учительскую зарплату с такой семьей было невозможно, и он в 1927 г. поступил старшим писарем-кладовщиком в штаб погранотряда, стоявшего в Нерчинском заводе. Через год переехал в Бийск. Почему именно сюда?

Сам Александр Павлович, по словам музейщиков, объяснял это так. Однажды он увидел у одного знакомого цветные открытки шведской фирмы с видами Горного Алтая, и ему очень захотелось посмотреть на эту красоту своими глазами. Приехал, посмотрел — и остался здесь навсегда!..

Изумительная природа Горного Алтая стала темой десятков его картин, сотен этюдов. Он с детства пристрастился рисовать горы, тайгу, окружавшие родной поселок. Рисовал на чем придется: на обрезках досок, кусках фанеры (бумаги-то не было). Его способности заметил школьный учитель и по мере сил старался развивать их. Но только здесь, бродя с этюдником по тропам Горного Алтая, Александр Павлович состоялся как настоящий художник.

Первоначально ради хлеба насущного он устроился учителем-воспитателем в один из бийских детдомов, но на следующее лето директор музея Сергей Михайлович Сергеев, археолог и краевед, сагитировал его в экспедицию в Горный Алтай. Два месяца провел Александр Павлович на раскопках и ... «заболел» археологией! Она стала его второй страстью. Он был принят в музей научным сотрудником, а в 1934 г. стал его директором. Уже в этой должности участвовал в нескольких археологических экспедициях, организованных Академией истории материальной культуры. Руководитель этих экспедиций профессор Киселев тепло отзывается о нем в своих научных трудах.

А. П. Марков

Марков — один из первооткрывателей знаменитой Сростинской палеолитической стоянки (на 37-м км Чуйского тракта).

Отправляясь в экспедицию, всегда прихватывал с собой этюдник. У него были добрые наставники: известный алтайский пейзажист, ученик Г. И. Гуркина, Дмитрий Иванович Кузнецов и сам Гуркин.

12 июня 1937 г. Марков приехал к Гуркину в Анос в гости. Они сидели, пили чай, беседовали, вдруг к дому подкатил «воронок»...

«Меня посадили писать протокол обыска, — рассказывал Александр Павлович. — Я начал, как положено: название картины, размер и т. д., но чекист, молодой лейтенант, алтаец по виду, скомандовал: "Этак мы до ночи провозимся! Пиши: картин столько-то, альбомов столько-то". Его помощники побросали все как попало в машину и увезли. Вместе с Гуркиным...».

Позже мне довелось видеть этот протокол. В нем 15 наименований, начиная от Евангелия и заканчивая учебником политграмоты для деревни, но о картинах — ни слова. Есть и подпись Маркова, возможно, подделанная. Разгадать этот ребус я не могу...

Марков был «взят» органами НКВД 27 мая 1938 г. В Бийск же вернулся только в 1946 г., лысый, постаревший. Завел новую семью (первая жена не захотела его ждать — Бог ей судья, как говорят). Поступил в художественную мастерскую артели «1 Мая», послужившую впоследствии базой для создания в Бийске художественно-промышленных мастерских Алтайского отделения Художественного фонда РСФСР; в течение многих лет вел занятия в изостудии при Доме работников народного просвещения — немало его воспитанников поступили в художественные школы, училища, стали профессиональными художниками.

Сам А. П. Марков каждое лето выезжал с музейными экспедициями в Горный Алтай на этюды. В 1947 г. в музее открылась первая в истории послереволюционного Бийска выставка произведений местных художников. Для Маркова она также была первая в жизни. Он представил на нее две картины: «Пастбище на Алтае» и «Телецкое озеро». Его критиковали за слабую технику, рыхлость композиции, однако за картину «Пастбище на Алтае» присудили вторую премию. С тех пор он — участник всех бийских, двух краевых и даже одной всесоюзной художественных выставок. В 1970 г. в Бийске с успехом прошла его персональная выставка «Синегорый Алтай», а в 1974 г., к 70-летию художника, состоялась вторая — «Алтай».

В 1962 г. Александр Павлович был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления». Исцелило ли это рану в его душе, нанесенную несправедливым осуждением? Вряд ли... Оттого, наверное, и не любил рассказывать он о годах, проведенных в лагере. Вспоминать — значит, заново переживать. Лишь скупой и не сразу сообразил, что наказание отбывал на Северном Урале, на лесоповале, и жив остался только благодаря тому, что использовали его в лагерях в качестве художника — малевали лозунги, плакаты и прочую наглядную агитацию. За старание даже срок на полгода скостили...

В мае 1975 г., накануне 30-летия Победы, его наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Это была трогательная сцена. Когда заведующий отделом культуры горисполкома Анатолий Гаврилович Андронов прикрепил медаль к его груди, он повернулся лицом к рукоплещущему залу, хотел что-то сказать и ... не смог. С минуту стоял, по-зэковски ссутулившись, наголо обрита голова его мелко дрожала, по впалым щекам текли, поблескивая, ручейки слез. Так молча и на место пошел...

Понять его нетрудно. Он не ожидал такой награды — ведь войну-то пробыл зэком!..

Мне кажется, после этого он и держаться стал раскованнее, перестал чувствовать себя «меченым».

В январе 1976 г. я переехал в Барнаул. А в мае, прибыв в Бийск в командировку, попал как раз на его похороны. Помню их смутно...

Как архивисту и краеведу, мне пришлось немало заниматься сбором сведений о людях, репрессированных в 30-е годы. Так однажды попало в мои руки и уголовное дело Маркова. Надеюсь, тем, кто помнит и любит Александра Павловича, будет интересно узнать, как его судили, а также некоторые факты его биографии, о которых он не считал возможным (из чувства самосохранения) рассказать при жизни.

Умолчал он, например, о том, что был «социально чуждым элементом» — сыном торговца. Отец его до 1912 г. заведовал магазином крупного купца Второва, затем открыл свой, но в 1916 г. торговлю прекратил, внес пай в компанию двух золотопромыш-

ленников, и они втроем начали разработку небольшого золотого прииска. В 1919 г. на прииск нагрянули партизаны. Из всех совладельцев там находился в это время лишь один Марков. Они забрали его, куда-то повели, но по дороге пристрелили...

И в Бийске Александр Павлович оказался не из-за шведских открыток, хотя вполне возможно, что и они сыграли какую-то роль. Главная же причина заключалась в том, что он был выселен из погранполосы опять же как «социально чуждый элемент», причем выселен, вероятно, вместе с семьей. (Точных сведений об этом найти не удалось, известно лишь, что в 1937 г. был арестован органами НКВД муж его старшей сестры, а в январе 1938 г. — младший брат Павел.)

В этих условиях Александр Павлович был просто обречен на арест, и это случилось 27 мая 1938 г. Ему, заключенному в Бийскую тюрьму, предъявили обвинение во вредительстве и проведении антисоветской агитации среди сотрудников музея и колхозников (во время командировок). Вначале Марков все отрицал, но на одном из допросов следователь, младший лейтенант госбезопасности Никитин, откровенно заявил, что посадили его не за тем, чтобы освободить. Будет лучше, если он все признает. Ну, отсидит год-два и вернется. Поверив, Марков 28 августа подписал сочиненный Никитиным протокол с «признавательными» показаниями. На том следствие и закончилось.

В протоколе говорилось, что Марков встал на путь борьбы с советской властью еще 10–12 лет назад, для чего, «скрыв соцпроисхождение, пробрался в погранотряд», чтобы сколотить из бойцов диверсионно-вредительскую группу, но был разоблачен. В Бийске повел антисоветскую агитацию против раскулачивания и коллективизации; внушал сотрудникам музея, что «Сталинская Конституция — это ширма для дальнейшего обмана народа»; восхвалял убийцу Кирова; высказывал недовольство судебными процессами над Бухариным, Пятаковым и др. Ну и, конечно, занимался вредительством в музее.

Последнее обвинение следователь, опытный фальсификатор, постарался подтвердить документами. В деле имеется акт о состоянии музея от 22 августа 1938 г., подписанный сотрудниками музея И. С. Себелевым, Р. А. Антипенко и парторгом (он же — зам. зав. районо) В. И. Плиско. В этом акте, в частности, говорится, что «в своей работе Марков проводил умело замаскированные вредительские действия». В чем же они заключались? А вот: «Используя неопытность сотрудников, строил явно вредительски музейные экспозиции»: в первых залах — современное состояние промышленности, сельского хозяйства и пр., а в последних — прошлое города и района. По мнению авторов, это не давало посетителям правильного представления об истории развития общества и «борьбе трудящихся под руководством Партии за победу социализма в нашей стране».

Отмечен был и такой факт вредительства: Марков занимал под квартиру две комнаты в здании музея, что «не давало возможности расширять выставочные площади».

Сразу скажем, что здесь жили все предшественники Маркова, и никто их во вредительстве не обвинял. И экспозиция к нему перешла по наследству, ни одна комиссия, сколько их было, никакого криминала в ней не нашла, а якобы вредительское ее построение объясняется до смешного просто. В музее было два входа: кто входил с одной улицы, обозревал экспонаты в хронологическом порядке, с другой — в обратном.

Вряд ли до такого абсурдного обвинения додумались сами музейщики. Не иначе следователь помог. И подписать заставил, припугнул. Наверно, не без его помощи поя-

вилась и служебная характеристика Маркова, подписанная опять же Антипенко и Плиско. В ней также утверждается, что Марков вредительски строил музейные экспозиции, не занимался культурно-воспитательной работой с сотрудниками музея, почти не проводил производственных совещаний, был груб.

Имеются в деле и показания Антипенко в качестве свидетеля. Он вновь «изобличает» Маркова в грубости, от которой технички будто бы даже плакали. В ходе реабилитации технички в один голос заявили, что ничего подобного не было.

Нашлись и еще два свидетеля, а лучше сказать, лжесвидетеля: директор «Заготзерно» П. И. Барсуков и преподаватель школы колхозных кадров В. И. Остроумов. (Непонятно только, какое отношение они имели к музею.) Барсуков показал: «Марков — антисоветская личность. Развалил в музее политмассовую работу. К мероприятиям партии и правительства относится враждебно». Остроумов подтвердил: «Мне неоднократно приходилось слышать от Маркова контрреволюционные высказывания. Восхвалял фашистский строй».

В ходе реабилитации Остроумов, к тому времени уже проректор Бийского педагогического института, вначале заявил, что никаких показаний о Маркове не давал, а когда ему был предъявлен протокол допроса с его подписью, объяснил, что следователь этот протокол заранее составил, а он «поверил и подписал». Наверно, и Барсуков «поверил», и Антипенко с Себелевым. Только, мне думается, они просто испугались, что самих посадят.

А вот Марков не испугался, когда уже после окончания следствия из Барнаула приехал сотрудник краевого управления НКВД и предложил ему ... разоблачить контрреволюционную подпольную организацию, якобы существующую среди музейных работников края.

«Я заявил, — показал он в ходе реабилитации, — что такой организации не существует, оставьте меня в покое, я уже подписал все протоколы. Тот разозлился, ударил меня и заставил простоять на ногах 22 часа».

Но липовый протокол он все-таки не подписал и этим спас от верной смерти не один десяток людей.

А его самого Особое совещание при НКВД СССР от 25 октября 1938 г. приговорило к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. В марте 1939 г., после девятимесячного пребывания в бийской тюрьме, он был этапирован в Усольлаг (Северный Урал).

Как выяснилось в ходе реабилитации, вся вина Александра Павловича Маркова состояла в том, что он был сыном торговца...

Е. А. Грехова

БОРИС ФЕДОРОВИЧ БЕЛЫШЕВ (1910–1993)

«Чудное озеро, плотно окруженное стеной зеленого леса, который подходит со всех сторон к самой воде. На фоне зеркальной поверхности воды сосны казались более красивыми, яркими, а озеро, в свою очередь, тоже украшается этим лесом, как украшается сверкающий бриллиант дорогой оправой... Белые цветы кувшинок — эти красавицы наших вод — то группами, то поодиночке, как жемчуг, рассыпанный по мантии, украшали озеро. Мы стояли и молча смотрели на озеро, не в силах оторвать глаз от прелестной картины сверкающего в лучах заходящего солнца лесного озера. Вспомнились слова неизвестного поэта:

Чар природа полна,
Слейся с ней — зачарует она».

Эта замечательная цитата взята из неопубликованной работы известнейшего энтомолога-одонатолога Бориса Федоровича Бельшева «По Алтаю и приалтайским землям» (Записки охотника за стрекозами [4]).

Борис Федорович жил в Бийске с 1946 по 1958 г., в том числе четыре года (1955–1958) был заведующим отделом природы Бийского краеведческого музея.

Борис Федорович Бельшев родился 13 декабря 1910 г. в Томске в семье Федора Александровича Бельшева — ученого в области металлографии, преподавателя Томского технологического института. В 1928 г. он поступил в Томский технологический институт, но через два года перевелся в Ленинградский государственный университет, а еще через два года был отчислен из-за конфликта на факультете. С 1932 по 1935 г. Бельшев занимался прикладной зоологией в качестве охотоведа и научного сотрудника Новосибирского музея. Опубликовал сводку «Птицы Томской области». В 1936 г. его арестовали «как неисправимого врага народа», получил 10 лет Воркутлагеря. В начале 1946 г. заканчивался 10-летний срок заключения, и его перевели на поселение, разрешив работать в родных местах. В этот период Борис Федорович принял судьбоносное решение — начал изучать стрекоз, появились его первые публикации на одонтологическую тему [2]. Можно смело сказать, что рождение Бориса Федоровича Бельшева как ученого произошло в городе Бийске, куда он попал после десятилетнего срока пребывания в ГУЛАГе на лесоповале.

А потом... город Бийск, работа на Алтайской противотуляремийной станции, которая располагалась в заречной части города в двухэтажном деревянном здании, проживал он тоже в Заречье, в Некрасовском переулке [5]. Многочисленные экспедиции помогли собрать огромный научный материал, который лег в основу его фундаментальных исследований. 1946 г. — озеро Канонерское, река Потаскуй, озера Верх-

Б. Ф. Бельшев

необского бора; 1947 г. — реки Карагуж, Иша, Ануй; 1948 г. — Приалтайская степь, река Лебедь; 1949 г. — Усть-Кан; 1950 г. — Уймонская степь; 1951 г. — река Барнаул-ка, водоемы Верхнеобского борового массива, верховья реки Башкаус; 1952 г. — река Иша, близь реки Чои [4]. Все эти многочисленные экспедиции проходили зачастую в экстремальных условиях, при недостатке средств, при обстоятельствах, угрожающих жизни. Но основной работой экспедиций Бельшего и его команды стало выявление распространения комаров — переносчиков заболеваний, в том числе и туляремии, кроме того, по словам самого исследователя: «Мы выезжали в связи с обнаруженным исчезновением ондатры, в причинах чего была заподозрена туляремийная эпизотия, которая могла вызвать туляремийную эпидемию среди населения и в прилегающих селениях. Родина ондатры — Северная Америка, откуда она была выпущена на боровых озерах в 1937 году. Казалось, что хорошо прижилась ондатра на наших озерах, но после того, как она размножилась до промышленных значений, стала резко исчезать. Нам предстояла сложная задача установить причину: произошло вымирание или переселение?» [4]. В Бийске Бельшев также работал преподавателем биологии,

географии, химии в школе № 2. В 1953 г. его реабилитировали. С 1955 по 1958 г. читал лекции по географии растений и животных в Бийском педагогическом институте. На естественно-географическом факультете АГГПУ им. В. М. Шукшина в наши дни лучшие студенты получают стипендию имени Б. Ф. Бельшева. В эти годы Борис Федорович активно участвует в рабкоровском движении и сотрудничает с городской газетой «Бийский рабочий» [5]. В феврале 1955 г. Бельшев приходит работать в Бийский краеведческий музей на должность заведующего отделом природы. Через полгода, в августе, в исторический отдел поступает Борис Хатмиевич Кадиков, вместе они проработали в музее 4 года. Из воспоминаний Кадикова: «Впервые увидев Бориса Федоровича, я был поражен его обликом. Он был сухощав, с высоким орлиным носом, выпуклыми глазами. Бельшев обладал очень высоким ростом, но сутулился, у него были длинные руки, почерк твердый и разборчивый» [1]. Одевался экстравагантно. Даже на работах в ГУЛАГе следил за чистотой своего воротничка. Его белая фетровая шляпа была неизменным спутником во всех путешествиях. Некий аристократический флер отмечали многие его современники. По всей вероятности, это на генетическом уровне передалось от его далекого предка — графа Шувалова. Экспедиции и экскурсии продолжались, продолжался сбор научного материала. Борис Федорович Бельшев смог собрать самую большую в мире коллекцию стрекоз — 30 тысяч экземпляров. Хочется привести строчки из неопубликованной работы исследователя «По Алтаю и приалтайским землям»: «Потихоньку приближаю сачок, затем резкий взмах, и насекомое закрыто. Наступив на палку сачка ногой, хочу перевести дух, т. к. по опыту знаю, что в азарте легко могу выпустить стрекозу из сачка, что чаще всего бывает в тех случаях, когда ловишь каких-нибудь интересных или трудных для отлова насекомых. Но что это такое? Сачок, т. е. его марля, вдруг начинает подниматься и мотаться по воздуху. Там явно сидит кто-то крупный и сильный. Всматриваюсь и вижу, что вместе со стрекозой накрыл очень крупную лесную гадюку, и вот теперь эта черная гадина, извиваясь и шипя, старается выбраться на волю. Естественно, что подобный улов не вызывает восторга, т. к. очень осложняет извлечение стрекозы из сачка. Как достать насекомое и не быть укушенным гадюкой? Пытаюсь выпустить змею и приподнимаю край сачка, но мерзкое животное не желает выпадать и вьется в сачке. Наконец стрекоза выпархивает, а змея остается. Досадно. Едва сдерживаюсь от глупого поступка — желания убить виновника потери насекомого, который ни в чем не виноват, кроме того, что спокойно лежал там, куда села стрекоза» [4]. После 1956 г. в нашей стране была разрешена переписка с учеными разных стран. Борис Федорович активно переписывался с ведущими энтомологами мира. Ему в музей приходили письма из Австралии, Новой Зеландии, Бельгии, ЮАР и других стран [1]. В 1955 г. в Бийске на базе пединститута, лесного техникума и музея организуется Алтайский отдел Географического общества СССР, и Бельшев становится одним из первых действительных членов этого научного общества. Основатели этого общества — геолог М. Ф. Розен, зоолог Г. Д. Дулькейт, географ Я. К. Башлаков, археолог Б. Х. Кадиков — остались друзьями на всю жизнь. Потом, намного позже, в письме директору музея в 1964 г. Бельшев пишет: «...Следовательно, у музея есть основа для роста людей. Я хорошо научно работал, получая 42 р. 50 коп., меньше, чем уборщица у отца в лаборатории (Томск, политехнический институт) Эту традицию

музея — давать возможность научно работать, надо сохранять. Она будет привлекать сотрудников. Но это надо рекламировать, т. к. не все знают о ней, а вот об окладах знают все. Коллекцию стрекоз создать для музея очень трудно. У меня их много, особенно из озер Бийска, но все это пересушенные экземпляры на вате, которые разваливаются от прикосновения... Касаясь экспозиции, я могу повторить то, что говорил раньше: картинки природы никому не нужны, а коллекции привлекают всегда. Ландшафтная группа хороша, когда имеет коллекции... Музей — именно Кунсткамера, но с умным расположением редких и интересных вещей с обстоятельными этикетками» [3].

Чтобы оформить научные открытия, Б. Ф. Бельшеву разрешили в порядке исключения сдать кандидатский минимум и защитить диссертацию без законченного высшего образования. С просьбой к директору Бийского краеведческого музея обратился от имени группы ученых доктор биологических наук В. Н. Скалон из Иркутского сельскохозяйственного института, который пишет: «Значительная группа видных ученых страны проявляет заинтересованность в научно-правовом оформлении зоолога тов. Бельшева Б. Ф., стремясь по возможности обеспечить ему наиболее благоприятные условия для работы. Это объясняется широкой известностью т. Бельшева в кругах отечественных натуралистов как зоолога широкого профиля, притом единственного специалиста по отряду насекомых стрекоз. Своими трудами т. Бельшев давно заслужил право стоять в ряду дипломированных специалистов, на что не имеет формальных данных... Думается, что интересы дела требуют постановки вопроса о том, что бы ВАК освободил тов. Бельшева, как ученого с большим стажем и солидным числом ученых трудов, от сдачи кандидатского минимума» [3]. Борис Федорович Бельшев благодаря такой поддержке защитил в 1958 г. кандидатскую диссертацию на тему «Стрекозы Верхнего Приобья». Сразу после защиты Бориса Федоровича пригласили в конце мая 1958 г. во вновь открытый Алтайский государственный заповедник, где под его редакцией выходит «Летопись заповедника» с подробнейшим описанием природы территории самого заповедника и Телецкого озера. Затем он переезжает в Иркутск, в Сибирский институт физиологии и биохимии растений. Результатом почти шестилетнего пребывания в Иркутске была докторская диссертация «Фауна стрекоз Сибири» [2], которую он защитил в Алма-Атинском университете в 1964 г. После этого приходит признание в мире энтомологов — его приглашают в Биологический институт СО АН СССР в Новосибирск. Круг научных интересов доктора наук Бельшева многогранен, но самый большой вклад сделан им в одонатологии (наука, изучающая один из отрядов насекомых — стрекоз). Из 235 научных публикаций 178 относятся к области одонатологии. Среди них: трехтомный труд «Стрекозы Сибири» — крупнейшая сводка мировой одонатологической литературы; «Определитель стрекоз по крыльям», включающий 75 % мировой фауны; двухтомная «География стрекоз» — единственное в своем роде исследование, где на основании обработки огромных литературных и собственных материалов выявлено своеобразие географического распространения стрекоз. Оригинальные зоогеографические выводы доктора биологических наук Б. Ф. Бельшева внесли в копилку доказательств мобилистской концепции геофизиков дополнительные факты [1]. Мобилистская концепция тектоники литосферных плит впервые высказана в 1912 г. немецким ученым Вегенером. Она заключается в том, что некогда единый суперконтинент Пангея

в результате внутренних сил Земли 230 млн лет назад в каменноугольный период разделился на материки, которые продолжают свое движение. Нахождение стрекоз одного вида на разных берегах океана является подтверждением этой концепции.

В 1971 г. на первом одонатологическом симпозиуме, проходившем в Бельгии в Генте, Борис Федорович Бельшев был избран Почетным членом Международного общества одонатологов и стал первым референтом и заграничным редактором международного журнала «Одонатология». В 1985 г. в честь 75-летия Бориса Федоровича Бельшева в Новосибирске провели I Всесоюзный симпозиум по итогам и перспективам одонатологических исследований в СССР.

Однажды, стоя на берегу Оби в одной из многочисленных экспедиций, Борис Федорович думал: «...сколько поколений людей за истекшие тысячелетия побывало на этой реке! Сколько радости и горя людского она видала! Сейчас тут стоим мы, исследователи природы, любуемся великой рекой. Но очень скоро для нас, а для реки почти через миг, нас уже не будет среди живых, а громадная Обь будет по-прежнему нести свои воды с вершин Алтая до Ледовитого океана» [4].

Борис Федорович Бельшев умер в Новосибирске 9 марта 1993 г., оставив после себя огромное научное наследие.

Литература и источники

1. Кадиков Б. Х. Хочу рассказать. — Бийск, 2013.
2. Харитонов А. Ю. Старейшина сибирских энтомологов. — Новосибирск, 1985.
3. Документальный фонд БКМ, фонд Бельшева.
4. Фонды БКМ, рукопись Б. Ф. Бельшева «По Алтаю и приалтайским землям» (Записки охотника за стрекозами).
5. Цехановская Н. А. Известный энтомолог // Бийский рабочий. — 1985.

Е. А. Грехова

ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ ИРИСОВ (1936–1995)

Старожилы города Бийска, особенно те, чьи школьные годы пришлись на шестидесятые годы, хорошо запомнили музейные экспозиции отдела природы, которые существовали в это время. Они были выполнены очень умело и грамотно, будили любознательность и интерес у посетителей. Автором этой экспозиции был заведующий отделом природы Эдуард Андреевич Ирисов, к тому времени выпускник заочного отделения Томского университета биологического факультета.

Э. А. Ирисов родился в Новосибирске в 1936 г. Со школьных лет проявлял любовь к животным. В томской квартире, куда переехала семья, Эдуард организовал свой зооуголок, а в школе — юннатский кружок. Для получения заветной специальности биолога Эдуард Андреевич прошел довольно длительную дорогу: работал грузчиком, киномехаником, учился в медицинском институте, но в связи с заболеванием на втором курсе прекратил обучение, затем работал лаборантом, рентгенотехником. В 1958 г. создает семью и вскоре переезжает в Бийск, где сначала устраивается техником в Алтайский научно-исследовательский институт химической технологии [1].

В 1962 г. в январе приходит на работу в Бийский краеведческий музей, занимавший в то время два здания: каменный дом Варвинского и полукаменный дом напротив. Между ними был небольшой садик. В музее Эдуард Андреевич активно включается в работу. Наконец он имеет занятие, которое очень нравится, несмотря на маленькую зарплату. Гораздо позже в одном из воспоминаний он говорит, что мы тогда работали «вкусно». Экспозиция, которая так покорила сердца бийчан, создавалась в содружестве с художником Виталием Казимировичем Заборским. В тандеме с Ирисовым Заборский создал не только прекрасную экспозицию, но и ряд рисунков, в том числе уникальную карту «Природа Алтайского края. Объекты, подлежащие охране» (год изготовления карты — 1964-й). Это грандиозное полотно размером 2,5 × 1,5 м. Рисунки выполнены тушью. На карту нанесено 20 видов зверей, 10 видов птиц, 17 видов рыб по местам обитания, некоторые виды растений, целебные источники и другие уникальные объекты. Эта карта привлекала внимание многих исследователей, сотрудников ведущих музеев страны, и сейчас она имеет большую научную ценность.

В годы работы в музее Эдуард Андреевич создает орнитологический кружок для старшеклассников, ежегодно организует экспедиции на Алтай, собирая научный материал. Ребята — участники экспедиций сравнивали его с Жаком Паганелем. И действительно, беспредельная увлеченность, самоотверженность, любознательность роднили его с героем книги Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Все кружковцы сохранили восторженные воспоминания об этих экспедициях, а некоторые выбрали профессию зоолога: А. Адам стал доктором биологических наук, В. Стахеев — кандидатом биологических наук [2].

Э. А. Ирисов

В декабре 1964 г. Эдуард Андреевич Ирисов был избран председателем Ученого совета Алтайского отдела Географического общества СССР (ГО СССР), активно содействовал его эффективной работе, участвуя в организации научных конференций и издании тезисов докладов к ним, а также «Известий Алтайского отдела Географического общества СССР». Резиденция Алтайского отдела ГО СССР в эти годы находилась в красном здании музея (дом Варвинского) [5].

В 1966 г. Эдуард Андреевич защитил дипломную работу на тему «Птицы центральной части хребта Сайлюгем». Вот отзыв об этой работе: «Юго-Восточный Алтай в орнитологическом отношении изучен очень слабо. Поэтому данная работа представляет вполне определенный научный интерес. В дипломной работе использованы материалы лишь последней экспедиции, собравшей солидный коллекционный материал по 102 видам птиц. Все приведенные в работе данные отличаются большой точностью и обстоятельностью. Они являются важным дополнением к замечательной монографии по птицам Алтая академика П. П. Сушкина, идеи которого вдохновляли дипломанта». Выдающийся орнитолог П. П. Сушкин, действительно, являлся кумиром молодого ученого. Его портрет стоял на рабочем столе, а знаменитый двухтомник «Птицы Алтая» не залеживался на книжной полке [3].

Эдуард Андреевич Ирисов очень много сделал, чтобы Бийскому краеведческому музею было присвоено имя Виталия Валентиновича Бианки: он первым установил связь с родственниками писателя, пополнил фонды музея документальным материалом о Бианки, написал первые публикации в местную печать.

Бийский период жизни Э. А. Ирисова — это время становления его как ученого. Он пополнил список орнитофауны Алтая несколькими десятками видов птиц, для многих был уточнен ареал, получен дополнительный материал по экологии ряда видов, изучались зоогеографические закономерности распространения птиц в горных странах. Но основной блок исследований был связан с проблемой адаптации птиц к условиям жизни в высокогорье. Большое внимание Ирисов уделял вопросам размножения птиц. Им было обследовано более 1 500 гнезд. Он пополнил фонды музея хорошей коллекцией гнезд птиц, которая вызывала большой интерес у посетителей экспозиции музея [5].

Позже Э. А. Ирисов работал в Алтайском заповеднике, Алтайском госуниверситете, институтах Сибирского отделения АН СССР. В Чергинском экспериментальном хозяйстве им сделана многообещающая попытка одомашнить редкую высокогорную птицу — алтайского улара, весьма перспективного в этом плане. Был практически пройден полный цикл «от яйца до яйца». Он защищает кандидатскую диссертацию (1972). Э. А. Ирисов после перехода в 1974 г. на кафедру общей биологии Алтайского государственного университета оказался у истоков зоологического направления вуза. Сплав таких качеств, как профессионализм и талант педагога, сформировал из него прекрасного лектора и наставника молодежи. В этот период он организовал ряд экспедиций в тундру Таймыра, на Памиро-Алтай, в Предалтайские равнины. Сфера его научных интересов обширна. Как и многие орнитологи, начинал с фаунистики, но вскоре увлекся проблемой адаптации птиц к экстремальным условиям гор и больших высот. Эту тему Эдуард Андреевич разрабатывал по многим направлениям. Итог — его докторская диссертация (1995), которая стала, по признанию коллег, не только явлением российской науки, но и заметным вкладом в мировую орнитологию. Опубликованы многочисленные отзывы ученых на его докторскую диссертацию. Вот небольшой отрывок Г. Н. Симкина: «Диссертация меня покорила удивительной четкостью, стройностью и даже красотой текста. Его я не читал, а впитывал с необычайным наслаждением... Я смогу Ваши идеи широко пропагандировать среди студентов в своем вузе и в других вузах, где я периодически читаю выездные лекции. Желаю Вам, дорогой мой человек, огромного мужества и несокрушимой силы воли, которая творит на этой Земле самые невиданные чудеса» [4].

Е. А. Ирисов блестяще защитил докторскую диссертацию в Екатеринбурге, будучи тяжело больным. 2 апреля 1995 г. жизнь талантливого исследователя оборвалась.

Литература и источники

1. Известия Алтайского отдела Географического Общества Союза ССР. — Вып. 8. — Барнаул, 1967.
2. Русское географическое общество, Алтайский отдел. Орнитолог Э. А. Ирисов. — Бийск, 1995.
3. Библиографический указатель. Эдуард Андреевич Ирисов. — Барнаул, 2005.
4. Материалы Сибирской орнитологической конференции, посвященной памяти и 75-летию Эдуарда Андреевича Ирисова. — Барнаул, 2010.
5. Алтайскому отделу Русского географического общества в городе Бийске 60 лет. —

Барнаул, 2015.

Е. А. Грехова

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЦЕХАНОВСКАЯ (1936 г. р.)

Наталья Александровна Цехановская — известный краевед, ученый-географ, исследователь, ученый секретарь Бийского отделения Русского географического общества Российской академии наук.

Наталья Александровна родилась 11 июня 1936 г. в поселке Тимирязево Томской области в большой дружной семье. Ее отец, Александр Иванович Цехановский, работал директором леспромхоза, он лауреат Государственной премии, основатель уникального Музея леса в пос. Тимирязево — музей работает и поныне, имеет отличные отзывы посетителей. Мать, Любовь Зосимовна Поддъякова, человек творческий, многогранный, прекрасный художник, ее рисунки растений, созданные по просьбе известных сибирских ботаников — Лидии Палладьевны Сергиевской и Порфирия Никитовича Крылова, иллюстрируют страницы первой Сибирской энциклопедии 1930 г. Любовь Зосимовна была участником одной из экспедиций Кулика в поисках метеорита на Подкаменную Тунгуску. Будущее Натальи Александровны было предreshено фактом ее рождения в такой семье. В 1956 г. после окончания лесотехнического техникума и работы в Томском и Тимирязевском леспромхозах поступила в Томский государственный университет на геолого-географический факультет по специальности «Физическая география».

В Бийск Н. А. Цехановская приехала в 1963 г. Отсюда начиналась экспедиция сотрудников Западно-Сибирской гидрометслужбы Новосибирска и Барнаула. И ей как будущему географу предложили принять участие в этой экспедиции. Предстояли длительные маршруты по Чуйскому, Усть-Канскому и Уймонскому трактам, пешие переходы на высокогорья для установки суммарных осадкомеров, на плато Укок, к Белухе, на ледник Актру. Участие в такой значимой экспедиции предопределило круг будущих научных интересов, которым Наталья Александровна посвятила значительную часть своей жизни. Это изучение криогенных форм рельефа и ландшафтов Горного Алтая. Кроме того, она самозабвенно изучала растительный мир горных степей и лесов. После окончания экспедиции в поисках работы Наталья Александровна была приглашена заведующим отделом природы Э. А. Ирисовым в Бийский краеведческий музей. После собеседования ее приняли заведующей отделом фондов. В этот период в музее царил творческая обстановка, которую смог создать директор Геннадий Иванович Панаев. Эту должность он занял в 1957 г. Ему удалось заинтересовать и привлечь на работу в музей высококвалифицированных специалистов. В эти годы в музее работали историк Борис Хатмиевич Кадиков, зоолог Борис Федорович Бельшев, которого сменил в 1962 г. Эдуард Андреевич Ирисов, немного позднее — талантливый археолог Борис

Н. А. Цехановская

Лапшин, к сожалению, рано ушедший из жизни. Частыми гостями в музее были основатель Алтайского отдела Географического общества СССР (ГО СССР) Михаил Федорович Розен, бывшие сотрудники музея Иван Иванович Рычкалов, Дмитрий Иванович Кузнецов и другие друзья музея. В первый рабочий день Наталья Александровна сразу же принялась за дело: в первую очередь надо было разобрать и привести в порядок документальный фонд, погрузиться в документы, изучить их состояние, ценность, зарегистрировать и разложить по папкам. Для папок сделали стеллажи. Впоследствии Наталья Александровна такой же порядок навела и с гербарным материалом. По ее инициативе в бийской типографии были изготовлены коробки для хранения гербарных листов по образцу гербария Томского университета. Работая в музее, Наталья Александровна под руководством В. С. Ревякина в 1966 г. защитила дипломную работу на тему «Плато Укок. Физико-географическая характеристика» и получила диплом об окончании Томского государственного университета. Фонды музея, библиотека, отдел природы располагались в то время в дополнительном здании музея, по адресу: ул. Советская, 44, там же в пристройке находился гараж, где стояла музейная машина, возле которой

хозяйничал шофер — Виктор Борисович Пацев, отлично знающий свое дело, хорошо знакомый с алтайскими дорогами. Отсюда начинались многочисленные экспедиции. Еще один аспект деятельности Натальи Александровны хотелось бы осветить, приведя небольшой фрагмент одной из ее работ: «Мне посчастливилось быть участницей событий тех часов, дней, месяцев и многих лет, когда в Бийском краеведческом музее стало известно, что с именем Виталия Валентиновича Бианки — писателя-натуралиста связана история первого советского народного музея... Наше ходатайство перед Бийским отделом культуры, краевым управлением культуры было направлено в Министерство культуры РСФСР, и в октябре 1967 года в газете "Советская культура" было опубликовано постановление о присвоении имени В. В. Бианки краеведческому музею. Всю собирательскую деятельность и организацию по ходатайству возглавлял директор музея Геннадий Иванович Панаев, проявляя настойчивость и контроль. Он первым прочитал постановление». С этого времени Наталья Александровна долгие годы собирала материал о любимом писателе, о его семье и творчестве, поддерживала дружеские отношения с близкими писателя, участвовала в юбилейных конференциях. Благодаря этому в фондах музея собрался солидный документальный материал, посвященный жизни и деятельности человека, чье имя носит Бийский краеведческий музей.

В эти годы продолжалась деятельность Алтайского отделения ГО СССР, и Наталья Александровна занимала должность ученого-секретаря. С декабря 1963 г. в течение 46 лет она является старейшим действительным членом Алтайского отделения ГО СССР, а с 2004 г. — Бийского отделения Русского географического общества Российской академии наук. Непосредственным участником в организации и проведении ежегодных научно-практических конференций не только в Бийске, но и в других городах края. После смерти Г. И. Панаева Наталью Александровну Цехановскую назначили директором музея. Она постаралась сохранить ту творческую атмосферу, которую создал ее предшественник. В музее работали краеведческие кружки, научные сотрудники читали лекции на курсах инструкторов по туризму и экскурсоводов турбаз «Алтай» и «Рассвет», организованных при сотрудничестве директора экскурсионного бюро Тигрия Георгиевича Дулькейта. Должность директора музея сочеталась с общественной работой, поездками по районам, где создавались школьные музеи. В 1965 г. Цехановскую пригласили организовать секцию краеведения на филологическом факультете пединститута. Эта секция со временем стала очень популярной и востребованной на факультетах начальных классов и естественно-географическом. Многие выпускники этих факультетов получили дополнительную профессию руководителя школьного краеведческого кружка.

С 1978 г. Наталья Александровна Цехановская перешла работать в пединститут на факультет начальных классов, а затем на естественно-географический факультет. Ее интересы всегда были связаны с физической географией и краеведением. Наталья Александровна как талантливый педагог воспитала своих последователей. Одним из ее учеников был известный и уважаемый всеми бийчанами Павел Сергеевич Коваленко — автор нескольких книг по краеведению, создатель нескольких замечательных музеев: Музея Алтайской духовной миссии, краеведческого музея в школе № 4, Музея часов.

Наталья Александровна Цехановская является автором более 250 научных работ, сотен статей по краеведению в периодической печати, автором и соавтором четырех книг по краеведению, школьного учебника «Бийскоеведение». Многолетняя плодотворная деятельность Н. А. Цехановской в качестве исследователя природы Алтая, ученого секретаря Алтайского отделения ГО СССР отмечена медалью П. П. Семенова-Тянь-Шанского (1980), Почетной грамотой президиума ГО СССР за большие заслуги перед советской географией и Географическим обществом СССР за подписью президента ГО СССР, члена-корреспондента АН СССР А. Ф. Трешникова (Ленинград, 12 мая 1978 г.), а также почетными грамотами президиума Алтайского отделения РГО, администрации Бийска. За большой вклад в изучение природы Бийска и Алтая, музейную и педагогическую деятельность, участие в написании школьного учебника «Бийскоеведение» награждена знаком «Почетный работник высшей школы Российской Федерации», медалями «Ветеран труда», «300 лет Бийску».

Н. А. Фролов

ПАВЕЛ ДЕМЬЯНОВИЧ ДЕМЬЯНОВ (1908–1984)

Среди многих сотрудников Бийского краеведческого музея за сто лет его существования далеко не все являлись директорами или сделали выдающиеся научные открытия. Большинство работников были честными и добросовестными людьми, понимавшими значение краеведения и вносившими свой посильный вклад в развитие музея. Именно к таким сотрудникам относится Павел Демьянович Демьянов, который пришел в 62 года, уже пенсионером, в музей и отдал ему почти 10 лет своей жизни.

Родился П. Д. Демьянов 13 ноября 1908 г. в деревне Грива Бельского уезда Смоленской губернии в семье крестьянина-середняка. В 1925 г. окончил школу второй ступени, в 1929 г. — двухгодичную Смоленскую губернскую советско-партийную школу.

Работать начал в 17 лет заведующим избой-читальней, районным инспектором по политпросвету в с. Панкрушиха Алтайского края. Здесь же с 1930 по 1935 г. — заведующим школой коммунистической молодежи и учителем истории. Затем в с. Хабары с 1935 по 1939 г. — заведующим учебной частью и учителем средней школы. С декабря 1939 г. по июнь 1941 г. П. Д. Демьянов был заведующим Хабаровским районо [3].

О военном времени Павел Демьянович писал в своей автобиографии так: «После мобилизации в армию в 1941–1942 гг. учился в Омском училище зенитной артиллерии и окончил его со званием "лейтенант". После этого до марта 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне в составе 143-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона в должности заместителя и командира батареи, помощника начальника штаба по разведке. В марте 1945 г. был переведен на должность следователя военной прокуратуры в корпус ПВО. С этой должности в декабре 1945 г. демобилизовался в связи с расформированием корпуса» [3].

За участие в войне П. Д. Демьянов был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией».

Его родной брат Иван был убит в 1941 г. на фронте, а родители погибли в 1942 г. в деревне Грива во время немецкой оккупации. «И потому не было предела ненависти к оккупантам у артиллериста-зенитчика, старшего лейтенанта, коммуниста Демьянова, — писал М. Длуговской. — Его батарея нещадно била по немцам-стервятникам, защищая военно-морскую базу под Новороссийском. О чем он тогда думал? Только об одном — выстоять и победить» [2].

К окончанию войны у Павла Демьяновича и Анны Ивановны Демьяновых росло пять детей.

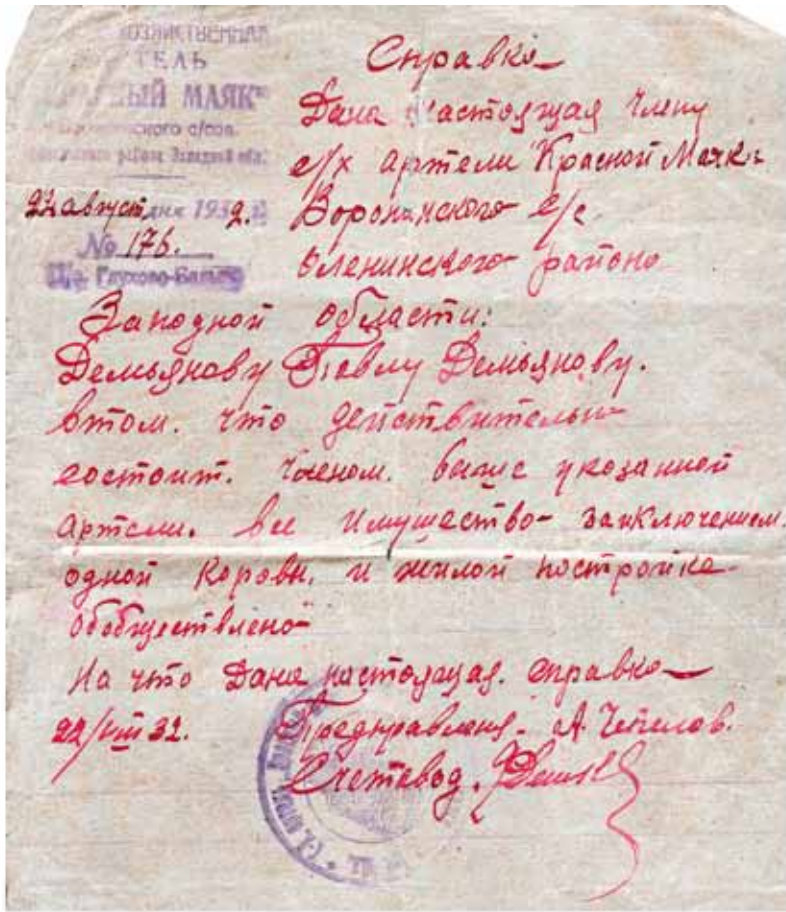

П. Д. Демьянов

В дальнейшем судьба надолго связала П. Д. Демьянова с профессиональной партийной работой: он был завкабинетом политпросвещения, заведующим идеологическим отделом, 13 лет — секретарем Хабаровского, Сростинского, Старобардинского и Зонального РК КПСС.

В 1950-е гг. его, как солдата, партийные органы семь раз вместе с большой семьей перебрасывали из района в район. Всюду «он трудился добросовестно, отдавая делу все свои знания и многолетний жизненный опыт» [2]. По результатам этой работы Павел Демьянович был награжден орденом Знак Почета и медалью «За освоение целинных и залежных земель».

В Бийском районе П. Д. Демьянов проработал 15 лет. Дети вспоминают, что домой он возвращался часто в запыленной гимнастерке или кителе. Штатский костюм стал надевать незадолго до пенсии. Дома всегда делился о сделанном и увиденном за день, и все домашние сопереживали за состояние дел в районе. Они с женой критически относились к сталинскому периоду правления. В партийном аппарате не приветство-

Документы из семейного архива

влась прямота в характере Павла Демьяновича, и его, скорее всего, с облегчением «проводили» на пенсию в апреле 1969 г. [3].

Он недолго оставался пенсионером и уже с 8 января 1971 г. с удовольствием пошел работать научным сотрудником в Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки.

М. Длуговской хорошо знал П. Д. Демьянова по работе в музее, часто беседовал с ним и потом записал: «Не боюсь сказать, что он нашел свое второе призвание в жизни, занявшись поиском материалов, архивных документов, их научной обработкой и посвящением людей в историю родного города» [2].

Директор музея Б. Х. Кадиков писал в характеристике на П. Д. Демьянова: «С января 1971 г. работает в Бийском музее в должности зав. отделом истории советского периода... быстро освоил специфику музейного дела и выполняет свои обязанности с чувством большой ответственности» [1]. Они дружили, эти два разных человека. Это не мешало им нередко спорить по работе и уважать друг друга одновременно.

Е. А. Грехова, проработавшая в музее 25 лет, рассказывает, что первое впечатление от знакомства с Павлом Демьяновичем у нее сохранилось на всю жизнь. Это был крупный, внушительный человек. Потом уже она стала понимать, что это правдивый, бескомпромиссный человек и настоящий правильный коммунист, в котором Елена Анатольевна узнавала своего отца. П. Д. Демьянов был секретарем партийной организации музея, и на партийных собраниях всегда шел откровенный и требовательный разговор о недостатках в работе музея, «не взирая на лица».

Другие сотрудники музея, которые работали с П. Д. Демьяновым, будучи в два раза моложе его, отмечают юмор и ироничность этого человека и говорят, что работать с ним было очень легко. Он не давил молодых сотрудников авторитетом возраста и опыта прожитых лет, но не терпел вранья и непрофессионализма. Конкретность в делах была выраженной чертой его работы в музее.

За восемь лет Павел Демьянович описал истории 66 человек — известных в городе людей: учителей, врачей, председателей колхозов, милиционеров, организаторов советов, писателей и поэтов, подпольщиков и партизан. Оформил несколько стендов и планшетов о людях г. Бийска 1920–1940-х гг., которые затем ежегодно обновлял. Сделал в газетах 63 публикации, в том числе 14 — в «Бийском рабочем». За время работы в музее им прочитано 100 лекций для участников экскурсий, сдано в фонды музея более 2 500 предметов. Он систематизировал результаты своей деятельности настолько тщательно и аккуратно, что даже 40 лет спустя сотрудники называют их «фондами Демьянова».

Уходя на «вторую пенсию» в 1978 г., он сделал тщательный отчет о проделанной за 8 лет работе. Основательность была выраженной чертой в деятельности Павла Демьяновича.

В задумке у него после 1978 г. была книга, но он не выдержал сидения дома и 22 августа 1980 г. вновь вернулся на работу в музей, хотя уже болел диабетом. В самом начале января 1982 г. Павел Демьянович окончательно уволился из музея «по семейным обстоятельствам и состоянию здоровья», а 13 июля 1984 г. его не стало.

Директор Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки 27 июля 1984 г. получил письмо: «Уважаемый Борис Хатмиевич! На днях узнала о кончине Павла Демья-

новича Демьянова. Прошу принять от меня горячее сочувствие в потере этого человека. Соболезную Вам и всему коллективу музея. Горестно мне знать, что нет Павла Демьяновича. Много, слишком много сделал он для меня и моей семьи, восстанавливая по документам прошлого доброе имя моего мужа, Константина Андреевича Лихторович. Спасибо ему! Огромное спасибо за его кропотливую многогранную работу и для меня, и для многих людей Всегда будем чтить его память... 27.07.1984 г. Ю. С. Лихторович» [1].

Литература и источники

1. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. Автобиография П. Д. Демьянова.
2. Длуговской М. Служение людям // Бийский рабочий. — 1978. — 16 нояб. (№ 228).
3. Семейный архив Демьяновых.

Н. А. Фролов

БОРИС ХАТМИЕВИЧ КАДИКОВ (1932–2010)

В «Википедии» сказано, что Борис Хатмиевич Кадилов — советский и российский историк, краевед, видный деятель культуры г. Бийска. Лаконично, но очень точно. Борис Хатмиевич проработал в Бийском краеведческом музее 53 года, в том числе 14 лет — директором. Задача этого материала состоит не в том, чтобы повторить уже много раз описанные трудовые успехи этого выдающегося краеведа или напомнить о фактах его заслуженного признания в Бийске, Алтайском крае и стране в целом. Хочется хотя бы попытаться ответить на вопрос, в чем заключается общепризнанный феномен Б. Х. Кадилова как исследователя и человека и что лежало в основе его таланта.

Борис Хатмиевич Кадилов на самом деле родился 16 октября 1931 г., но отец из лучших побуждений записал дату его рождения годом позже. Первый раз ему повезло в жизни в том, что мама его, Елизавета Александровна, была учительницей в школе, и уже в четыре года он научился читать, а в семь лет читал «серьезную литературу» [8, с. 11].

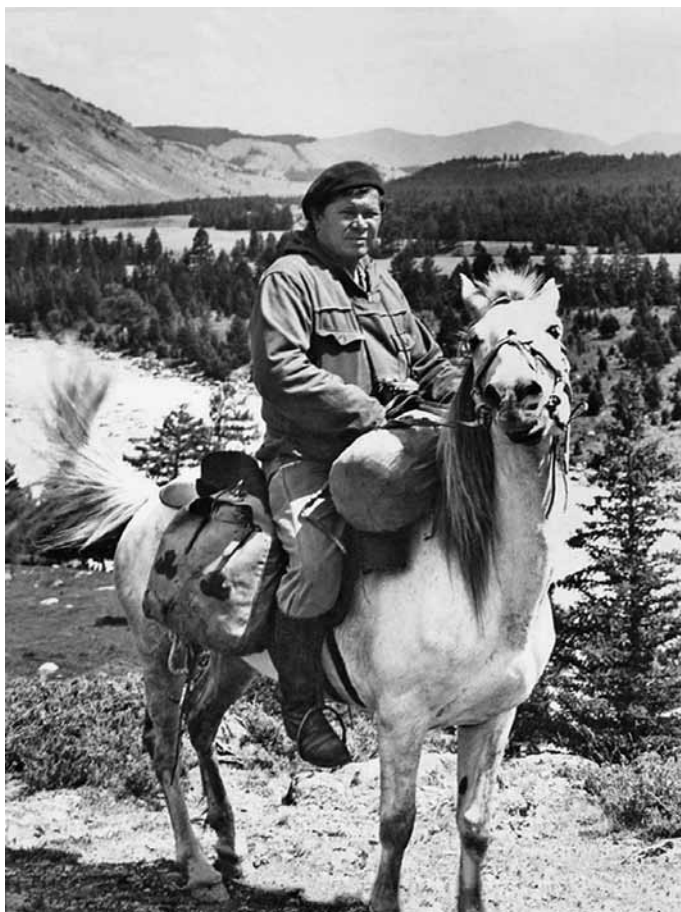
Из его автобиографии видно, что природа наградила мальчика живым умом и прекрасной памятью. Эти природные качества Борис, сам того еще не осознавая, тренировал с детства. Рос он на природе, очень любил лошадей и умел ухаживать за ними, добывал голубей в голодные военные годы. Сама жизнь торопила его взросление и стремление правильно выбрать свое будущее.

Даже в годы войны Борис находил возможность очень много читать «взрослой» литературы и уже в 9-м классе «твердо решил стать археологом» [1, с. 22]. Ему удивительно везло на знакомства с людьми, разбирающимися в археологии, которые только укрепляли его юношеские стремления. В августе 1950 г. Борис поступил в Пермский университет на истфак и стал ходить в археологический кружок известного археолога О. Н. Бадера, на практике активно участвовал в раскопках палеолитических стоянок и уже на 3-м курсе самостоятельно открыл мезолитическую стоянку. Интересно, что могильник ерзовской культуры Борис открыл недалеко от села Елого, где жила его будущая жена Майя Александровна.

Второй раз очень повезло молодому Борису в выборе своей спутницы жизни. Майя Александровна всю их долгую совместную жизнь была Борису Хатмиевичу надежной опорой и сумела сделать так, что трудовая деятельность мужа была для него не работой, а образом жизни.

Борис Хатмиевич и Майя Александровна приехали по распределению в Бийск и привезли с собой более 200 кг книг.

В музее, где стал работать Б. Х. Кадилов, в это время трудился будущий всемирно известный ученый Б. Ф. Белышев, который познакомил его с удивительным геоло-

Б. Х. Кадиков

гом и краеведом М. Ф. Розеном, потрясающим знатоком литературы и феноменальной личностью Л. А. Мальцевым, удивительным художником В. К. Заборским и другими очень образованными и деятельными представителями интеллигенции послевоенного Бийска. Эти люди практически сразу же признали молодого Б. Х. Кадикова и приняли в свою среду, потому что он уже имел хорошее историческое образование и опыт в археологии, потому что он на их глазах стремился получать новые знания, потому что умел слушать других и не боялся практической работы.

В первые же дни работы в музее Борис Хатмиевич вместе с А. П. Марковым стали изучать археологические памятники в Бийске и его окрестностях. В сентябре 1955 г. Б. Х. Кадиков добрался до озера Иткуль.

Впоследствии он рассказывал, что в 1955–1956 гг. полностью обследовал «каждый погонный метр береговой полосы большого и малого озер Иткуль» [1, с. 47]. Едва не утонул на моховых болотах. По словам А. М. Малолетко, Борис Хатмиевич открыл на берегах озера Иткуль 35 разнообразных памятников, которые «подарил» для дальнейших исследований археологу Ю. Ф. Кирюшину. А. М. Малолетко отмечает, что

Б. Х. Кадиков был удачливым и щедрым полевиком: он «подарил» А. П. Окладникову известный раннепалеолитический памятник «Улалинка» в Горно-Алтайске, томскому археологу М. Шунькову – памятник «Демитриевка» [3, с. 84].

Борис Хатмиевич любил поиски нового, но не хотел оформлять свои находки в виде научных публикаций. За годы своих археологических изысканий по краю он сделал около 70 тыс. разных находок. Бывавшим вместе с ним людям казалось, что Б. Х. Кадиков обладает талантом провидения: некоторые открытия он «увидел во сне», некоторые он «чувствовал». Например, в 1959 г. в поездке к селу Мендур-Соккон сломался музейный грузовик, и, по словам Бориса Хатмиевича, он «будто почувствовал что-то», прошел 130 метров и нашел уникальную руническую надпись. Возможно, археологические памятники обладают каким-то притяжением, и он лучше других ощущал это притяжение.

В этой же этнографической поездке к селу Мендур-Соккон, как рассказывает Борис Хатмиевич, «мы обнаружили богатейший комплекс самых разнообразных рисунков» [1, с. 149]. В конце 1950-х гг. наскальные рисунки на Алтае никто серьезно не изучал. Б. Х. Кадиков стал активно собирать научную литературу по этой теме. С 1959 г. Бийский краеведческий музей собрал несколько тысяч рисунков в разных регионах Алтая и создал большую выставку, которая детально в наскальной живописи рассказывает о культурно-исторической эпохе Алтая. Увлечение Бориса Хатмиевича наскальной живописью вылилось в то, что в настоящее время на Алтае известно более 200 местонахождений рисунков, и все больше ученых обращаются к этой теме.

Пытливый ум Кадикова, как топливо, все время требовал новой информации. Он мог всю ночь читать самую разнообразную литературу. Однако еще более важно, что он стремился получать информацию, например, об истории Бийска от жителей города. «Я завел себе правило, — говорил Борис Хатмиевич, — пройти по всем улочкам Бийска. Общая их протяженность — четыреста с лишним километров, и все они мною были пройдены» [1, с. 52]. Он любил и умел разговаривать с бийчанами-старожилами. Его удивительная память навсегда и в подробностях фиксировала информацию из таких встреч. Из этого родилось многолетнее увлечение Бориса Хатмиевича дореволюционной историей Алтая и Бийска особенно. Кто-то из знавших его писал: «Кадиков проходит по Бийску подобно леснику: ему знакомы все деревья на делянке» [2]. В виде очерков до нас дошла очень малая часть его знаний о дореволюционном Бийске. Поражает его глубокое знание, например, биографий семьи купца Н. И. Асанова, меценатов Копыловых, купцов Морозовых. Замечательны зарисовки Кадикова о Л. А. Мальцеве, М. Ф. Розене, Б. Ф. Бельшеве, А. П. Маркове, В. К. Заборском — своих современниках.

Со знанием дела он описывал микротопонику с. Сростки. Свидетельствами глубокого погружения в эту тему являются хранящиеся в Бийском краеведческом музее им. В. В. Бианки его многочисленные выписки из словарей и другой специальной литературы. То же самое относится к его очерку «Петроглифы Алтая» [4].

Много мифов существует о том, что Борис Хатмиевич не любил писать тексты о своих открытиях и находках. Журналист В. Ф. Белозерцев даже обронил как-то, что «Кадиков боится белого листа». Один из известных краеведов, считающих Б. Х. Кадикова своим учителем, говорил, что он ленился писать. Один из бывших работников музея утверждает, что «Кадиков сам никогда ничего не писал. Вокруг него кормились все, кому не лень». На самом деле все далеко не так однозначно. Нам всем больше запомнился

«поздний» Б. Х. Кадиков, который действительно предпочитал «наговаривать» текст, но именно этой живой прямой речью особенно ценны его поздние рассказы [1]. Однако В. Н. Кислицын и А. М. Малолетко в своей работе «Чуйский тракт», рассказывая о Борисе Хатмиевиче, называют 13 печатных работ, где он является соавтором [2].

Скорее всего, здесь также проявляется любовь Бориса Хатмиевича к первооткрывательству и его выраженная готовность делиться информацией. Серьезные научные статьи доктора исторических наук А. В. Старцева о бийских купцах Морозовых, Васеневе, Копылове, Ассанове, например, появились после разговоров автора с Б. Х. Кадиковым, который поднимал интересные личности из исторической темноты и стимулировал краеведов к дальнейшей работе. Он как профессиональный искатель воды как бы говорил: «Копайте здесь и не ошибетесь», — а сам шел дальше. Иногда ему приходилось проявлять большую волю и настойчивость, чтобы заинтересовать своим открытием ученых. Он сам рассказывает, как с трудом добивался, чтобы найденные им рунические тексты посмотрел известный тюрколог Н. А. Баскаков, и только через 6 лет они были переведены [1, с. 151].

В. А. Шнайдер, посвятивший многие годы исследованию жизни бийских купцов, отмечал: «Судьба свела меня с прекрасным человеком и большим знатоком истории Бийска – Борисом Хатмиевичем Кадиковым. От него первого я узнал, что купцы не были никакими мироедами, а в большинстве своем хорошими людьми. И благодаря им наш город стал прекрасным и уютным» [5].

Учеником Б. Х. Кадикова считает себя известный исследователь истории Бийска С. Ю. Исупов. На открытии выставки «Мой взгляд», посвященной 76-летию Б. Х. Кадикова, последний говорил: «Со многими бийчанами я знаком. Некоторые подходят ко мне и рассказывают что-то новое и интересное, зная мое увлечение историей. Таких фактов не найдешь ни в одних архивах. Доброе отношение вдохновляет, поддерживает и дает силы для новых научных поисков».

Все, бывавшие вместе с Борисом Хатмиевичем в экспедициях, отмечают его «жадность» в сборе экспонатов для Бийского краеведческого музея. А. М. Малолетко, А. Родионов с восторгом описывают, как на их глазах он выискивал, выменивал (иногда с использованием «поллитровки») нужные для музея вещи. Сам Борис Хатмиевич в рассказе «Происхождение тюркских имен» сообщает нам, как он высчитал возраст алтайца Уйболы по его имени. Растроганный и удивленный старый алтаец подарил в музей великолепное старинное тесло [1, с. 122].

Он умел разговаривать алтайцев и русских староверов, старых и молодых, потому что любил людей и умел их слушать. Б. Х. Кадиков открывал даже не отдельные экспонаты, а целые новые направления в работе музея. С. А. Соловьева писала в 2007 г.: «Стараниями старшего научного сотрудника Бийского краеведческого музея Б. Х. Кадикова известны имена некоторых мастеров, работавших у А. А. Борзенкова. Среди них Емельянов, Сухомятов, П. Я. Иванов, И. Е. Селиверстов...» [6, с. 4]. Речь идет о дореволюционных мастерах резьбы по дереву. Борис Хатмиевич первым увидел, оценил этот пласт дореволюционной деревянной архитектуры, объяснил первоначальный исторический смысл появления украшений на доме как берегов для жильцов и нашел очень красивый способ использования деревянных резных наличников в экспозициях музея. Он же был инициатором большой многолетней работы по созданию истории кумандинского народа и т. д.

Когда в 1990 г. музеем передали историческое здание Н. И. Ассанова, именно Б. Х. Кадиков практически в одиночку «спроектировал» все будущие экспозиции, которые теперь стали лицом Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки.

Все, кто знал Бориса Хатмиевича, вспоминают его как удивительного рассказчика, обладающего не только глубокими разнообразными знаниями в своей области, но, что не менее важно, умеющего увлекать и «заражать» слушателей, для которых он совершенно не жалел своего времени. Бывший директор музея В. В. Орлов рассказывает, что комсомольский актив города на своих выездных семинарах мог слушать Б. Х. Кадикова, затаив дыхание, по три часа и больше.

По рассказам работавших с ним Е. А. Греховой и Н. И. Заниной, Борис Хатмиевич всю информацию, которую «тоннами» извлекал из многочисленных книг и научных журналов, почти ежедневно с комментариями доносил до своих коллег. Часто «подсвечивал» им книги и рекомендовал изучить ту или иную статью. Знаниями своими умел делиться не в назидательном тоне, а деликатно. Эти информационные летучки в музее называли «кадиловскими университетами». При музее в свое время работали курсы инструкторов по туризму, кружок краеведения для школьников, и здесь роль Бориса Хатмиевича как лектора и рассказчика была решающей.

Э. П. Шмойлов в статье «Сорок дружеских лет» в 2000 г. рассказывал о своем друге и советчике Б. Х. Кадикове: «Хотелось бы выделить еще одно благородное качество моего друга – его умение общаться с разными возрастными группами людей. Такое приходит не сразу, а с годами кропотливой работы. Его знают дети практически всех школ города, его знают учащиеся средних учебных заведений, о нем говорят студенты вузов. В городе нет ни одного краеведческого кружка школьников, где бы ни выступал Борис Хатмиевич...» [7, с. 42].

Он охотно уделял свое время и общался как с серьезными учеными, так и с «простыми» людьми. Н. А. Кадикова рассказывает, например, что из экспедиций они с Борисом Хатмиевичем возвращались через Денисову пещеру, и серьезные ученые ждали с нетерпением, чтобы пообщаться с ним, показать свои находки и послушать его мнение.

Целых 14 лет Б. Х. Кадиков был директором музея, которому вечно не хватало средств на полноценную работу. Зарплаты сотрудников меньше, чем у техников, но музей исправно выполнял свои обязанности перед бийчанами и жителями нашей страны. Он был хорошим директором: справедливым, понимающим, ценящим своих коллег по работе. Хозяйственные проблемы его не угнетали. Все отмечают, что это был глубоко порядочный руководитель, который ценил и понимал результаты работы других. Е. А. Грехова вспоминает, как Борис Хатмиевич однажды приехал посмотреть ее работу по созданию музея Чуйского тракта в ДСУ № 10. Он внимательно изучил экспозицию, помолчал и сказал: «Молодец, Лена».

В 1996 г. Б. Х. Кадикову было присвоено звание «Почетный гражданин города Бийска». В 2000 г. его многолетняя научная деятельность была отмечена тем, что Борис Хатмиевич стал лауреатом премии имени академика Д. С. Лихачева за выдающийся вклад в сохранение культурного наследия России.

Когда в ноябре 2010 г. его не стало, то люди откликнулись на это горе удивительно душевно. В. Соловьев немедленно опубликовал в Интернете заметку «Учитель», в которой написал о Б. Х. Кадикове: «Порой вообще казалось, что это и не человек

даже, а мудрый домовой, выбравший своим местообитанием городской музей (а где же должен обитать главный домовый города?), который никогда не покинет Бийск, раз обосновавшись здесь. И вот его больше нет... Останутся лишь мертвые строки на страницах книг, оживить которые так, как это мог сделать Кадиков, больше не сможет никто... О таких людях достаточно сказать всего два слова: Хранитель и Учитель. Он никогда не лез в политику, не высказывался по вопросам, далеким от сферы своей компетенции. Он просто был среди нас, храня память о нашем прошлом и охотно делясь ею со всеми, кого это по-настоящему интересовало» [8].

Трижды повезло Борису Хатмиевичу в жизни по-крупному: с матерью Елизаветой Александровной, с женой Майей Александровной и с тем, что попал он по распределению на работу в музей г. Бийска. Сам Борис Хатмиевич об этом рассказывал так: «Став взрослым, ехал я на Алтай и испытывал необыкновенное волнение. Я чувствовал, что Алтай для меня лично не просто какие-то горы, а что-то такое необъяснимое, связанное с далеким-далеким прошлым» [1, с. 7]. Он даже не исключал, что его прапрапредки пришли в Башкирию с Алтая через Кавказ. Алтай в историческом, археологическом и культурном плане оказался для Б. Х. Кадикова почти непаханной целиной. Он полностью использовал свой шанс и оставил на культурном поле Алтая свою неповторимую и незарастающую борозду.

Теперь понятно, что вопрос, кому повезло больше – Б. Х. Кадикову с Алтаем или наоборот, является риторическим. Важен не ответ. Многих достойных людей принял в свою историю Алтай, но только по очень немногим из них уместна такая постановка вопроса. Б. Х. Кадиков — один из них.

Литература и источники

1. Кадиков Б. Х. Хочу рассказать. — Бийск, 2012.
2. Радионов А. «Он мужественный брат мой» // Сибирские огни. — 2011. — № 8.
3. Кислицын В. М., Малолетко А. М. Чуйский тракт. — Барнаул, 2013.
4. Краеведческий вестник. — 1997. — № 5.
5. Шнайдер В. А. Дворики старого Бийска. — Барнаул, 2009.
6. Соловьева С. А. Деревянное кружево Бийска // Краеведческий вестник. — 2007. — № 13.
7. Шмойлов Э. П. Сорок дружеских лет // Краеведческий вестник. — 2000. — № 10.
8. Соловьев В. Учитель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dolphin1982.livejournal.com/54360.html>.

Е. А. Грехова

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА

1

Вопрос об организации музея или экспозиционного пространства, посвященно истории легендарной дороги — Чуйского тракта, возникал не один раз. В фондах Бийского краеведческого музея в архивных материалах хранится переписка 1930-х гг. между бывшим тогда директором музея С. М. Сергеевым и начальником строительства Чуйского тракта В. В. Вишневым о создании в музее экспозиции по истории тракта. Затем попытка создания такого музея была предпринята в 1980-е гг. на крупном городском автотранспортном предприятии «СовавтоБийск», которым руководил в те годы Г. Г. Карпушкин. Много и продуктивно работал над этой темой научный сотрудник краеведческого музея В. Н. Шипилов. Ему удалось собрать богатый документальный и вещественный материал, на основе которого был создан раздел в экспозиции. К сожалению, Виктор Николаевич рано ушел из жизни, и многие его задумки не были воплощены.

2

Идею создания музея Чуйского тракта удалось воплотить в жизнь начальнику ДСУ-10 Юрию Дмитриевичу Никишину.

У каждого человека в жизни бывают такие встречи, которые влияют на судьбу самым радикальным образом. В моей жизни одной из таких судьбоносных встреч было знакомство с Юрием Дмитриевичем Никишиным.

Впервые я увидела его выходящим из кабинета директора музея (в те годы им был Борис Хатмиевич Кадиков). Борис Хатмиевич посмотрел на меня и кивнул головой вслед уходящему невысокому человеку: «Представляет! Весь Чуйский тракт пешком прошел!».

Прошло много лет, я стала настоящим музейщиком. За спиной — построение нескольких экспозиций, увлекательные поездки по Чуйскому тракту. И однажды в музей пришел тот самый человек, и я его сразу узнала.

– Юрий Дмитриевич Никишин, — представился он, — начальник ДСУ-10.

И сразу перешел к делу.

– Елена Анатольевна, давно вынашиваю идею создания музея Чуйского тракта, мне посоветовали обратиться к Вам.

Честно говоря, я сильно засомневалась, по адресу ли он обратился. Тема для меня совсем новая. Материал скудный, и его мало.

Немного подумав и посоветовавшись с научным сотрудником музея Н. А. Головановой, с которой мы проработали вместе не один год, я согласилась при условии, что будем делать этот музей вдвоем. Вскоре Надежда Александровна перешла работать в лесхоз-техникум на преподавательскую должность и создала там свой музей — Музей леса.

Е. А. Грехова. Открытие музея Чуйского тракта в доме Варвинского

Шоферы — ветераны Чуйского тракта

Потом, намного позже, я прочитала в книжке «Все отпечатано в душе» Анатолия Дмитриевича Заболоцкого, оператора и духовного наследника В. М. Шукшина, следующие строки:

«И еще конкретность о музейном устройении. Когда мы работали на Чуйском тракте, снимая "Печки-лавочки", на площадке не однажды появлялся "колготной" человек, начальник ДСУ-10. Фамилию его я тогда не знал, но злился на него люто, потому как он надолго отрывал Шукшина от съемочного процесса.

Макарыч вечером восторгался: "Какой молодец мужик, в одиночку собирает музей Чуйского тракта и округа. Просит помощи. Вот осяду на родине, с ним законтачу".

Меня пугала озаренность Макарыча, я молча не соглашался, но прошло тридцать лет, и уважаемый травник Геннадий Свиридонов привез меня на окраину Бийска посмотреть музей Чуйского тракта, созданный личной инициативой директора ДСУ-10 Никишина Юрия Дмитриевича.

К нашему появлению в музее прошло два года, как директор ушел из жизни, и со дня на день музей по частям передается в Барнаул «Алтайавтодору». ...разумно было бы музейное собрание в Бийске разместить в Красном доме у моста через Бию, как мечтал от том его зачинатель Ю. Д. Никишин, о чем он и просил помощи у Шукшина».

Забегая вперед, скажу, что все так и произошло.

...В назначенный день мы прибыли на предприятие. Переулок Центральный, 10. Нас приятно удивил двор ДСУ-10. Просторный, везде асфальт, дорожная техника стоит ровно в ряд. Цветы, клумбы, много зелени, яблоневый сад и не один (много лет он радовал меня весной буйным цветением, а осенью небывалым урожаем яблок разных сортов) Кроме яблонь — стройные ели, сирень, липы, дубки, маньчжурский орех. Чисто, добротнo, ухожено. На предприятии каждую неделю проводился «чистый четверг». Невзирая на должность, все работники выходили приводить в порядок территорию. Для рабочих есть прекрасно оборудованный медпункт с физиокабинетом, сауна, гостиница, спортзал, бильярд и столовая. Сам Юрий Дмитриевич хорошо играл в шахматы, и по его просьбе столяр смастерил шахматный стол и выточил фигуры шахмат-великанов. Сейчас их можно увидеть в музее Чуйского тракта. Везде чувствуется хозяйская рука. Юрий Дмитриевич встретил нас в своем кабинете, показал залы будущего музея, в которых шел ремонт, и имеющиеся материалы для будущего музея. Надо сказать, что, работая сначала в Управлении дороги Чуйского тракта, а затем начальником ДСУ-10, Ю. Д. Никишин чувствовал историческую, музейную ценность документов, архивного материала, фотографий, чертежей, карт и прочего и собирал их.

Работать с ним было сложно, но интересно. Юрий Дмитриевич был очень требовательным, все вопросы решал сам, но и ответственность тоже брал на себя.

3

Ю. Д. Никишин родился в Бийске, в Заречье, в 1932 г. Его отец был репрессирован, о чем сам Юрий Дмитриевич старался не говорить. Что пережила семья в годы лихолетий и войны, можно только догадываться, но чувство трепетной любви к матери Юрий Дмитриевич пронес через всю жизнь. Поступил и успешно окончил лесхозтехникум. (Вот где кроются корни любви к озеленению.) Работал помощником лесничего в Крас-

Ю. Д. Никишин

ноярском крае. Отслужил армию и вернулся в родной Бийск. На работу в дорожное управление поступил, скорее всего, из-за его близости к дому матери.

Хочется перечислить некоторые этапы его трудового пути:

- 4 марта 1956 г. — зачислен техником производственно-технического отдела Управления дороги Чуйского тракта;
- 18 мая 1956 г. — назначен инженером проектно-изыскательской группы;
- 1 мая 1961 г. — назначен инженером отдела проектирования Управления дороги Новосибирск — Бийск — Ташанта;
- 25 апреля 1972 г. — назначен на должность начальника ДСУ-1, которое затем преобразовали в ДСУ-10.

Юрий Дмитриевич работал много и хорошо. Самым крупным и значительным объектом, пожалуй, был мостопереход через Бию, сданный в эксплуатацию в 1995 г. Это была большая совместная работа, редкая по сложности, очень интересная и результативная. ДСУ-10 под началом Никишина было генеральным подрядчиком, оно строило

левобережный подход, а сам мост и путепроводы — МСУ-30. Вот что сам Никишин пишет об этом строительстве:

«Правильнее это сложное инженерное сооружение называть мостопереходом, так как помимо моста оно включает три путепровода на Чуйском тракте и через дорогу, идущую на Угренево и на примыкание к Солтонскому тракту. Общая протяженность мостоперехода — 9,4 км. Начало его — шестой километр автодороги Бийск — Турочак, конец — 356-й километр дороги Новосибирск — Бийск — Ташанта. Сметная стоимость — 26,4 млн руб. Ширина проезжей части — 7,5 м, длина моста — 563 м.

Представьте, насколько чище станет воздух в том же переулке Коммунарском, когда все транзитные автомобили пойдут не по нему, а в объезд города. Таких автомобилей по нынешнему мосту через Бию ежедневно проходит не менее семи тысяч.

В целом же на протяжении 5,5 километра трасса мостоперехода будет идти по соновому бору, причем часто по просеке, проложенной для линии электропередачи. Проектировщики-изыскатели постарались сделать так, чтобы лесу был нанесен минимальный ущерб. При этом после завершения строительства временно занимаемые земли мы рекультивируем».

Юрий Дмитриевич очень гордился своим «детисцем». Да и государство достойно отметило эту работу — пять дорожников, в том числе Ю. Д. Никишин, получили звание «Заслуженный строитель России». Не один раз он избирался депутатом городской думы.

Вот с таким человеком довелось мне работать — создавать музей Чуйского тракта. Для создания музея были привлечены лучшие художники города: Коробейниковы, Дулепинский С. А., Ибрагимов З. М., Фефилактов В. И.

Ответственным сотрудником по созданию музея на предприятии Никишин назначил Ларису Павловну Мальцеву, которая к тому времени проработала в ДСУ больше 20 лет. Она хорошо ориентировалась в системе дорожно-строительной отрасли Алтайского края, была вхожа во многие кабинеты. Работать с ней было легко. Вот что она вспоминает о создании музея на ее предприятии: «Идея создания музея возникла у Юрия Дмитриевича давно, еще тогда, когда он работал в Управлении дороги Чуйского тракта под началом Станислава Ивановича Крыжановского, который тоже вынашивал идею создания такого музея. Они оба понимали, что материалы, сохранившиеся со времен строительства и исследования дороги, имеют большое музейное, историческое значение: это различные документы, изыскательские проекты, карты, схемы, сметы строительства дороги, фотографии, альбомы и пр. Особое место занимали подлинные изыскательские планшеты Вячеслава Яковлевича Шишкова 1913–1914 гг.».

Музей открылся 2 октября 1992 г. Одним из центральных экспонатов музея стала рельефная карта — макет Чуйского тракта с прилегающими территориями. К тому времени у меня уже был опыт создания аналогичных макетов для экспозиции в отделе природы краеведческого музея. Это была карта бассейна Телецкого озера, которая и сейчас нашла свое место в современной экспозиции. Изготовление рельефного макета Чуйского тракта предложили художнику Станиславу Александровичу Дулепинскому, и он с воодушевлением принялся за работу, которую завершил примерно через

месяц. Многим посетителям она очень нравилась, и уже другой художник на основе новых современных материалов изготовил по заказу еще несколько макетов, которые сейчас находятся в Москве, Барнауле, Горно-Алтайске. Но та первая карта, выполненная Дулепинским из тяжелого цемента, так и осталась одним из центральных экспонатов в новой экспозиции музея. Еще хочется рассказать о создании диорам художником Юрием Павловичем Коробейниковым. Я видела, как Юрий Павлович подбирал нужную цветовую гамму для задних видов диорам: то хмурое осеннее небо, то дождливое лето, но когда он написал прозрачное небо в ясный осенний день, все решили, что хватит поисков — это то, что надо. Прошло уже больше 20 лет, а эти диорамы до сих пор являются настоящим украшением музея. Юные посетители надолго задерживаются перед ними, утверждая, что это 3D-формат. Очень большое внимание в музее уделялось людям: ветеранам войны и труда — строителям дороги. О каждом из них можно рассказывать долго и очень интересно — это настоящий «золотой фонд» страны: ремонтеры и дорожные мастера, асфальтоукладчики и водители, бульдозеристы и экскаваторщики. Многие тысячи людей строили эту дорогу и служили ей. Юрий Дмитриевич любил бывать в музее, приводил туда гостей, мечтал продолжить экспозицию в другие залы.

Приведу записи в книге отзывов музея: «Посещение музея привело в неопишуемый восторг! Здесь собрано и творчески представлено множество материалов за много веков. Огромная благодарность создателям музея — только чаяниями истинного энтузиазма можно создать такую атмосферу! Члены литературного объединения "СКИФ", 21.10.06».

И еще: «Группа (214/5) студентов-дорожников и преподавателей ТГАСУ, направляясь по Чуйскому тракту, посетила восхитительный музей тракта в ДСУ-10. Богатейшая история тракта, его красота вдохновила дорожников ДСУ-10 создать этот музей. Огромная благодарность от всех дорожников России.

Без прошлого нет будущего. Вы храните прошлое и создаете будущее нашей страны. Наша признательность и поклон Вам за это. С уважением от имени студентов и преподавателей ТГАСУ (Томск) проф. Бойков В. Н., 12.06.08».

И еще одно качество хотелось бы отметить у Юрия Дмитриевича — его уважительное отношение к старикам. Ни одна просьба не только ветерана ДСУ-10, но и простых людей, живущих по соседству с управлением, не оставалась без внимания. Уголь, дрова, мебель перевезти — это все к Юрию Дмитриевичу. Особое отношение Никишин проявлял к молодым специалистам. Вспоминает нынешний ветеран труда, а в прошлом выпускница Свердловского автомобильно-дорожного техникума Людмила Попова: «Я приехала после окончания техникума молодой девчонкой. Мне сразу дали жилье, опытного наставника по работе. Юрий Дмитриевич решал все возникающие вопросы быстро и без проволочек. Его отношение к молодым специалистам было скорее отеческим, чем начальственным. Сложился хороший коллектив. К пьяницам и разгильдяям наказание было строгим: выговор или увольнение».

Умер Юрий Дмитриевич в крещенские морозы в 1998 г. Людей было столько, что заполнили весь переулок Центральный. А похоронили его у Чуйского тракта на заречном кладбище. Проезжая по тракту, можно видеть с дороги черныйobelisk, что стоит на могиле. Даже после смерти Юрий Дмитриевич не расстается с дорогой!

4

Хотелось бы немного рассказать об отношении работников предприятия к создававшемуся музею на их территории. Сначала это событие вызывало, мягко говоря, недоумение:

- Зачем нужен музей?
- Лишняя трата денег.
- На дворе перестройка, а тут музей.

Постепенно мнение стало меняться, появилась закономерная гордость у рабочих и руководителей. Музей преображался, завоевывал популярность не только у бийчан, но и у гостей города. И совсем уж наступил переломный момент, когда понесли в музей экспонаты, когда стали советовать, как его лучше обустроить, когда музей расширился и стал занимать почти весь этаж здания. Появились постоянные друзья музея. Среди них такие известные и замечательные люди, как А. Д. Заболоцкий, М. В. Ганичева, Г. М. Свиридонов, Г. Г. Карпушкин, С. П. Рехтин, А. М. Родионов и многие другие. В это время завязались дружеские отношения с членами Алтайской ассоциации любителей ретроавтомобилей. Они были частыми гостями музея, передали ценные экспонаты. После смерти Юрия Дмитриевича Никишина новые руководители предприятия к музею относились уже не так трепетно, настал момент, когда руководители головного учреждения «Алтайавтодора» решили, что будет лучше, если музей перевести в Барнаул, где к тому времени уже был создан ведомственный музей «Дороги Алтая». Мне сообщили, что на днях приедут представители забирать понравившиеся им материалы из бийского музея. Очень не хотелось подчиняться этому требованию, не хотелось, чтобы ценный материал уходил из Бийска, поэтому я упаковала их в несколько коробок и увезла к себе домой в надежде вернуть в более подходящее время, как, впрочем, и случилось. Через некоторое время сменилось руководство в «Алтайавтодоре», изменилось отношение к музею Чуйского тракта в Бийске, мне предложили снова вернуться в музей в ДСУ. Было абсолютно понятно, что пока музей не приобретет какой-либо статус, такое может повториться. В первую очередь я обратилась к директору Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки и к первым руководителям города. Случайно сохранилось обращение к зам. главы администрации Алтайского края Борматову, состоящее из четырех пунктов, одним из которых является: «Определиться с помещением музея. Предлагается разместить его в красном здании Бийского краеведческого музея перед коммунальным мостом, по адресу: Советская, 42». Первым заговорил о целесообразности перенесения музея Чуйского тракта в это здание Анатолий Дмитриевич Заболоцкий, который, бывая в нашем городе в связи с Шукшинскими днями, всегда посещал и музей в ДСУ. В своей книге: «Шукшин в кадре и за кадром» он делает такую надпись: «...с молитвенным пожеланием, чтобы музей Чуйского тракта поселился в красном доме у моста в Бийске. 13.08.2005, А. Заболоцкий». Для меня это казалось несбыточной мечтой.

5

Вопрос переноса музея на более удобное место возникал периодически и постоянно. Все понимали, что самое подходящее место — красное здание музея им. В. В. Бианки, которое расположено у моста через Бию, как раз там, где когда-то и начинался Чуй-

Мы, сотрудники «Мостинксервис - РЭМ»
 из г. Орла с глубоким уважением и интересом
 вас посетили, ознакомились с экспози-
 цией музея «Чуйский тракт», создаваемом
 которого является Юрий Филиппович. Спа-
 сибо ему! Россия сильна провинцией
 1.09.96г. Зайцев
 Хороший музей, хорошая работа. Зайцев

Ознакомились с деятельностью
 ДОУ-10. Увидели своими глазами
 результаты труда музея и
 отметили к работе
 работников, добротой
 от нас. Все это увидели
 действительно поразила нас
 работа музея Чуйского тракта
 3/11-93г. Зайцев

Из книги отзывов музея Чуйского тракта

ский тракт. С 1961 г. эта дорога стала составной частью автомагистрали Новосибирск — Бийск — Ташанта (М-52). По разным причинам этого не происходило, пока музей не посетил глава администрации города Бийска А. В. Мосиенский. Ситуация довольно быстро разрешилась, и в августе 2010 г. музей Чуйского тракта переехал на новые для него площади. Всю музейную экспозицию перевезли на второй этаж красного здания городского музея, где находился в то время отдел природы. Экспозиция отдела природы разместилась на первом этаже, а весь второй этаж передали под экспозицию музея Чуйского тракта. Прежде чем собирать там экспозицию, нужно было привести залы в подобающий вид. Ремонта там давно не было, протекали в нескольких местах потолки, отчего отлетела штукатурка, давно не крашены окна, рамы едва держались, а форточки и вовсе были привязаны веревками к шпингалетам, чтобы не срабатывала сигнализация. Предстояла большая работа. На помощь

пришли члены городского литературного объединения «СКИФ». Они были частыми посетителями музея еще в ДСУ. Бийские литераторы за неделю более-менее привели в порядок помещение, где можно было приниматься за создание экспозиции. В течение месяца разместили весь имеющийся материал в хронологическом порядке по темам, и уже в сентябре 2010 г. музей Чуйского тракта был открыт для посетителей в новом помещении по адресу: ул. Советская 42, в доме Варвинского, там, где ему и следует быть и процветать. Экспозиция обогатилась экспонатами из фондов Бийского краеведческого музея, стала более разнообразной и насыщенной. Настоящим украшением экспозиции стали древние китайские колеса, которые появились в краеведческом музее в 1950-е гг., — они были найдены в реке Чуе ремонтром Молдакановой Нулондой на 521-м км Чуйского тракта и переданы в музей начальником Управления дороги Добронравовым. Возникла идея — поместить одно из колес в стилизованную металлическую подкову. Воплотить эту задумку помогли на предприятии города «Сиалт-Бийск» Подкова как нельзя кстати вписалась в экспозицию нового музея, ее много раз брали на всероссийские выставки. Нашли свое место в экспозиции и настоящий кожаный костюм шофера, и топографический прибор, принадлежавший Вячеславу Яковлевичу Шишкову, и много других подлинных экспонатов. В день открытия экспозиции на новом месте принесли свои материалы мостовики — строители мостов на Чуйском тракте. Хронология строительства мостов начинается с 1922 г., когда на первые федеральные деньги был построен первый мост на Чуйском тракте в с. Кош-Агач через реку Чую, а затем мосты строят один за другим. Позже эти материалы легли в основу отдела экспозиции по истории строения мостов на Чуйском тракте. На открытие музея пришло много народа. Говорили приветственные речи, читали стихи, бийчане рассказывали, как для каждого из них дорогá эта легендарная дорога, какое большое значение Чуйский тракт сыграл в судьбе и самого города. Появились первые отзывы посетителей в книге: «Я, Жуков Ю. Н., первый посетитель замечательного музея. Поздравляю со сбывшейся мечтой: В начале тракта Чуйского — музей Чуйского тракта! 17.09.2010». Я очень хорошо понимала, что это только начало, что предстоит большая и кропотливая работа по созданию хорошей грамотной экспозиции.

Спонсорская помощь пришла вовремя и как нельзя кстати. Первыми откликнулись руководители Торгового дома «Аникс». Зам. главы города Крыжановский С. С. сумел привлечь внимание к музею и других предпринимателей города. Благодаря этому были очищены подвалы здания, откуда вывезли шесть КАМАЗов различного мусора, в основном строительного. В освободившихся помещениях обнаружились некоторые своеобразные архитектурные детали: во-первых, удивительной кладки кирпичный пол; во-вторых, необычной формы ступенчатые подоконники; в-третьих, фундаменты четырех печек в разных концах подвального помещения и еще много чего интересно. Сразу возникло желание использовать подвалы в музейных целях. Впоследствии там была создана постоянно действующая экспозиция по четвертичному периоду — так называемое открытое хранение палеонтологической коллекции с элементами художественного оформления.

Была проделана большая работа и по оформлению площади вокруг особняка. Ее вымостили декоративной плиткой и установили символический нулевой километр

по проекту художника С. В. Бурманова в память о том, что на самом деле здесь когда-то начинался Чуйский тракт.

В 2012 г. на краевой конкурс был представлен проект по адаптации отдела природы к теме Чуйского тракта с той целью, чтобы создать единый музей Чуйского тракта. Проект был одобрен, выделены деньги, и через некоторое время создана экспозиция, которая разместилась на два этажа. Одним из наиболее интересных экспонатов обновленного музея стал памятник Кольке Снегиреву, который является поэтическим отражением истории автомобилизации на Чуйском тракте. Он посвящен Кольке Снегиреву, «самому отчаянному» шоферу тракта, главному герою песни «Есть над Чуей-рекою дорога». Сама песня появилась на Чуйском тракте в начале 30-х годов прошлого века и быстро разлетелась не только по Алтаю, но и по всей стране. Песню знали и любили, и многие из шоферов уверяли, что знали Кольку Снегирева. Но, как выяснил в середине 1960-х гг. барнаульский журналист Юрий Козлов, Кольки Снегирева не было, а был Николай Ковалев — один из первых водителей города Бийска, который работал на Чуйском тракте. Он, в отличие от героя песни, не погиб, а жил и работал в Бийске. Увековечил имя Николая его друг Михаил Михеев, который работал на авторемзаводе. Впоследствии Михаил Петрович Михеев стал известным писателем-фантастом и жил в Новосибирске. В 1986 г. ветераны транспортного предприятия «СовавтоБийск», осуществлявшие перевозки в Монголию, установили у дороги на Белом Боме памятник Кольке Снегиреву и своим друзьям, погибшим на Чуйском тракте. Про это новосибирские документалисты сняли фильм «Шоферская баллада», ставший лауреатом среди документальных фильмов на всесоюзном конкурсе. В 2012 г. в результате реконструкции памятник был смещен на обочину дороги, а затем оказался в придорожном кювете. Чтобы спасти и сохранить памятник, сотрудники музея организовали небольшую экспедицию и привезли его в Бийск. Так музей пополнился одним из интересных экспонатов, который занял свое почетное место в зале «Автомобилизация Чуйского тракта». Об этом зале хочется рассказать немного подробнее. Он появился в 1914 г. благодаря деятельности ветеранской организации автомобилистов города и ее председателя Виталия Игнатьевича Шестакова, который сумел объединить вокруг себя ветеранов шоферов-чуйцев. Средства на экспозицию собирались «по кругу». Ветераны приносили свои фотографии, документы, почетные грамоты, личные вещи — все это нашло свое место в новой экспозиции музея, посвященной деятельности крупнейшего автомобильного треста в Алтайском крае. В 2016 г. реконструирован первый зал музея «Дорога тысячелетий».

Круг посетителей музея значительно расширился. Частыми гостями стали туристы из разных регионов нашей страны, а также иностранцы — из Китая, США, Монголии, Австралии, Бразилии, Германии, Франции, Польши и других стран. В последние годы музей стал съемочной площадкой для телевизионных передач и фильмов. Здесь снимались «Непутевые заметки» Д. Крылова, «Письма из провинции» и др. В сентябре 2016 г. известный музыкант, режиссер и шоумен Гарик Сукачев снял свой фильм «То, что во мне» (рабочее название — «Алтайская песня»). О том, как проходили съемки, Гарик Сукачев рассказывал так: «Чуйский тракт на Алтае — потрясающая дорога для путешествий. Я ехал на своем мотоцикле от нулевого километра го-

рода Бийска, где находится прекраснейший музей Чуйского тракта, до монгольской границы...».

Новая жизнь и для здания, и для музея началась после того, когда к решению музейных проблем подключилось краевое управление «Автодор».

Преобразилось само здание — новая кровля, новые окна, новая проводка, новая вентиляция, отремонтированы потолки и стены. Обновляется экспозиция, пришли молодые грамотные заинтересованные сотрудники, увеличивается поток посетителей. А иногда, особенно в Музейную ночь (к этой международной акции музей присоединяется ежегодно), можно увидеть длинный хвост очереди желающих попасть в музей, и это, наверное, единственный случай, когда очередь не вызывает негативных эмоций, а даже радует и вдохновляет.

Составители: Е. А. Грехова, Е. И. Ракитянский

ХРОНОЛОГИЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА ПОСЛЕ 1900 г.

К началу XX в. дороги и дорожные сооружения в Алтайском округе строились и исправлялись несколькими ведомствами за счет натуральных и денежных повинностей крестьянства, переселенческого управления, Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, управления Алтайского округа кабинета Его Императорского Величества. На начало XX в. протяженность учтенных грунтовых дорог в Алтайском округе составляла 6 828 верст. Важнейшую роль среди этих дорог играл Чуйский тракт, имевший к тому времени большое международное значение. В данном материале собрана краткая хронология Чуйского тракта с 1900 г. по наши дни.

1900 г.

Сентябрь. Томским губернатором Вяземским в Горный Алтай был направлен для руководства строительством Чуйского тракта известный горный инженер И. И. Биль.

Составлена смета дорожных работ на Чуйском тракте исправником С. П. Лучшевым и инженером И. И. Билем с расчетом ширины дороги на бобах 3,5 аршина, а в остальных местах — 5 аршин. Стоимость всех работ по смете должна была составить 83 тыс. руб.

Бийские торговцы собрали 10 тыс. руб. по подписке на строительство тракта.

1901 г.

Май. На Чуйском тракте начались работы по устройству колесной дороги на перевале Чике-Таман, поскольку до него колесная дорога уже существовала.

Июнь. В Бийск, а затем в село Хабаровку на Чуйский тракт прибыла команда саперов под руководством двух офицеров: поручика Федорова и Бурхановского для проведения взрывных работ на бобах.

Подряд на строительные работы получил торговец из с. Алтайского А. С. Смирнов. В этот год на тракте трудилось до 158 рабочих.

1902 г.

На всем протяжении Чуйского тракта прокладывалась колесная дорога, приспособленная для гужевого транспорта. На тракте существовали три паромные переправы.

1903 г.

В середине года строительство тракта было закончено на протяжении от Онгудая до Кош-Агача, но качество дороги уже не отвечало требованиям того времени. Работа

И. И. Биля подверглась критике в печати. Подрядчик А. С. Смирнов на строительстве тракта получил серьезные убытки.

1911 г.

Чуйский тракт передан в ведение Министерства путей сообщения.

1912 г.

Бийский биржевой комитет обратился в министерство об исправлении тракта, и бюджетная комиссия Государственной думы отпустила 15 тыс. руб. для проведения изыскательских работ в Горном Алтае.

1913 г.

Министерство путей сообщения запросило еще 40 тыс. руб. для дополнительных изысканий на Чуйском тракте.

Летом в Горном Алтае работала экспедиция из 10 человек во главе с В. Я. Шишковым. Двумя партиями были обследованы «левобережный» и «правобережный» варианты трассировки будущего тракта.

1914 г.

Работы продолжились в камеральных условиях. Составлены подробные карты на планшетах и продольные профили дороги. Составлена примерная смета работ, но окончание изысканий было прервано начавшейся Первой мировой войной.

1917 г.

Бийская городская дума и Бийская земская управа решили совместно начать финансирование моста через реку Бию (по 150 тыс. руб.). Подготовительные земляные работы начались, но пришедший к власти Совдеп работы остановил, а на оставшиеся деньги начал строить каланчу на горе.

1919 г.

Июнь. На заседании Бийской городской думы обсуждалось положение дел со строительством моста через реку Бию, которое теперь оценивалось в 700 тыс. руб. Необходимые средства городское самоуправление надеялось получить от Губернского земства, так как Чуйскому тракту был нужен мост через Бию. На переправе через Бию работал паром, но это не спасало от огромных очередей на пароме.

1922 г.

Принятое решение о присвоении Чуйскому тракту официального статуса дороги федерального значения связано с желанием укрепить политические и хозяйственные связи между молодым Советским государством и Монгольской Народной Республикой. В ноябре 1921 г. В. И. Ленин принял делегацию Монголии, а 26 мая 1922 г. Постановлением ВЦИК РСФСР Чуйский тракт объявлен дорогой государственного значения.

Октябрь. Постановлением Сибревкома в городе Бийске организован 3-й участок гуждор, в ведение которого передавался Чуйский тракт, руководителем которого был назначен Евгений Львович Слашев.

Построен деревянный мост на Чуйском тракте через реку Чую у села Кош-Агач.

1923 г.

Затраты на выполнение дорожно-строительных работ составили 31,6 тыс. руб. Построены мосты, отремонтированы два парома через Катунь. Проведено обследование Чуйского тракта на всем протяжении.

1925 г.

Организована ремонтерская служба. Вдоль всего Чуйского тракта построены ремонтерские избы. Ремонтер — дорожный рабочий, проживающий в пределах своего обхода, должен был ежедневно проходить его и осматривать все сооружения. Если во время обхода он обнаруживал неисправности, которые представляют затруднения и опасность для движения (камни, посторонние предметы на проезжей части, сломанные деревянные настилы или перила и т. д.), то немедленно их устранял. Эта служба существовала до середины 1970-х гг.

1926 г.

Началось строительство новой дороги через перевал Чике-Таман, протяженность старого тракта увеличилась на 2 км, но при этом вместо 18 серпантинов осталось лишь три.

1929 г.

Продолжились строительные работы на участке Бийск — Майма — Усть-Сема — Чемал. В строительстве через гужевую повинность были задействованы многие жители Горного Алтая.

1931 г.

Апрель. В соответствии с распоряжением Главдортранса РСФСР за № 2030 Бийская контора «Дорстроя» была слита с конторой «Удорстроя». Для упрощения и сокращения титульных наименований организация стала называться «Постройка Чуйского тракта».

1932 г.

Изыскательские работы на Чуйском тракте провели московские специалисты под руководством начальника изысканий А. С. Родионова.

В Бийске пущен в эксплуатацию подчиненный Чуйскому тракту авторемонтный завод.

1933 г.

Окончательно выбран вариант строительства Чуйского тракта по направлению Бийск — Майма — Усть-Сема — Черга — Онгудай — Иня — государственная граница (правобережный вариант).

Чуйский тракт передан в ведомство НКВД. Учреждение «Постройка Чуйского тракта» стало именоваться «Управление дороги Бийск — Кош-Агач Ойротской шоссейной дороги Управления Народного Комиссариата Внутренних дел НКВД». Руководит строительством дороги Н. В. Вишневецкий (1933–1936). Впервые появляется такое понятие, как ЧВТ. Все рабочие и служащие приравниваются к бойцам Красной армии. Организуется 7-е отделение «Сиблага», начальником которого назначается Волков. Вдоль всего Чуйского тракта строятся «командировки», где живут заключенные — основные строители дороги.

1934 г.

Июль. Построен понтонный мост через реку Бию в городе Бийске, самый большой в Советском Союзе. С постройкой моста Чуйский тракт выходит к железнодорожной станции города Бийска.

Июль. Проведен первый автопробег по Чуйскому тракту, главной задачей которого была проверка эксплуатационно-технических качеств нового тракта, а также испытание новых отечественных автомобилей ЗИС-5 в условиях горных дорог.

Ноябрь. Строительство Чуйского тракта завершено на всем протяжении и осуществлено фактически в течение двух коротких и дождливых сезонов 1933–1934 гг. при наличии 5 000–6 000 человек рабочей силы.

1935 г.

Январь. Чуйский тракт принимает государственная комиссия. Чуйский тракт как одна из важных внешнеторговых магистралей Советского Союза и основная автодорожная артерия Ойротской автономной области, имея головным участком город Бийск как исходный пункт железной дороги и водного транспорта, доходит до границы Северо-Западной Монголии. Общее протяжение тракта составляет 622 км, из которых до 500 км проходит в местности высокогорных хребтов Северного Алтая, пересекая перевалы Семинский и Чике-Таманский.

Март. Построен деревянный мост через реку Катунь у села Усть-Сема. Автор проекта и руководитель строительства А. Труевцев.

1936 г.

Руководителем «Управления дороги Бийск — Кош-Агач Ойротской шоссейной дороги Управления Народного Комиссариата Внутренних дел НКВД» назначен Н. Д. Стенников (1936–1938).

Построен двухцепной висячий мост через реку Катунь в селе Иня с деревянной фермой жесткости по проекту инженера А. С. Цаплина. Впервые в мире применена уникальная конструкция моста. Сохранен как памятник мостостроения.

1937 г.

Сентябрь. С образованием Алтайского края как административной единицы начался новый этап в развитии дорожной отрасли Алтая. Постановлением ЦИК СССР создана единая специализированная краевая дорожная организация — Отдел шоссейных дорог при Управлении НКВД по Алтайскому краю.

1938 г.

Июнь. Отдел шоссейных дорог при Управлении НКВД преобразован в дорожный отдел Алтайского крайисполкома. Чуйский тракт не вошел в его подчинение, а остался в системе НКВД и находился на государственном финансировании.

Руководителем Управления дороги Чуйского тракта назначен П. В. Овсянников (1938–1942).

1939 г.

Реконструирована дорога на участке Бийск — Майма.

1941–1945 гг.

В эти годы Управление дороги Чуйского тракта оставалось в Бийске, в заречной части города. Дорога на всем протяжении до монгольской границы была разбита на участки — ДЭУ. Первый приказ военного времени по Управлению дороги Чуйского тракта НКВД СССР от 23 июня 1941 г. был подписан начальником управления Овсянниковым П. В., который в 1942 г. ушел на фронт добровольцем. До конца Великой Отечественной войны должность начальника Управления дороги Чуйского тракта выполнял Ф. Н. Белобородов (1942–1947), награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Грузы по Чуйскому тракту возили на лошадях, быках, верблюдах, так как почти все автомобили вместе с водителями были отправлены на фронт.

В эти годы реконструировали участки тракта на Белом Боме и боме Ак-Турлаган.

1946 г.

Отменен военизированный статус Чуйского тракта.

1947 г.

Руководителем Управления дороги Чуйского тракта назначен В. Н. Добронравов (1947–1956).

1956–1957 гг.

Проведены работы по капитальному ремонту участка с устройством асфальтированного покрытия дороги Усть-Сема — Шебалино.

1958 г.

Начаты работы по капитальному ремонту участка дороги Бийск — Майма.

1959 г.

Построен первый металлический мост через реку Катунь в селе Усть-Сема. Главный инженер строительства и автор проекта Тырышкин.

1961 г.

Чуйский тракт становится составной частью в автомагистрали Новосибирск — Бийск — Ташанта (М52). Нулевой километр этой магистрали перенесен из Бийска в Новосибирск.

1963 г.

Руководителем Управления дороги Чуйского тракта назначен Н. И. Измоденов (1963–1967).

1964 г.

В Бийске построен железобетонный мост через реку Бию взамен старого понтонного.

1965 г.

Построен металлический мост через реку Ишу.

1967 г.

Руководителем Управления дороги Чуйского тракта назначен С. И. Крыжановский (1967–1982).

1965–1976 гг.

Перестроен ряд наиболее сложных и опасных участков дороги, в том числе перевалы Семинский и Чике-Таманский.

1970 г.

Построен металлический мост через реку Катунь у села Иня.

1972 г.

Управление строительства и ремонта объединилось с дорожно-строительным трестом в Алтайское краевое производственное управление строительства и эксплуатации автодорог «Алтайавтодор».

1976 г.

Построен металлический мост через реку Чую в селе Кош-Агач.

1981 г.

Завершена реконструкция тракта на бомах Айрыташ, Кынгырар и Яломан.

1982 г.

В Алтайском крае производственное управление строительства и эксплуатации дорог «Алтайавтодор» преобразовано в объединение «Алтайавтодор» с присоединением Управления дороги Новосибирск — Бийск — Ташанта.

1983 г.

Декабрь. Построена новая дорога на перевале Чике-Таман.

1989 г.

Участок дороги от Бийска до Верх-Катунской дробильно-сортировочной фабрики протяженностью 21 км реконструирован под вторую категорию с четырьмя полосами движения.

1995 г.

Построена первая очередь обхода города Бийска с мостом через реку Бию, которая признана лучшей по качеству строительства в Российской Федерации.

2002 г.

Реконструирован под первую техническую категорию участок подъезда к Барнаулу протяженностью 2,6 км.

2002–2006 гг.

Чуйский тракт реконструирован под первую техническую категорию на участке Белоярск — Новоалтайск. Протяженность ремонта составила 10,6 км.

2010 г.

Ноябрь. Сдан в эксплуатацию мостовой переход через реку Катунь протяженностью 309 метров — самый большой в Республике Алтай.

2008–2011 гг.

Чуйский тракт реконструирован под первую техническую категорию на участке Цаплино — Белоярск, протяженность ремонта 18,5 км.

2013 г.

Введены в эксплуатацию 6-й и 7-й пусковые комплексы проекта реконструкции Чуйского тракта на участке Дубровка — Рыбалка, протяженность ремонта 9 км.

Завершено строительство второй очереди обхода Бийска. Транзитный транспорт, следующий со стороны Новосибирска в Республику Алтай и в обратном направлении, выведен за пределы Бийска. Общая протяженность обхода составила 20 км.

2016 г.

Введен в эксплуатацию первый пусковой комплекс проекта реконструкции Чуйского тракта на въезде в Республику Алтай протяженностью 5,8 км.

2018 г.

Завершена реконструкция участка Чуйского тракта в районе с. Тальменка протяженностью 5,8 км.

2019 г.

Завершено строительство моста длиной 100 м через реку Ишу.

Введен в эксплуатацию участок Чуйского тракта в Майминском районе Республики Алтай, который станет началом обхода села Майма. Построена первая в регионе двухуровневая развязка.

Завершена реконструкция участка Чуйского тракта в Тальменском районе Алтайского края. Построены новый мост через реку Чумыш длиной 306 м и подходы к нему протяженностью 9 км.

Е. И. Ракитянский, М. С. Яскова

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Точкой отсчета, с которой для Чуйского тракта началась новая жизнь, стал 1922-й — год придания дороге статуса государственной. С тех пор развитие важнейшей транспортной артерии, соединяющей сегодня три сибирских региона и открывающей выход России к Монголии и Китаю, шло стабильно и планомерно.

В конце 1921 г. Владимир Ленин принял делегацию Монгольской Народной Республики — первого государства, признавшего советскую власть. Было решено укрепить политические и хозяйственные связи между двумя государствами. Соответствующее Постановление ВЦИК РСФСР вышло 26 мая — Чуйский тракт был признан дорогой общегосударственного значения. Административная комиссия Алтайского губернского экономического Совета 21 августа 1922 г. установила очередность работ на тракте, 23 августа создан Третий участок Сибирского отдела местного транспорта для плановой и конкретной организации всех видов работ, а Постановлением Сибревкома от 31 декабря Чуйский тракт официально передали в ведение этого участка.

Работы по модернизации тракта начались в том же году. На средства государственного бюджета построили деревянный мост через реку Чую в Кош-Агач. Привели в проезжее состояние участок дороги от Бийска до Комаринского перевала. В 1923-м отремонтировали две паромные переправы через реку Катунь: в районе бома Кор-Кечу и села Малый Яломан — по Чуйскому тракту снова могут ходить гужевые повозки. На всем протяжении провели обследование дороги.

Маршрут, по которому тогда проходил Чуйский тракт, от Бийска через села Алтайское и Чергу к Онгудаю и Ине, сложно было назвать оптимальным, он включал три перевала и четыре паромные переправы. Да и состояние тракта не способствовало развитию перевозок. Пришло время вспомнить про предложенный Вячеславом Шишковым вариант дороги — по правому берегу Катунь. Реализации этого проекта в свое время помешал ряд геополитических факторов — войны и революция. Соответствующее решение принимают в отделе шоссейных дорог Центрального управления местного транспорта.

С 1925 г. на тракте начинает работать специальная служба: вдоль дороги построены избы для ремонтеров — дорожных рабочих, которые должны были ежедневно проходить свой участок и осматривать все расположенные на нем сооружения. Если обнаруживались неисправности и дефекты, которые могли затруднить движение или представлять опасность, их незамедлительно устраняли. Ремонтерская служба просуществовала до середины 70-х гг. прошлого века.

В 1926 г. началось строительство новой дороги через перевал Чике-Таман, вместо 18 серпантинов на старом маршруте осталось всего три. Участвовало в строительстве местное население, отрабатывающее трудовую повинность. Кроме того, каждый рабо-

тоспособный житель села, по которому проходил Чуйский тракт, обязан был привезти для отсыпки дороги сто ручных тачек земли или гравия, за привезенное сверх нормы выплачивали деньги. Для перевозки грузов использовали лошадей из артелей и колхозов. Так, в протоколе от 24 июля 1926 г. Президиума Бийского окрисполкома отмечено, что граждане села Сетовка сами постановили дать 500 подвод бесплатно для строительства Чуйского тракта. В 1929–1930-х гг. строительство идет на правобережном направлении: Бийск — Майма — Усть-Сема — Чемал.

К осени 1932 г. главной рабочей силой стали заключенные седьмого отделения сибирских лагерей (Сиблаг). В основном это были раскулаченные крестьяне, в том числе женщины, репрессированные священники. Вдоль тракта строились так называемые командировки, внутри которых стояли бараки для заключенных, рассчитанные на 200–300 человек. Это были территории особого назначения, обнесенные высокими заборами с колючей проволокой, по периметру охраняемые вышками.

Вооруженные лопатами, кирками и тачками «сиблоневцы» порой делали невозможное. Тяжелый каторжный труд, суровые природные условия, лагерная жизнь погубили не одну сотню невольных рабочих, да и руководящий состав управления дороги позднее подвергся репрессиям.

В 1933 г. Чуйский тракт передан в ведомство НКВД: 5 июня выходит Постановление Правительства по народному комиссариату и внешней торговле СССР, которое закрепляет за Чуйским трактом статус военизированной дороги. Это должно было обеспечить его бесперебойную работу — мера необходимая с учетом значения тракта в системе народного хозяйствования. С этого момента за ним закреплено название «Чуйский военизированный тракт», а все его работники приравниваются к бойцам Красной армии.

В этом же году на Семинском перевале появляется очередная «командировка». Руководит строительством Николай Вишневский, брат известного советского писателя и военного журналиста, возглавляет работу всех заключенных начальник седьмого отделения «Сиблага» Волков.

В тот период Волков пишет: «Противоположно медленному умиранию заключенных в тюрьмах буржуазных стран или их хищнической капиталистической эксплуатации в СССР труд, лишенный свободы, является основным методом исправления в минимальный срок любого правонарушителя до возврата его обратно в общество в качестве сознательного труженика великого социалистического отечества... Мы же перенесем образцы четкой чекистской работы на Беломорстрое на наш Чуйский тракт и ударной работой обеспечим полное выполнение программы строительства 1934 года».

12 июня 1934 г. было открыто движение по крупнейшему в СССР наплавному понтонному мосту через Бию — Чуйский тракт получил прямой выход к железной дороге. На бомах Кор-Кечу и Яломан объем скальных работ, проведенных заключенными вручную, с начала 1934 г. превысил 100 тысяч кубометров, а объем кладки подворных стенок — 24 тысячи кубометров.

В 1934 г. дорога от Бийска до монгольской границы становится пригодной для проезда автотранспорта на всем протяжении. На первой странице альбомов, которые были подарены в честь окончания строительства Чуйского тракта передовым работникам, можно прочитать: «Чуйский тракт как одна из важных внешнеторговых магистралей

Советского Союза и основная автодорожная артерия Ойротской автономной области, имея головным участком город Бийск как исходный пункт железной дороги и водного транспорта, доходит до границы Северо-Западной Монголии. Общая протяженность тракта составляет 622 км, из которых около 500 км проходят в местности высокогорных хребтов Северного Алтая, пересекая перевалы Семинский и Чике-Таман. Строительство Чуйского тракта осуществлено фактически в течение двух коротких и дождливых сезонов 1933–1934 гг. при наличии 5 000–6 000 человек рабочей армии, упорным трудом, под руководством большевистской партии во главе с вождем тов. Сталиным, давшей мощный рычаг производительности труда в лозунгах применения социалистических методов труда — соцсоревнования и ударничества, широко развернувшихся на стройке».

12 июля в 11:00 из Бийска стартовал первый автопробег по Чуйскому тракту. Стояла задача — проверить в горных условиях автомашины ЗИС-5, АМО-3 и Форд АА Ярославского завода и последствия влияния прохода автоколонн на дорогу. Установлено количество ходовых часов проезда: от Бийска до Кош-Агача — 22 часа, в обратном направлении — 19.

1 января 1935 г. Чуйский тракт принимает государственная комиссия. За время строительства тракта объем земляных и скальных работ превысил 2,5 млн кубометров, ввели в эксплуатацию 1 300 метров мостов и 330 км покрытия. Все это обошлось более чем в 20 млн рублей.

Весной 1935-го приступают к строительству еще одного знакового для Чуйского тракта объекта — первого в мире двухцепного висячего моста. Сооружение спроектировал инженер Сергей Цаплин, выпускник Ленинградского института инженеров путей сообщения. Он же руководил строительством, а работали на объекте снова заключенные седьмого отделения Сиблага. В апреле 1936 г. провели первые испытания, а 1 мая уже ввели мост в эксплуатацию. Его длина составила 142 м, высота пилонов — 21 м. Прослужила конструкция до 1970-го — 34 года без каких-либо значительных ремонтных работ. Сейчас рядом построен металлический, а Цаплинский, или Ининский, мост стал памятником архитектуры и внесен в реестр объектов культурного наследия Российской Федерации.

В довоенный период дорожники успели провести изыскательские работы и построить участок от Бийска до Маймы. Но и во время Великой Отечественной войны работы не прекращались, реконструировали участки на Белом Боме и боме Ак-Турлаган.

В годы Великой Отечественной войны мобилизовали не только людей, на фронт уходили автомобили — почти вся действующая техника. Для городских и загородных перевозок осталось 40 автомобилей устаревших марок. Груз перевозили на лошадях, быках и верблюдах. Зимой 1943–1944 гг. из Монголии в Бийск было сделано 18 тысяч верблюдоходок — существовал такой термин. Известен случай, когда караваном привезли 120 тонн цветного металла. Это была высокохудожественная буддийская пластика. Подарок монголов пошел на переплавку и использовался для производства авиационных и танковых двигателей.

За годы войны Монгольская Народная Республика поставила Советскому Союзу 485 тысяч лошадей, в том числе 30 тысяч в качестве дара монгольских аратов. В помощь Красной армии соседи направили продуктов сельского хозяйства и материальных ценностей на сумму 65 млн тугриков.

Несмотря на трудности, Чуйский тракт содержали в проезде состоянии: дорожники все делали сами, даже аккумуляторные батареи. Когда ломалась техника, брались за лопаты. Многие из работников были удостоены наград за работу в тылу, некоторые специалисты были просто незаменимы. Так, Андрея Антропова, начальника мастерских автобазы, призвали на фронт в первые дни войны, но почти сразу отправили обратно — без него на дороге было не обойтись, и Чуйский тракт стал его фронтом. А. Антропов одним из первых получил звание почетного дорожника.

В послевоенный период в связи с развитием сельского хозяйства и промышленности Горного Алтая и увеличением грузооборота в 1950–1960-х гг. значение Чуйского тракта только росло, масштабные работы по его преобразованию продолжались. Здесь провели капитальный ремонт участка Усть-Сема — Шебалино, в Усть-Семе построили первый металлический мост через Катунь, а затем аналогичное сооружение возвели через реку Ишу, берега Бии соединил железобетонный мост. Начиная с 1963 г. фронт работ сдвинули в отдаленные горные районы, дорогу модернизировали за селом Онгудай.

Еще одно событие, изменившее Чуйский тракт, пришлось на 1961 г. Тракт становится частью автомагистрали М-52 (а с 2018 г. — Р-256), отсчет километров теперь начинается в Новосибирске: Новосибирск — Барнаул — Горно-Алтайск — граница с Монголией. Протяженность — более 960 км, дорога входит в азиатский маршрут АН4.

За следующие два десятка лет возвели и реконструировали наиболее сложные и опасные участки. Последнее коренное переустройство завершили в 1980-х гг., когда проложили новую дорогу через перевал Чике-Таман.

В конце 1970-х гг. начаты работы на новой дороге через перевал Чике-Таман. В строй ее пустили в декабре 1983 г. В 1990-х гг. ДСУ-10 завершило строительство первого этапа обхода Бийска, который должен был вывести транзитный транспорт за пределы города, однако приступить к продолжению работ удалось не сразу. В 2000 г. на подъезде к Барнаулу был введен в эксплуатацию после реконструкции участок I технической категории с четырьмя полосами движения и разделительной полосой протяженностью 2,6 км. Это событие стало началом последовательного преобразования Чуйского тракта в современную магистраль.

Больше 70 лет на Чуйском тракте проработало предприятие — международный автоперевозчик «Совавто-Бийск», чья история неразрывно связана с этой дорогой. Уже 82 года (с 1937 г.) успешно продолжает свою деятельность КГКУ «Алтайавтодор» (раньше Крайдоротдел). С 1982 г. Алтайавтодор стал единым предприятием, осуществляющим управление всем дорожным хозяйством Алтайского края, координирующим развитие сети автомобильных дорог. Последним начальником управления был Станислав Крыжановский, почетный дорожник, кавалер ордена «Знак Почета».

С 2004 г. Чуйский тракт перешел в оперативное управление созданного ФКУ Упрдор «Алтай», представляющего Росавтодор в Республике Алтай и Алтайском крае.

На старом Чуйском тракте

Экспедиция во главе с В. Я. Шишковым (третий справа)
по обследованию Чуйского тракта в 1913–1914 гг.

Коллектив строительного-шоссейного дорожного управления № 6, 1934 г.

Строительство Чуйского тракта в горах Алтая

Строительство Чуйского тракта

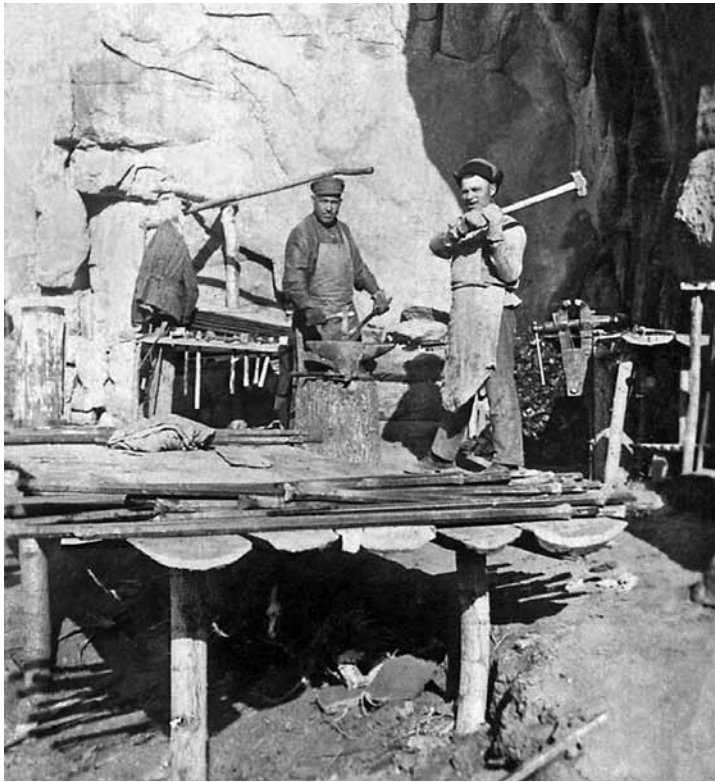

Забойное бурение шпуров

Строительные работы на Чуйском тракте в 30-е гг. XX в.

Ремонт инструмента был приближен к месту работы на тракте

Укатка гравийной «одежды» полотна дороги

Понтонный мост через р. Бию построен в 1934 г.

Законченный участок дороги в с. Сростки, 1934 г.

Кадры Чуйского военизированного тракта (ЧВТ) 1933–1946 гг.

Чуйский тракт в горах Алтая

Чуйский тракт около г. Бийска (верхнее фото) и г. Горно-Алтайска (нижнее фото)

Музей Чуйского тракта

В музее Чуйского тракта г. Бийска

Содержание

Я. А. Долинский	3
Н. А. Фролов. Предисловие от редактора.....	4
А. В. Старцев СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО ТРАКТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.	7
Н. А. Фролов ГРИГОРИЙ АКИНФОВИЧ ВАРВИНСКИЙ: ТУРИНСКИЙ МЕЩАНИН, КРЕСТЬЯНИН ОНГУДАЯ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ АЛТАЯ	20
Л. Н. Новикова ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ БИЙСКА НАЧАЛА XX ВЕКА — ДОМ Г. А. ВАРВИНСКОГО	35
Е. А. Грехова ДОМУЗЕЙНЫЙ ПЕРИОД ДОМА ВАРВИНСКИХ	44
Составитель Н. И. Занина ЛЕТОПИСЬ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. В. В. БИАНКИ В ДОКУМЕНТАХ И ФАКТАХ.....	52
Н. А. Фролов ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ	86
Н. А. Фролов БОРИС СЕРГЕЕВИЧ МИТРОПОЛЬСКИЙ	92
А. Л. Кунгуров СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ	96
В. Ф. Гришаев АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ МАРКОВ	101
Е. А. Грехова БОРИС ФЕДОРОВИЧ БЕЛЬШЕВ	106
Е. А. Грехова ЭДУАРД АНДРЕЕВИЧ ИРИСОВ	111
Е. А. Грехова НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЦЕХАНОВСКАЯ	114
Н. А. Фролов ПАВЕЛ ДЕМЬЯНОВИЧ ДЕМЬЯНОВ	118
Н. А. Фролов БОРИС ХАТМИЕВИЧ КАДИКОВ	123
Е. А. Грехова РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА	129
Составители: Е. А. Грехова, Е. И. Ракитянский ХРОНОЛОГИЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА ПОСЛЕ 1900 г.	140
Е. И. Ракитянский, М. С. Яскова ЧУЙСКИЙ ТРАКТ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	147

Бийская история Чуйского тракта

Редактор:
Е. М. Федяева

Подготовка оригинал-макета:
А. А. Карпов

Подписано в печать 14.01.2020
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 19,40. Тираж 200 экз. Заказ № 3